

Irvin Shaw

ИРВИН ШОУ

НИЩИЙ, ВОР
НОЧНОЙ ПОРТЬЕ

Ирвин Шоу

Нищий, вор. Ночной портье

Серия «NEO-Классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18394363

*Нищий, вор. Ночной портье : [романы : перевод с английского] / Ирвин Шоу: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107270-4*

Аннотация

«Нищий, вор» (1977) – вторая книга легендарной семейной саги Ирвина Шоу о Джордах, продолжение романа «Богач, бедняк».

Бурные шестидесятые. Консервативная «старая Америка» с ужасом и недоумением следит за бунтом молодежи, отказавшейся жить по диктуемым ей правилам. Новым, непривычным становится все: искусство, любовь, политика, образ жизни. Теперь второму поколению семьи, знакомой нам по первой части саги, – Билли Эбботу и Уэсли Джордаху – предстоит бороться за свое место под солнцем.

«Ночной портье» (1975). Казалось бы, лучшие дни Дугласа Граймса давно позади. Бывший летчик, а теперь ночной портье в дешевой гостинице, он едва сводит концы с концами. Но тут судьба делает головокружительный поворот – внезапно умирает один из постояльцев и Дуглас с его деньгами бежит в Европу.

Вот он – шанс взять у жизни реванш! И Дуглас Граймс готов воспользоваться им, поставив на карту все, что у него есть...

Содержание

Нищий, вор	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	49
Глава 4	77
Глава 5	92
Глава 6	118
Глава 7	137
Глава 8	159
Часть вторая	176
Глава 1	176
Глава 2	200
Глава 3	212
Глава 4	241
Конец ознакомительного фрагмента.	253

Ирвин Шоу

Нищий, вор. Ночной портье

Серия «NEO-Классика»

Irwin Shaw

BEGGARMAN, THIEF

NIGHT WORK

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств The Sayle Literary Agency и The Marsh Agency Ltd.

© Irwin Shaw, 1975, 1977

© Перевод. И. Якушкина, наследники, 2014 © Перевод.
Н. Емельяникова, наследники, 2014

© Перевод. А. Санин, 2005

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Нищий, вор

Посвящается Джиму и Глории

Часть первая

Глава 1

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

По словам Моники, я пустое место. Правда, говорит она это не на полном серьезе. Что же касается меня, то я не считаю Моника пустым местом. Но раз уж я в нее влюблен, то быть объективным трудно. Подробнее об этом дальше.

Однажды она поинтересовалась, что я пишу в этой записной книжке. Я ответил, что поскольку, как неустанно твердит наш полковник, мы здесь, в НАТО, на огневом рубеже цивилизации, то грядущим поколениям будет любопытно узнать, что означало быть на огневом рубеже цивилизации в Брюсселе во второй половине двадцатого века. Вдруг какой-нибудь покрытый атомной пылью ученый, роясь в руинах города, наткнется на обугленную по краям, по-

крытую пятнами засохшей крови (моей собственной) записную книжку и будет благодарен У. Эбботу-младшему за его старания поведать потомкам о жизни простого американского солдата, защищавшего цивилизацию в этой части Европы, рассказать о цене на устрицы в ту пору, о форме и объеме бюста его возлюбленной, о доступных ему развлечениях вроде постельных утех и кражи армейского бензина и так далее.

«И часто ты занимаешься такой ерундой?» – спросила Моника.

«А чем мне еще заниматься?» – возразил я.

«Разве у тебя нет никаких убеждений?» – полюбопытствовала она.

«Почему же? – сказал я. – Я убежден, например, что плыть надо только по течению. А поэтому, если идет по улице процессия, я поскорее становлюсь в строй и, шагая с другими в ногу, приветствую толпу независимо от того, друзья это или враги».

«В таком случае продолжай свое сочинительство, – сказала Моника. – Только не забудь написать, что ты не истинный представитель своего поколения».

Слово «сочинительство», пожалуй, как нельзя лучше подходит для определения того, чем я занимаюсь. Я вышел из литературной среды. Мои отец и мать, так сказать, труженики пера или, скорей, были тружениками пера. Отец работал на рекламу, то есть творил в той области, кото-

рая не пользуется большим уважением ни у писателей, ни у издателей. Тем не менее каковы бы ни были числившиеся за ним свершения или неудачи, он пришел к ним, сидя за пишущей машинкой. Сейчас он живет в Чикаго и часто, особенно когда пьян, пишет мне. Я незамедлительно отвечаю. Мы большие друзья, поскольку нас разделяют четыре тысячи миль.

Моя мать — общаемся мы предельно мало — раньше сочиняла критические статьи для каких-то безвестных журнальчиков. Сейчас она подвизается в кино. Я вырос под стук пишущих машинок, поэтому мне проще простого фиксировать свои нынешние мысли на бумаге. Развлечений здесь мало, хотя Брюссель лучше, чем Вьетнам, как говорит наш полковник.

Я играю с полковником в теннис и хвалю его за отличную подачу, хотя в этом он отнюдь не силен. Зато таким манером тоже можно делать карьеру.

Если русские не нанесут по НАТО упреждающего удара, как грозит наш полковник, я сумею продолжить свое «сочинительство». Будет чем заняться, когда затихает жизнь у нас в гараже, которым я заправляю.

Интересно, чем занят сейчас, когда я это пишу, начальник гаража при штабе войск Варшавского пакта, а?

Журналист Александр Хаббел работал в парижском отделении журнала «Тайм». Правда, на этой неделе он мог бы

и не вспоминать про работу, потому что взял отпуск и вместе с женой приехал в Антиб. После обеда жена прилегла отдохнуть в номере гостиницы, а он пошел в полицию. Уже три дня ему не давала покоя фамилия, увиденная в «Нисматэн», — Джордах. В антибском порту на шестой день после вступления в брак был убит американец по фамилии Джордах. Убийца или убийцы разыскиваются. Пока неясны и мотивы преступления. Джордах, владелец стоявшей у причала в антибском порту яхты под названием «Клотильда», погиб на палубе собственного судна от удара по голове чем-то тяжелым.

Хаббел гордился профессиональной памятью, и его раздражало, что он никак не может вспомнить, почему фамилия убитого кажется ему знакомой. Наконец — слава Богу! — вспомнил. Когда он работал еще в Нью-Йорке, в одном из номеров «Лайфа» были помещены фотографии десяти восходящих звезд на политическом небосклоне Америки, в том числе некоего Джордаха — Хаббел забыл, как его зовут, — мэра города Уитби, в ста милях от Нью-Йорка. Потом припомнилось еще кое-что. Уже после выхода в свет этого номера «Лайфа» в Уитби разразился скандал: во время студенческих беспорядков, когда демонстранты пришли к дому мэра, его жена появилась в дверях пьяная и совершенно голая. Ее удалось сфотографировать, и снимок долго ходил по редакции из рук в руки.

Ясное дело, человек, жена которого не постеснялась вый-

ти голой к толпе улюлюкающих студентов, вполне мог от нее избавиться и жениться на другой, более скромных нравов.

«Да и убитый, возможно, просто однофамилец того Джордаха, – решил Хаббел, остановившись у светофора. – Что общего между яхтой в антибском порту и городом Уитби в штате Нью-Йорк? Однако поинтересоваться стоит. Если это тот самый подававший надежды политический деятель, можно сочинить недурную историю». Хаббел уже пять дней был в отпуске и начал скучать.

В пустой приемной с обшарпанными стенами клевавший носом полицейский сразу оживился, когда Хаббел на отличном французском языке объяснил ему, что он журналист и хотел бы разузнать кое-какие подробности насчет убийства. Полицейский вышел в соседнюю комнату и, вернувшись через минуту, сказал, что шеф готов его принять. По-видимому, в тот день полиция Антиба не была перегружена работой.

Шеф оказался смуглым, сонным, невысокого роста человеком в голубой трикотажной рубашке и помятых хлопчатобумажных брюках. Передний зуб у него сверкал золотом.

– Чем могу служить, мсье? – спросил он.

Хаббел объяснил, что американскую общественность, несомненно, заинтересуют подробности смерти во Франции их соотечественника, особенно если убитый тот самый Джордах, которого он имеет в виду, личность довольно приметная у себя в стране. Он, Хаббел, и его редакция будут

весьма признательны шефу, если тот поможет прояснить обстоятельства дела.

Шеф привык иметь дело с французскими журналистами, которые не сомневались, что это убийство – обычное сведение счетов между обитателями порта. Появление же пронырливого с виду сотрудника влиятельного журнала, расследующего гибель своего соотечественника на средиземноморском курорте, куда американцы любят приезжать отдыхать, – это нечто иное. Конечно, шефу было бы много приятнее, если бы преступника уже арестовали и посадили за решетку, но на данный момент ничего подобного не произошло.

– Имеются ли какие-либо сведения, – спросил Хаббел, – о личности убийцы или мотивах преступления?

– Мы тщательно разрабатываем все версии, – ответил шеф. – Трудимся круглые сутки.

– Есть ли какие-нибудь улики?

Шеф задумался. В кино репортеры всегда отыскивают улики, мимо которых проходит полиция. Кажется, этот американец – человек сообразительный. Может, он и в самом деле сумеет чем-нибудь помочь.

– Невестка мсье Джордаха рассказала мне, – заговорил шеф, – что ночью после своего бракосочетания мсье Джордах был вовлечен в ссору – случилось это в баре «Розовая дверь» в Канне, – в очень бурную ссору с человеком, который известен полиции. Это иностранец, югослав по фамилии Данович. Мы его допросили. У него полное алиби, но нам

хотелось бы поговорить с ним еще раз. К сожалению, он куда-то исчез. В данный момент мы заняты его поисками.

– В бурную ссору, – повторил Хаббел. – То есть в драку?

– Исключительно жестокую, – подтвердил шеф. – По словам его невестки.

– Причина драки известна?

– Невестка говорит, что югослав пытался ее изнасиловать, но ему помешал мсье Джордах.

– Понятно, – протянул Хаббел. – Джордах имел привычку драться в барах?

– Никогда об этом не слышал, – ответил шеф. – Я был лично знаком с мсье Джордахом. Мы с ним иногда выпивали рюмку-другую. По-моему, он был человек уравновешенный. К нему здесь хорошо относились. Врагов у него, насколько нам известно, не было. Однако поверить в то, что в Штатах он был человеком влиятельным, как вы только что сказали, довольно трудно.

– «Нис-матэн» утверждает, что он был владельцем яхты, – возразил Хаббел. – Это одно уже свидетельствует о том, что человек он был влиятельный, – усмехнулся он.

– Это была рабочая яхта, – пояснил шеф. – Ее фрахтовали для круизов. Мсье Джордах этим и зарабатывал.

– Понятно, – повторил Хаббел. Да, трудно представить себе, чтобы один из десяти наиболее многообещающих политических деятелей принялся зарабатывать на хлеб насущный перевозкой пассажиров по Средиземному морю, сколь-

ко бы раз его жена ни появлялась перед публикой в голом виде. Хаббел начал терять интерес к этой истории. – А не замешана ли тут политика? – с надеждой спросил он.

– Сомневаюсь. Мсье Джордах не занимался политикой. Мы имеем обыкновение собирать сведения о людях, связанных с политикой.

– Наркотики?

– Вряд ли. И в этой области у нас есть информация. Или по крайней мере подозрения.

– В таком случае как вы лично могли бы его охарактеризовать? – не сдавался Хаббел, больше по привычке.

– Работяга. Приличный человек. – Очевидно, шеф хотел сказать «славный малый». В устах французского «фараона» эта сдержанная похвала прозвучала чуть снисходительно. – Честный, насколько известно, – продолжал шеф. – Но подружиться мы не успели. Он плохо говорил по-французски. Гораздо хуже вас, мсье. – Хаббел кивком головы поблагодарил за комплимент. – Что же касается моего английского, то он, к сожалению, оставляет желать лучшего. – Шеф смущенно улыбнулся. – Так что долгих и откровенных разговоров мы вести не могли.

– Известно, чем он занимался до приезда сюда?

– Служил в торговом флоте. – Шеф помолчал. Однажды, за стаканом вина, шеф обратил внимание на сломанный нос Джордах и бесчисленные шрамы, и тот рассказал ему, что был боксером. Но попросил шефа об этом никому не го-

ворить. В портовых кабаках разбушевавшиеся от алкоголя здоровяки имели обыкновение проверять свою мускулатуру именно на бывших боксерах. «Я поселился во Франции не для того, чтобы драться, – сказал тогда Джордах. – В этой стране мне не везет. Один раз меня здорово побили на ринге в Париже». И он засмеялся. А после осмотра тела шеф пришел к выводу, что и в последней драке ему тоже порядком досталось.

«Собственно говоря, – подумал шеф, – а почему бы и не рассказать об этом журналисту? Джордаху это не повредит – ему ведь больше не придется пить в портовых кабаках».

– По-видимому, Джордах занимался и профессиональным боксом, – добавил он. – Даже как-то выступал в Париже. Дошел до финала. Где его и нокаутировали.

– Был боксером? – Хаббел снова оживился.

Может, удастся дать материал на пару сотен слов в колонке спорта. Если убитый выступал в парижском финале, значит, он был боксером с именем. Публике небезынтересно узнать про убийство американского боксера во Франции. По телексу он передаст в редакцию информацию, которую сумеет собрать здесь, а сведения о прошлом Джордах пусть раскопают в архиве. Все равно в Нью-Йорке любую статью перекраивают на свой лад. – Джордах? – переспросил Хаббел. – Что-то я не помню такого боксера.

– Он выступал на ринге под другой фамилией, – ответил шеф, беря себе на заметку, что ему тоже следует поинтересо-

ваться этим периодом из жизни Джордаха. Профессиональный бокс – это бизнес, куда вечно лезут гангстеры. Может, там и отыщется мотив: нарушенное обещание, несостоявшаяся сделка. Как это он раньше не догадался! – На ринге он был Томми Джорданом.

– А! – отозвался журналист. – Теперь вспомнил. Ну конечно! Я даже помню, что о нем писали в газетах. Его считали многообещающим.

– Мне об этом ничего не известно, – сказал шеф. – Но, услышав про встречу в Париже, я заглянул в «Экип». По их мнению, он не оправдал надежд. – Нужно поскорее позвонить в Марсель одному менеджеру, у которого связи с milieu¹. – Извините, но мне пора вернуться к своим обязанностям, – добавил он. – Если вас еще что-то интересует, побеседуйте с членами его семьи. С женой, с братом, с сыном.

– С братом? Он здесь?

– Здесь вся семья, – ответил шеф. – Они были вместе в круизе.

– Вы, случайно, не знаете, как зовут брата?

– Рудольф. Они из немцев.

Рудольф! Хаббел вспомнил. Того, из «Лайфа», звали Рудольф Джордах.

– Но это было не его бракосочетание? – спросил он.

– Нет, – нетерпеливо ответил шеф.

– А его жена тоже здесь?

¹ Здесь: с этой средой (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

– Да. Она, как невестка погибшего, сумеет рассказать вам гораздо больше меня...

– Невестка? – вставая, переспросил Хаббел. – Значит, это она была в баре?

– Да. Советую вам поговорить с ней, – сказал шеф. – И если вы услышите что-нибудь такое, что окажется нам полезным, не сочтите за труд посетить нас еще раз. А сейчас, к сожалению, я...

– Где ее искать?

– Она живет в отеле «Дю Кап». – Шеф потребовал, чтобы Джин Джордах временно не покидала Антиба, и забрал у нее паспорт. Она может понадобиться следствию, когда найдут Дановича. Если найдут. На допросе она была в истерике и не совсем трезвой, поэтому ее рассказ получился запутанным и бессвязным. А потом этот идиот доктор заявил, что она человек неуравновешенный, хроническая алкоголичка, что, если шеф будет продолжать свои расспросы, он за нее не ручается, и сделал ей укол снотворного. – Все остальные сейчас, по-моему, на «Клотильде», которая стоит в гавани. Благодарю вас за проявленный интерес, мсье. Надеюсь, вы не напрасно потратили время. – Он протянул руку.

– *Merci, bien, monsieur*², – сказал Хаббел. Он узнал все, что мог, и направился к выходу.

А шеф сел за стол и, подняв телефонную трубку, начал набирать марсельский номер.

² Большое спасибо, мсье (*фр.*).

Залитое лучами послеполуденного солнца, шло, покачиваясь на средиземноморской волне, небольшое белое судно. Далекий берег казался сложенной из кубиков картинкой – расположившиеся у воды и на холмах бело-розовые особняки на фоне зеленых сосен, оливковых деревьев и пальм. Дуайер, приземистый, мускулистый, с добрыми темными глазами, стоял на носу яхты и плакал. На его белоснежном свитере красовалось название яхты: «Клотильда». Из-за торчащих верхних зубов его на всю жизнь прозвали Кроликом. И, несмотря на его мускулы и матросскую форму, в нем было что-то неискоренимо женственное. «Я не гомик», – сразу же после знакомства сказал он покойному, прах которого только что высыпали в море. Затуманенными от слез глазами смотрел он на берег. «Погода для богатых», – вспомнилось ему.

«Верно, – думал Дуайер. – Во всяком случае, такая погода не для нас с ним. Мы сделали ошибку. Не нужно было сюда приезжать».

А в рубке, в таких же, как у Дуайера, хлопчатобумажных штанах и белоснежном свитере, держа руку на руле из полированного дуба и меди, стоял Уэсли Джордах. Он не сводил глаз с клочка земли, на котором возвышалась антибская крепость. Он был не по возрасту высокий, худой, кожа да кости, но сильный, с бронзовым от загара телом и светлыми волосами, которые от яркого солнца и соленой воды местами стали совсем белыми. Как и Дуайер, он думал о человеке,

прах которого сам высыпал в море, о человеке, который был его отцом.

– Эх ты, бедняга! – с горечью вырвалось у него.

Ему вспомнился тот день, когда отец, которого он не видел много лет, приехал забрать его из военной школы на Гудзоне, где он с какой-то слепой, необъяснимой, бессмысленной яростью ввязывался в драки с половиной воспитанников независимо от их возраста и роста.

«Запомни, больше ты драться не будешь», – сказал ему тогда отец.

Уэсли молчал.

«Ты меня слышал?» – сурово спросил отец.

«Да, сэр».

«Не надо называть меня так. Я тебе не сэр, а отец».

«Себе самому нужно было запретить драться», – думал юноша, не сводя глаз с крепости, в которой, как ему рассказывали, провел ночь Наполеон, арестованный после бегства с острова Эльба.

На корме, возле поручня, стояли одетые в траур, никак не вязавшийся с ослепительным сиянием воды и солнца, Рудольф Джордах и Гретхен Берк, дядя и тетка юноши, брат и сестра убитого, городские жители, непривычные к морю, но зато свикшиеся с трагедиями. Эти двое в черном на фоне залитого солнцем горизонта стояли поодаль друг от друга, не разговаривали и старались не встречаться взглядами.

Оставшееся недосказанным не нужно было ни объяснять, ни извинять, ни оплакивать.

Женщина – лет сорока с небольшим – была высокой, изящной и стройной, ее черные волосы развевались на ветру, обрамляя матово-бледное, еще не тронутое возрастом, но уже утратившее краски молодости лицо. Красивая в юности, она была красива – только по-другому – и сейчас; горе и чувственность, отражавшиеся на этом лице, были не временным, а постоянным его выражением. Ее чуть прищуренные из-за яркого солнца глаза того синего цвета, который с переменной освещенности порой становится фиолетовым, были сухи.

«Этому суждено было случиться, – думала она. – Неминуемо. И нам следовало это понимать. Он-то, наверное, понимал. Пускай подсознательно, но понимал. Все это насилие могло закончиться только насилием». Он был истинным сыном своего отца, единственным блондином в семье, не похожим на своих темноволосых брата и сестру, хотя все трое были зачаты на одном и том же ложе.

Мужчина тоже был худощавым и аристократически стройным: это была не природная стройность, а приобретенная ценою долгих усилий и тщательно поддерживаемая. Сейчас она еще подчеркивалась превосходно сшитым темным, словно для дипломатического приема, американского покроя костюмом. Он был всего на два года младше сестры, а

выглядел гораздо моложе. Что-то обманчиво юношеское было в лице и манерах этого человека, речь и движения которого всегда были рассчитанными и продуманными, — человека, который пользовался большим авторитетом, всю жизнь боролся, одерживал победы и терпел поражения, брал на себя ответственность в любой ситуации, вышел из бедной семьи и сосредоточил в своих руках большое состояние, умел, когда нужно, быть безжалостным, когда полезно — хитрым, строгим к себе и другим, но когда представлялась возможность — по-своему великодушным. Обида на судьбу, вынудившую его уйти от дел, проявлялась или скорее угадывалась в крепко сжатых губах и настороженном взгляде. Он чем-то напоминал еще полного юношеского задора генерала военно-воздушных сил, которого отстранили от командования за допущенную подчиненными офицерами ошибку, в чем его вины, возможно, и не было.

«Он пошел один, — думал Рудольф Джордах. — Отворил дверь ко мне в каюту, увидел, что я сплю, тихо закрыл дверь и ушел — ушел, чтобы найти свою смерть. Он презрел мою помощь, пренебрег мною, забыв, что я тоже мужчина, ибо решил, если вообще размышлял об этом, что для данной ситуации у меня не хватит мужества».

А внизу собирала свои вещи Кейт Джордах. Сборы были короткими. Поверх других вещей она положила белый свитер с оттиснутым на нем названием судна — Томас расхохо-

тался, увидев впервые, как растянулись буквы на ее полной груди, – и васильковое платье, которое он купил ей к свадьбе всего неделю назад.

Она заставила Томаса жениться на ней. Именно заставила. Они были счастливы, но когда она, добропорядочная англичанка, воспитанная, как и полагается низшему сословию, в духе послушания, поняла, что беременна... Отсюда и свадьба. А не будь свадьбы, у этой расфуфыренной, болтливой бабы, жены Рудольфа, не было бы повода напиться и связаться с сутенером-югославом, попытавшимся содрать с нее шикарные розовые брюки; никому не пришлось бы ее защищать, и человек, которому муж этой суки и в подметки не годится, был бы нынче жив и здоров.

«Перестань, – велела себе Кейт. – Прекрати сейчас же».

Она с силой захлопнула крышку чемодана, уселась на краю койки, сложив на коленях свои быстрые ловкие руки – в ее крепком загорелом теле уже было заметно присутствие ребенка, – и в последний раз оглядела тесную каюту, за открытым иллюминатором которой привычно шипела вода.

«Томас, – думала она. – Томас. Томас».

«Кого звали Клотильдой?» – как-то спросила она.

«Королеву Франции. И еще женщину, которую я знал, когда был мальчишкой. У вас кожа пахнет одинаково».

Джин не было на яхте, державшей курс к французскому берегу. Она сидела в саду при отеле и смотрела, как ее дочь

играет с молоденькой няней, которую Рудольф нанял ухаживать за ребенком, пока она, Джин, как выразился Рудольф, не придет в состояние, позволяющее ей самой заниматься Инид. «Когда это будет? – спрашивала себя Джин. – Через два дня, через десять лет, а может, и никогда?»

Она была в брюках и свитере. Подходящего платья у нее с собой не оказалось, и Рудольф облегченно вздохнул, когда она сказала, что не поедет на похороны. А она даже представить себе не могла, как снова ступит на борт «Клотильды» и выдержит осуждающие взгляды жены, сына и близкого друга убитого.

Утром она посмотрела на себя в зеркало и была потрясена, увидев, как изменилось за последние несколько дней ее хорошенькое девичье личико.

Казалось, вся ее кожа натянута до предела, словно на каком-то невидимом барабане, и вот-вот лопнет, а нервы обнажатся и начнут сыпать искрами и рваться, как электрические провода.

Доктор дал ей валиум, но валиум уже давно не помогал. Если бы не ребенок, она бы влезла на скалу и бросилась в море.

И, сидя на скамье в тени деревьев, где прямо пахло хвоей и нагретой солнцем лавандой, она сказала себе: «Я разрушаю все, к чему прикасаюсь».

Хаббел сидел в кафе на центральной площади и размыш-

лял над тем, что узнал от начальника полиции. Разумеется, начальник рассказал далеко не все, что знал, но на полную откровенность рассчитывать не приходится, особенно когда полиция имеет дело с запутанным убийством. «Невестка погибшего сумеет рассказать вам гораздо больше меня», – сказал начальник. Невестка. Голая жена многообещающего молодого мэра. Ей-то наверняка найдется место в журнале. А гавань пока подождет.

Он расплатился за кофе, подошел к стоянке такси, сел в машину и велел ехать в отель «Дю Кап».

– Мадам Джордах в номере нет, – сказал портье. Он видел, что она вышла в сад вместе с ребенком и няней. Хаббел спросил, есть ли в отеле телекс, и узнал, что есть.

– Нельзя ли попозже им воспользоваться? – спросил он, на что портье после минутного замешательства ответил, что можно. Его замешательство Хаббел справедливо истолковал как нежелание оказать услугу бесплатно.

«Ничего, заплатим, «Тайм» от этого не обеднеет». Он поблагодарил портье и пошел на террасу, откуда был выход к длинной аллее, ведущей через сад к пляжу и ресторану. Вспомнив комнату в небольшой шумной гостинице на шоссе, где сейчас отдыхала его жена, он испытал укол зависти. «Тайм» платил неплохо, но на отель «Дю Кап» этих денег не хватало.

Он спустился по ступенькам в благоухающий сад и сразу же увидел маленькую девочку в белом купальном костю-

ме, которая перебрасывалась большим цветным мячом с какой-то девицей. А поодаль на скамье сидела женщина в брюках и свитере. Подобная идиллия плохо вязалась с убийством.

Остановившись на секунду будто полюбоваться клумбой с цветами, он медленно приблизился к ним и улыбнулся ребенку.

– Bonjour, – сказал он. – Добрый день!

– Bonjour, – ответила девочка, но женщина на скамье промолчала.

Хаббел заметил, что она прехорошенькая, с отличной спортивной фигурой, но лицо у нее заплаканное и бледное, а под глазами темнеют круги.

– Миссис Джордах? – обратился он к ней.

– Да? – Глухой и равнодушный голос, тупой взгляд.

– Я из журнала «Тайм». – Он предпочитал говорить правду и не стал прикидываться приятелем ее мужа или убитого, а то и просто американским туристом, который, услышав про их беду, пожелал по-американски откровенно выразить ей свое участие. Пусть этими фокусами занимаются, расталкивая друг друга локтями, начинающие репортеры. – Меня прислали написать статью о вашем девере. – Тоже, разумеется, ложь, но, согласно его кодексу чести, позволительная. Если работа поручена, люди часто считают себя обязанными хоть чем-нибудь да помочь.

Женщина молча смотрела на него потухшими глазами.

– Начальник полиции сказал, что вы можете сообщить мне кое-какие подробности о случившемся. Дать, так сказать, закулисную информацию.

Слово «закулисная» таило в себе некий туманный намек на то, что информация эта ни в коем случае не будет опубликована, что она нужна лишь для того, чтобы помочь достойному всяческого доверия журналисту избежать ошибок при написании статьи.

– Вы беседовали с моим мужем? – спросила Джин.

– Я еще не имел чести с ним познакомиться.

– «Не имел чести познакомиться», – повторила Джин. – Хорошо бы и мне в свое время не иметь такой чести. И он, держу пари, думает точно так же.

От того, с какой яростью это было произнесено, Хаббел растерялся не меньше, чем от смысла сказанного.

– В полиции вам объяснили, почему именно я могу дать эти сведения? – хриплым голосом резко спросила женщина.

– Нет, – снова солгал Хаббел.

Джин вдруг встала.

– Тогда расспросите моего мужа, расспросите всю его чертову семейку! Только оставьте меня в покое.

– Позвольте задать вам один лишь вопрос, миссис Джордах, – сказал Хаббел. В горле у него застрял комок. – Вы намерены привлечь к судебной ответственности человека, который напал на вас?

– А что от этого изменится? – тупо спросила она и тяжело

опустилась на скамью, не сводя глаз с ребенка, бегавшего за мячом по залитой солнцем поляне. – Уходите. Прошу вас, уходите.

Хаббел вылез из такси и вошел на территорию порта. «Не очень-то подходящее место для смерти», – подумал он, направляясь в контору начальника порта, чтобы узнать, у какого причала швартуется «Клотильда». Начальник порта, выдавший виды старик с трубкой в зубах, нежился в лучах поллеполуденного солнца.

Он показал трубкой на медленно входившую в порт белую яхту.

– Вот она. Придется ей некоторое время постоять. Поврежден гребной винт и вал. Вы американец?

– Да.

– Жуть что случилось, а?

– Да, – согласился Хаббел.

– Его прах только что высыпали в море, – объяснил начальник. – Недурное место для погребения моряка! Сам бы не возражал, чтоб меня похоронили в море. – Даже в разгар сезона начальник порта не спешил закончить беседу.

Поблагодарив его, Хаббел обошел территорию порта и уселся на опрокинутую плоскодонку возле того причала, куда входила «Клотильда». На корме стояли две фигуры в черном, позади них трепетал на ветру американский флаг. На носу колдовал над цепью приземистый мускулистый чело-

век, а рослый светловолосый юноша крутил в рубке рулевое колесо, и судно кормой медленно приближалось к причалу. Как только затих стук двигателя, юноша, выбежав на корму, бросил канат матросу на берегу, а приземистый тоже выскочил на корму, ловко спрыгнул на причал и поймал брошенный ему юношей второй канат. Когда яхта была надежно привязана, приземистый одним прыжком вновь оказался на палубе, где они с юношей без единого слова умело и проворно установили сходни. Двое в черном, чтобы не мешать, ушли с кормы.

Понаблюдав за такой кипучей деятельностью, чувствуя себя неуклюжим и тяжеловесным, Хаббел поднялся с плоскодонки и зашагал вверх по сходням. Юноша, насупясь, смотрел на него.

– Мне хотелось бы поговорить с мистером Джордахом, – сказал Хаббел.

– Я Джордах, – ответил парень. У него был по-взрослому низкий голос.

– По-моему, мне нужен вон тот джентльмен, – возразил Хаббел, указывая на Рудольфа.

– Слушаю. – Рудольф подошел к сходням.

– Мистер Рудольф Джордах?

– Да. – Сказал как отрезал.

– Я из журнала «Тайм»... – Хаббел увидел, что лицо его собеседника застыло. – Я очень сожалею о случившемся...

– Да? – нетерпеливо и вопрошающе.

– Не хотелось бы обращаться к вам в такую минуту, но... – Хаббел почувствовал себя неловко из-за того, что приходилось разговаривать на расстоянии да еще пробиваясь сквозь невидимую стену явной неприязни со стороны юноши, а теперь к тому же и мужчины. – Но не позволите ли вы мне задать вам несколько вопросов относительно...

– Поговорите с начальником полиции. Это дело в его ведении.

– Я уже разговаривал с ним.

– Значит, вам известно столько же, сколько и мне, сэр, – сказал Рудольф и ушел. На лице юноши играла холодная улыбка.

Хаббел постоял еще с минуту, раздумывая, не ошибся ли он когда-то в выборе профессии, затем, пробормотав в пространство «извините», ибо не был способен на большее, повернулся и пошел к выходу из порта.

Когда он возвратился к себе в гостиницу, его жена, сидя на балконе, усердно загорала. Он ее очень любил, но не мог не заметить, как нелепо она выглядит в бикини.

– Где ты был весь день? – спросила она.

– Собирал материал для статьи.

– А я-то надеялась, что ты наконец отдохнешь, – вздохнула она.

– Я тоже, – сказал он, вынул портативную пишущую машинку и, сняв пиджак, принялся за работу.

Глава 2

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Телеграмма от матери пришла на войсковое почтовое отделение. «Погиб дядя Том, – говорилось в телеграмме. – Постарайся приехать в Антиб на похороны. Мы с дядей Рудольфом остановились в отеле «Дю Кан». Целую. Мама».

Дядю Тома я видел один раз в жизни, когда еще мальчишкой прилетел из Калифорнии в Уитби на похороны бабушки. Похороны, оказывается, очень способствуют знакомству с родственниками. Жаль, что дядя Том погиб. В ту ночь, что нам довелось провести вместе в доме дяди Рудольфа, он мне понравился. На меня произвело большое впечатление, что у него был при себе пистолет. Он, думая, что я сплю, вынул пистолет из кармана и положил в ящик ночного столика, чем дал мне пищу для размышлений во время похорон на следующий день.

Если уж моему дяде суждено было погибнуть, то я предпочел бы, чтобы погиб Рудольф. Во-первых, мы с ним никогда не дружили, а как только я стал старше, он вежливо дал мне понять, что не одобряет ни моего поведения, ни моих взглядов на общество, которые, между прочим, с той поры не очень-то изменились. «Выкристаллизовались», – ска-

зал бы мой дядюшка, если бы дал себе труд их изучить. Во-вторых, он богат и, вполне возможно, не забыл бы про меня в своем завещании, если и не по причине особой привязанности ко мне, то из братской любви к моей матери. Что же касается Томаса Джордаха, то, судя по всему, он не из тех, от кого после смерти остается состояние.

Я показал телеграмму полковнику, и он разрешил мне поехать на десять дней в Антиб. В Антиб я не поехал, но послал телеграмму, в которой выразил свое соболезнование и сообщил, что на похороны меня не отпускают.

– К сожалению, нам пора побеседовать о том, о чем мы пока избегали говорить, – сказал Рудольф. – О наследстве. Как ни тягостны разговоры о деньгах, надо решить, что делать дальше.

Они все собрались в кают-компании «Клотильды». На Кейт было темное платье, явно старое и теперь тесное, у ног ее стоял потрепанный чемодан из искусственной кожи. Стены кают-компании были выкрашены в белый цвет с голубой каймой, иллюминаторы прикрыты голубыми занавесками, а на переборках висели старинные гравюры с изображением парусников – Томас купил их в Венеции. Все не сводили глаз с чемодана, но никто не проронил о нем ни слова.

– Кейт, Кролик, – обратился к ним Рудольф, – вы не знаете, Том оставил завещание?

– Мне он об этом ничего не говорил, – ответила Кейт.

– И мне тоже, – сказал Дуайер.

– А тебе, Уэсли?

Уэсли молча покачал головой.

Рудольф вздохнул: Том до конца остался верен себе. Семейный человек, сын, беременная жена – и не удосуужился составить завещание. Он, Рудольф, первое свое завещание отнес в адвокатскую контору двадцати одного года от роду и с тех пор переписывал его раз пять-шесть, в последний раз – когда родилась Инид. А теперь, поскольку Джин все больше и больше времени проводит в клиниках, лечась от алкоголизма, он обдумывает новый вариант.

– А сейфа в банке он не арендовал?

– Я об этом не слышала, – отозвалась Кейт.

– А вы, Кролик?

– Точно – нет.

– У него были ценные бумаги?

Кейт и Дуайер недоуменно переглянулись.

– Ценные бумаги? – переспросил Дуайер. – А что это такое?

– Акции, облигации. – На каком свете живут эти люди?

– А! – отозвался Дуайер. – Том считал это одним из способов обманывать трудовой люд. – «Пусть такими делами занимается мой паразит братец», – добавлял он, но было это еще до того, как в семье воцарился мир.

– Значит, ценных бумаг тоже нет, – подытожил Рудольф. – Тогда куда же он девал деньги? – Он старался не показывать

своего раздражения.

– У него были вклады в двух банках, – ответила Кейт. – Здесь, в Антибе, на обычном вкладе – франки, а в Женеве на срочном вкладе – доллары. Он предпочитал, чтобы ему платили в долларах. Правда, поскольку мы жили во Франции, он не имел права открывать счет в Швейцарии, но беспокоиться об этом не стоит. Никто этим никогда не интересовался.

– Понятно, – кивнул Рудольф. Оказывается, его брат был не совсем лишен практической сметки.

– Сберегательную и чековую книжки и последние отчеты из местного банка вы найдете в ящике под его койкой, – сказала Кейт. – Уэсли, сходи, пожалуйста...

Уэсли вышел из кают-компания.

– Кролик, – обратился Рудольф к Дуайеру, – скажите, как Томас вам платил?

– А он мне не платил, – ответил Дуайер. – Мы были партнерами и в конце года всю выручку делили пополам.

– Ваш договор, или соглашение, существовал на бумаге?

– Нет, – ответил Дуайер. – А зачем нужны были бумаги?

– Кому принадлежит яхта? Только ему или вам обоим? Или ему и Кейт?

– Мы поженились всего пять дней назад, Руди, – сказала Кейт. – Для серьезных дел у нас еще времени не было. «Клотильда» принадлежит Тому. Документы в том же ящике. Вместе со страховым полисом на судно и прочими бумагами.

– Я был у адвоката... – снова вздохнул Рудольф.

«Еще бы», – думала Гретхен. Она стояла у двери, смотрела на палубу и размышляла над телеграммой от Билли. Телеграмма была краткой, сухой и почти официальной, словно ее послал вежливый, но совершенно посторонний человек. Она, конечно, плохо разбиралась в армейских порядках, но не сомневалась, что солдату положен отпуск на похороны. Она звала Билли и на свадьбу Тома с Кейт, но он ответил, что слишком занят организацией передвижения армейских и штабных машин по дорогам Бельгии к Армагеддону, чтобы танцевать на свадьбах полузабытых родственников. Она тоже, наверное, пришла ей в голову горькая мысль, входит в число этих полузабытых родственников. «Ладно, пусть веселится в Брюсселе. Достойный сын своего отца». И попыталась снова сосредоточить внимание на брате, терпеливо старавшемся распутать клубок людских судеб: «Еще бы, конечно, Руди тут же побежал к адвокату. Смерть – это уже по части законников».

– ...у французского адвоката, – продолжал Рудольф, – который, к счастью, хорошо говорит по-английски. Мне рекомендовал его управляющий нашего отеля. Адвокат разъяснил мне, что хотя вы все живете во Франции, тем не менее, поскольку ваш дом на воде, а не на суше – согласно французскому праву, плавающее под американским флагом судно является территорией Америки, – то лучше всего обратиться к американскому консулу в Ницце. Есть ли на этот счет

возражения?

– Действуйте, как находите нужным, Рудольф, – откликнулась Кейт.

– Я тоже на все согласен, – сказал Дуайер. Голос у него был тоскливый, как у мальчишки, которого вызвали к доске решать задачу в ту минуту, когда за окном идет игра в бейсбол.

– Сегодня же постараюсь поговорить с консулом, – пообещал Рудольф. – Посмотрим, что он посоветует.

Вошел Уэсли, принес сберегательную и чековую книжки и банковские отчеты за последние три месяца.

– Можно мне взглянуть? – спросил Рудольф у Кейт.

– Вы его брат.

«Вечно люди стараются переложить всю ответственность на Руди», – подумала Гретхен. Рудольф взял у Уэсли книжки и бумаги. Проглядел баланс местного банка. На счету оставалось немногим более десяти тысяч франков. «Около двух тысяч долларов», – пересчитал Рудольф. Потом открыл сберегательную книжку.

– Одиннадцать тысяч шестьсот двадцать два доллара, – объявил он. Его удивило, что Томас сумел накопить такую сумму.

– Больше я ни о чем не знаю, – сказала Кейт. – По-моему, это все его, так сказать, состояние.

– И еще яхта, – напомнил Рудольф. – Что будем делать с ней?

На минуту в каюте воцарилось молчание.

– Что касается меня, – мягко и спокойно отозвалась Кейт, поднимаясь с места, – то я, например, знаю, что буду делать. Я ухожу с яхты. Сейчас же. – Она одернула подол старого, тесного платья, стараясь прикрыть пухлые, в ямках, загорелые колени.

– Подождите, Кейт, – запротестовал Рудольф, – мы должны что-то решить.

– Я заранее согласна со всем, что решите вы, – сказала Кейт. – Но оставаться на яхте еще одну ночь не намерена.

«Милая простая женщина, которая крепко стоит на земле обеими ногами, – думала Гретхен. – Навечно распрощалась с мужем и уходит, не желая извлекать пользу из яхты, которая служила ей кровом, кормила и поила ее, стала местом, где она обрела свое счастье».

– Куда вы уходите? – спросил Рудольф.

– Для начала в гостиницу, – ответила Кейт. – А там будет видно. Уэсли, помоги мне, пожалуйста, донести чемодан до такси.

Уэсли молча взял чемодан.

– Я позвоню вам из гостиницы, Руди, как только буду в силах разговаривать, – сказала Кейт. – Спасибо за все. Вы человек хороший. – Она поцеловала его в щеку – безмолвный жест благодарности и прощения одновременно – и вслед за Уэсли прошла мимо Гретхен и вышла из кают-компаний.

Рудольф опустил на стул и устало потер глаза. Гретхен подошла к нему и ласково тронула его за плечо. Ласка, давно

знала она, не исключает ни осуждения, ни даже презрения.

– Не расстраивайся так, Руди, – сказала она. – За один день чужую судьбу не решишь.

– Я говорил с Уэсли, – раздался голос Дуайера. – Кейт предупредила его, что уезжает. Он хочет остаться со мной на «Клотильде». На первое время по крайней мере. Хотя бы до тех пор, пока мы не приведем в порядок гребной вал и винт. Я за ним присмотрю, не беспокойтесь.

– Пусть остается, – согласился Рудольф. Он встал, чуть ссутулившись, словно взвалил себе на плечи тяжелую ношу. – Уже поздно. Попробую-ка я добраться до Ниццы, пока в консульстве еще работают. Тебя довезти до отеля, Гретхен?

– Нет, спасибо, – отказалась Гретхен. – Я еще немного побуду здесь, мы с Кроликом выпьем. Может, и не по стаканчику, а по два. – Не стоит в такой день оставлять Дуайера одного.

– Как угодно, – отозвался Рудольф. Он положил чековую и сберегательную книжки на стол. – Если увидишь Джин, скажи ей, что я не вернусь к ужину.

– Хорошо, – пообещала Гретхен.

«Разговаривать с Джин Джордах в такой день тоже не стоит», – подумала она.

– Посидим лучше на палубе, – предложила Гретхен Дуайеру, когда Рудольф ушел. Кают-компания, еще недавно казавшаяся уютной, вдруг обернулась зловещей бухгалтерией,

где человеческие судьбы были занесены в гроссбухи, где живые люди превратились в цифры, в кредит и дебет.

Ей уже довелось пережить нечто подобное. Когда в автомобильной катастрофе погиб ее муж, завещания тоже не нашли. Вполне возможно, что Колин Берк, который за всю свою жизнь никого не ударил, жил в окружении книг, пьес и сценариев, был вежлив и тактичен в общении со сценаристами и актерами, с которыми ему приходилось работать и которых он часто ненавидел лютой ненавистью, – вполне возможно, что он имел гораздо больше общего с ее полуграмотным и не знавшим управы братом, чем на первый взгляд могло показаться. А поскольку завещания не было, то, когда начали делить оставленное Колином наследство, возникла неразбериха. Появилась бывшая жена, получавшая до той поры алименты, выяснилось, что на дом существует закладная, под гонорар взят аванс. Вмешались адвокаты, на банковский счет наложили арест. И вот тогда, как и сейчас и как всегда, все уладил Руди.

– Пойду налью, – сказал Дуайер. – Спасибо, что не ушли. Очень уж трудно оставаться одному после всего, что нам с Томом довелось пережить. А теперь нет и Кейт. Говорят, от женщины на судне одна беда. В особенности когда мужчины столько лет были друзьями и партнерами. Ан нет, только не от Кейт. – У Дуайера чуть заметно дрожали губы. – Наша Кейт – человек что надо, верно?

– Лучше не бывает, – отозвалась Гретхен. – Налейте мне

чего-нибудь покрепче, Кролик.

– Виски?

– И побольше льда, пожалуйста. – Она прошла вперед, туда, где за кают-компанией и рулевой рубкой их не было видно с набережной. Ей уже порядком надоели скорбные физиономии портовых приятелей Тома, Дуайера и Кейт, которые считали своим долгом подняться к ним на борт и выразить соболезнование. Эти люди были искренне огорчены. В собственном же огорчении она, по правде говоря, сомневалась.

На носу, где медь была начищена до блеска, палуба из тикового дерева отмыта добела, а канаты сложены аккуратно, ей открылась привычная картина, завожившая ее еще в тот первый день: гавань, лес мачт, тысячи людей – каждый неторопливо и добросовестно занимается своим делом, одним из тех, что составляют круг повседневных обязанностей человека, который не представляет себе жизни без моря. Даже теперь, после всего, что случилось, она не могла налюбоваться спокойной красотой этого зрелища.

Сзади, бесшумно ступая босыми ногами, подошел Дуайер. В руках он держал два стакана. Один стакан он протянул ей. Хмуро улыбнувшись, она подняла стакан, словно провозглашая тост. Весь день она ничего не пила и не ела, и сейчас от первого глотка у нее защемило язык.

– Я обычно пью что-нибудь полегче, – сказал Дуайер, – но, может, действительно сейчас лучше всего виски. – Он делал маленькие глотки, привыкая к новому вкусу. – Я хотел

сказать вам, – продолжал он, – что ваш брат Руди – человек необыкновенный. Видать, за что ни возьмется, обязательно доведет до конца.

– Пожалуй, – согласилась Гретхен. – Подобная характеристика тоже имеет основание.

– Без него мы бы совсем увязли...

«Ни в чем бы мы не увязли, – подумала Гретхен, – если бы Руди давал жене меньше воли и сидел бы с ней в другом полушарии».

– Без него нас обвели бы вокруг пальца, – настаивал Дуайер.

– Кто?

– Законники, – неопределенно ответил Дуайер. – Судовые маклеры, адвокаты. Все, кому не лень.

«Вот человек, – думала Гретхен, – который, когда в море разыгрывается шторм, несет свои обязанности, не ведая страха даже на исходе сил; он сумел выжить в обществе жестоких и буйных людей, но при виде клочка бумаги, при упоминании о власти имущих на суше чувствует себя совершенно беспомощным, словно явился с другой планеты». Сама Гретхен всю свою сознательную жизнь провела среди людей, которые имели дело с бумагами и в конторах чувствовали себя так же уверенно и твердо, как индеец в лесу. А ее покойный брат, по-видимому, с самого рождения тоже принадлежал к инопланетянам.

– Меня беспокоит только Уэсли, – сказал Дуайер.

«Не собственная судьба, — думала она, — беспокоит этого человека, который не понимает, зачем должен существовать договор на бумаге, когда можно просто разделить все поровну, и который даже не имеет права стоять сейчас на этой отмытой добела палубе красивой яхты, где он трудился много лет».

— Пусть Уэсли вас не волнует, — сказала она. — Руди о нем позаботится.

— А может, Уэсли не захочет? — спросил Дуайер, делая очередной глоток. — Он мечтает быть таким, как его отец. Порой, когда смотришь на него, становится просто смешно — так он старается подражать походке отца, его речи, манерам. — Он отхлебнул побольше, вздохнул и продолжал: — По ночам, в море мы или в порту, они забирались в рубку и беседовали. Уэсли задавал вопросы, а Том не спеша, обстоятельно отвечал. Один раз я спросил у Тома, о чем они так подолгу беседуют. Том засмеялся: «Парень выпрашивает у меня про мою жизнь, а я рассказываю. Наверное, хочет наверстать те годы, когда некого было расспрашивать. Старается понять, что я собой представляю. Я тоже когда-то интересовался своим отцом, только вместо ответа получил пинок в зад». Из слов Тома, — сдержанно добавил Дуайер, — я понял, что между ним и вашим отцом большой любви не было, а?

— Пожалуй, — согласилась Гретхен. — Он был не очень ласковый человек, наш отец. И не умел любить. Если и была в нем любовь, то лишь к Рудольфу.

– Ох уж эти семьи! – вздохнул Дуайер.

– Да, семьи, – повторила Гретхен.

– Я спросил у Тома, какие же вопросы задает ему Уэсли, – продолжал Дуайер. – «Обычные, – сказал мне Том. – Каким я был в детстве? Что представляли собой мои брат и сестра?» То есть вы и Руди. «Как я стал боксером, а потом матросом в торговом флоте? Когда впервые переспал с девицей? Что собой представляли другие женщины, с которыми я имел дело, в том числе и его чертова мамаша...» Я спросил у Тома, говорит ли он парню правду. «Только одну правду, – ответил Том. – Я современный отец. Рассказываю, откуда берутся дети, и все такое прочее». Он был не без юмора, наш Том.

– Могу себе представить, – усмехнулась Гретхен.

– «Скроешь правду – испортишь ребенка», – как-то сказал мне Том. Порой он вдруг говорил так, будто когда-то чему-то учился. Хотя на самом деле был человеком невежественным и к образованию относился с большим недоверием. Может, мне не следовало бы говорить вам об этом, – сумрачно добавил Дуайер, встряхивая остатки льда в стакане, – но он обычно приводил в пример вашего брата Руди. «Посмотри на Руди, – говорил он. – Он получил все образование, какое способен впитать в себя человеческий мозг, а чем закончил? Выжат как лимон, стал посмешищем в своем городе после того, что выкинула его пьяная жена, а теперь сидит и не знает, как провести остаток жизни».

– Я, пожалуй, выпью еще, – сказала Гретхен.

— Я тоже, — отозвался Дуайер. — Виски начинает мне нравиться. — Он взял у нее стакан и пошел на корму в кают-компанию.

Гретхен задумалась над услышанным. Оно больше говорило о самом Дуайере, чем о Томе или Уэсли. Вся его жизнь, по-видимому, была связана с Томом. Он, наверное, сумел бы слово в слово повторить все, что Том ему говорил с начала и до конца их знакомства. Будь Дуайер женщиной, можно было бы предположить, что он влюблен в Тома. Бедный Дуайер, ему, вероятно, суждено горевать больше всех. Судьба Уэсли, по правде говоря, ее не очень беспокоила. Когда она впервые поднялась на борт яхты, он показался ей здоровым юношей, умеющим себя прилично вести, и только. После смерти отца он замкнулся, искал уединения, а лицо у него сделалось непроницаемым. Руди позаботится о нем, сказала она Дуайеру. Но теперь она была не очень-то уверена, что Руди или кто-либо другой способен это сделать.

Вернулся Дуайер. Выпитое виски давало себя знать. Чуть кружилась голова, все заботы куда-то отодвинулись. Такое состояние куда приятней, чем те ощущения, которые владели ею в последнее время. Может, Джин со своими припрятанными бутылками не так уж и глупа. И Гретхен с наслаждением отпила из вновь наполненного стакана.

А вот Дуайер выглядел, наоборот, озабоченным. Он стоял, прислонившись к поручням, и, словно решая какую-то трудную проблему, возникшую перед ним в кают-компании,

пока он наполнял стаканы, терзал нижнюю губу торчащими вперед зубами.

– Может, мне не следовало бы говорить это вам, миссис Берк...

– Просто Гретхен.

– Спасибо, мэ. Но мне кажется, что с вами можно быть откровенным. Руди – прекрасный человек. Я восхищаюсь им, в нашей ситуации лучшего друга не пожелаешь... но он не из тех, с кем можно поговорить. Поговорить по-настоящему. Вы меня понимаете?

– Да, – ответила она, – понимаю.

– Он прекрасный человек, как я уже сказал, – неловко продолжал Дуайер. Рот у него дергался. – Но он не такой, как Том.

– Не такой, – согласилась Гретхен.

– Уэсли говорил со мной. Он не желает иметь ничего общего с Руди. И с его женой. Что, принимая во внимание случившееся, вполне естественно для простого смертного, правда?

– Пожалуй, – подтвердила Гретхен. – Принимая во внимание случившееся.

– Если Руди начнет нажимать на парня – с самыми лучшими намерениями, не сомневаюсь, – будет беда. Большая беда. Трудно даже сказать, на что парень способен.

– Верно, – согласилась Гретхен. Раньше ей это и в голову не приходило, но, услышав слова Дуайера, она тотчас поня-

ла, что он прав. – Но что можно сделать? Кейт ему не мать, да у нее и своих забот хватает. Остаетесь только вы.

– Я? – грустно усмехнулся Дуайер. – Я не знаю, где буду завтра. Единственное, в чем я разбираюсь, – это в судах. И потому на следующей неделе могу очутиться в Сингапуре. А через месяц – в Вальпараисо. Какой из меня отец...

– Что же вы предлагаете?

– Я внимательно наблюдал за вами, – сказал Дуайер, – хотя вы и проявили ко мне не больше интереса, чем к неодушевленному предмету...

– Перестаньте, Кролик, – смутилась Гретхен, потому что почти такая же мысль пришла ей в голову несколько минут назад.

– Я не обижаюсь на вас и не собираюсь делать из этого никаких выводов, мэм...

– Гретхен, – механически поправила она.

– Гретхен, – послушно повторил он. – Но после того, как все это случилось... и теперь, когда вы остались со мной и позволили мне трепать языком... я увидел, что вы человек настоящий. Я не хочу сказать, что Руди не человек, – поспешно добавил Дуайер, – просто он не из тех, кого Уэсли считает людьми. А его жена... – Дуайер замолчал.

– Не будем говорить про его жену.

– Если бы вы подошли к Уэсли и прямо и честно сказали ему: «Поедем со мной», он бы согласился. Он понял бы, что вы такая женщина, которая может заменить ему мать.

«Это что-то новое, – подумала Гретхен, – сыновья выбирают матерей. Неужели эволюция никогда не завершится?»

– Вот меня-то уж никак нельзя считать образцовой матерью, – сухо сказала она. Мысль об ответственности за этого долговязого угрюмого подростка, унаследовавшего, конечно, необузданный нрав Тома, напугала ее. – Нет, Кролик, боюсь, из этого ничего не выйдет.

– А я-то надеялся, – сразу остыв, сказал Дуайер. – Уж очень мне не хотелось оставлять Уэсли без призора. Что бы он сам про себя ни думал, а, по правде говоря, он еще совсем ребенок и один жить не может. Уэсли Джордаху суждено пережить еще немало треволнений.

Она не могла не улыбнуться слову «треволнений».

– Пинки Кимболл, механик с «Беги», – продолжал Дуайер, – тот самый, который встретил миссис Джордах с югославом в ночном баре, сказал мне, что Уэсли прямо преследует его. Просит помочь найти этого югослава... Я, может, ошибаюсь, но мне кажется, и Пинки со мной согласен, что Уэсли задумал отомстить за смерть отца.

– О Господи! – вырвалось у Гретхен.

– Когда смотришь на все это, – и Дуайер решительным жестом обвел притихшую гавань, зеленые холмы, старую крепость с ее полуразвалившимися живописными стенами, – то невольно думаешь о том, какие здесь царят мир и благодать. А на самом деле в этих краях, от Ниццы до Марселя, не меньше убийц, чем в любом другом месте на земном шаре.

Из-за проституток, наркоманов и казино с рулеткой здесь такая стрельба и поножовщина, что деваться некуда, да и молодчиков, готовых за десять тысяч франков или просто так прикончить родную мамашу, тоже хватает. Со слов Пинки Кимболла я понял, что этот малый, с которым Томас подрался, тоже из их числа. Вдруг Уэсли начнет его разыскивать, и когда найдет, то нетрудно угадать, чем это закончится. В той военной школе, где Уэсли учился, его приходилось силой отдирать от других ребят. Нет, это была не тренировка – не будь рядом взрослых, он бы всех поубивал. Раз он просит Пинки Кимболла показать ему этого югослава, значит, хочет его убить.

– О Господи! – повторила Гретхен. – К чему вы это говорите, Кролик?

– К тому, что в любом случае парня из Франции надо увезти. А Рудольф Джордах не тот человек, который сумеет это сделать. Вот я и окосел, – объявил он. – А то не болтал бы об этом. Но я говорю всерьез. Пьяный или трезвый, а я от своих слов не отказываюсь.

– Спасибо за откровенность, Кролик, – сказала Гретхен. Она уже жалела, что осталась с ним на яхте. Не ее это проблема, возмущалась она, да ей тут и не решить ничего. – Я поговорю с братом, – добавила она. – Может, что-нибудь и придумаем. Как вы считаете, подождать мне сейчас Уэсли, чтобы мы поужинали все втроем?

– Разрешите ответить откровенно?

– Разумеется.

– По-моему, вы Уэсли нравитесь. По правде говоря, я знаю, что нравитесь, он мне сам говорил. Но сегодня ему, наверное, не хочется быть в компании ни с кем из Джордахов. Лучше мы с ним вдвоем куда-нибудь сходим. Нам есть о чем поговорить.

Она никак не решалась поставить стакан. У нее было такое чувство, что стоит ей уйти, как Дуайер не выдержит и, сев на палубу, расплачется. Ей не хотелось, чтобы Уэсли, вернувшись, застал его в слезах.

– Сейчас допью и...

– Хотите еще? Я пойду налью.

– Спасибо, хватит.

– Итак, я начал пить виски, – заявил Дуайер. – Как вам это нравится? – Он затряс головой. – Вы верите в сны? – вдруг спросил он.

– Иногда. – Интересно, слышал ли Дуайер про Фрейда?

– Вчера ночью мне приснилось, – сказал Дуайер, – что Том лежит на полу – не помню, где это было, – неподвижно, как мертвый. Я поднял его и решил куда-нибудь отнести. На руках я его тащить не мог, поэтому взвалил на спину. А так как он был гораздо выше меня ростом, ноги его волочились по земле. Я скрестил его руки у себя на груди, ухватился за них и пошел. Он был жутко тяжелый, я был весь в поту, но шел, потому что обязан был его отнести. – И Дуайер заплакал. – Извините меня, миссис Берк.

На этот раз она не поправила его, не сказала, чтобы он называл ее просто Гретхен.

Она протянула ему руку. Он крепко схватил ее своими сильными пальцами, быстрым безотчетным движением поднес к губам и поцеловал. Потом опустил руку и отвернулся.

– Извините... Я не хотел...

– Не нужно ничего объяснять, Кролик, – ласково сказала она. – Время само залечит раны. – Она была в замешательстве, не знала, как утешить его.

Рука, в которой она все еще держала стакан с виски, заledenела. Гретхен поставила стакан.

– Мне пора, – сказала она. – Еще многое предстоит решить. Передайте Уэсли, если ему что-нибудь понадобится, пусть звонит мне.

– Передам, – пообещал Дуайер. Он не смотрел на нее. Губы у него дрожали, а глаза были обращены в гавань. – Вызвать вам такси?

– Нет, спасибо. Я лучше пройдуся. – Она ушла, а он, бо-сой, в белоснежном свитере, еще долго стоял на носу «Клотильды» с двумя пустыми стаканами в руках.

По узкой улочке, уже погруженной в неприветливый мрак, она медленно поднималась от порта в центр города. Взглянула на витрину антикварной лавки. Ее внимание привлек медный корабельный фонарь. Хорошо бы купить его, привезти домой и повесить где-нибудь в углу. Но тут она вспомнила, что у нее нет своего дома, а есть лишь снятая на пол-

года квартира в Нью-Йорке, и фонарь-то ей повесить негде. Она шла по городу, кругом люди что-то покупали и продавали, читали газеты за столиками в кафе, бранили детей, а потом угощали их мороженым, и никому не было дела до смерти. Ей попалась на глаза афиша кинотеатра, из которой она узнала, что вечером здесь идет американский фильм, дублированный на французский. Она решила поужинать в городе, а потом пойти в кино.

Она прошла мимо собора, остановилась полюбоваться им и чуть было не зашла внутрь. А если бы зашла, то увидела бы, что на скамье в глубине пустого зала сидит Уэсли и шепчет слова молитвы, которые так и не выучил в школе.

Глава 3

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Моему отцу довелось побывать в Париже сразу после войны, когда его выпустили из госпиталя. Еще до встречи с матерью. Ничего не помнит. Говорит, все три дня был так пьян, что не отличил бы Парижа от Дейтона, штат Огайо. Отец не любит рассказывать про войну, что весьма выгодно отличает его от других ветеранов, с которыми меня сталкивала судьба. Но порой в те субботы и воскресенья, что мне пришлось провести с ним согласно условиям разво-

да, он здорово напивался — обычно с утра — и начинал иронизировать по поводу своей службы в армии. Утверждал, что его интересовали только девицы из Красного Креста да собственная безопасность, а в воздушном флоте он, мол, служил и летал на военных самолетах лишь для того, чтобы добывать для американских газет материал про наших храбрых парней.

Однако в армию он пошел добровольцем и, возвращаясь с боевого задания, был в самом деле не то ранен, не то контужен. Способен ли я на такое? Служба в армии, судя по тому, что я вижу сам и что пишут о Вьетнаме, — занятие мрачное. Правда, все говорят, что та война была не чета этой. При полковнике я держусь весьма воинственно, но, если в Европе и вправду вспыхнет война, я, наверное, при первом же выстреле дезертирую.

В НАТО полно немцев, все они прикидываются дружелюбными, держатся как товарищи по оружию и не очень отличаются от прочего зверья. Моника тоже немка, но о ней особый разговор.

Когда Рудольф вышел из здания консульства, уже почти стемнело. Консул оказался человеком любезным, вызвал помощника, слушал внимательно, даже что-то записывал, обещал сделать все возможное, но предупредил, что, во-первых, на это потребуется время, а во-вторых, он должен позвонить в Париж посольскому юрисконсульту, ибо не уве-

рен, что адвокат из Антиба, посоветовавший Рудольфу не обращать внимания на французов, прав, поскольку для получения документов на передачу «Клотильды» новым владельцам и размораживание банковских счетов необходимо разрешение местных властей. «Смерть американца за границей всегда чревата кучей осложнений», – сказал консул, и в его тоне слышался намек на то, что человека, совершившего столь ответственный акт не в своей, а в чужой стране, можно считать чуть ли не предателем. «В тот же день, – подумал Рудольф, – сотни американцев погибли во Вьетнаме – это ведь тоже не своя, а чужая страна, но их смерть почему-то не была чревата для американских консулов кучей осложнений».

«Передача состояния Томаса Джордаха его наследникам будет делом нелегким, – предупредил консул. – За один день с ним не управиться». Рудольф вышел из консульства, чувствуя полную беспомощность. Он попал в густую паутину правовых положений и чем сильнее старался высвободиться, тем больше запутывался. «Опять я завяз в чужих бедах», – подумал он, и ему стало жаль себя.

«Что делали исконные жители Америки, – думал Рудольф, – когда в бою погибал вождь племени? Кому доставались жены, дети, вампум, вигвам, уборы из перьев, копья и стрелы? Кто из мудрецов – не воин, нет, а шаман или знахарь – брал на себя роль душеприказчика и толкователя воли покойного?»

Свою машину он оставил почти на берегу, перед входом в

отель «Негреско» на Английском бульваре, чтобы не заблудиться на улицах незнакомого города, и в консульство поехал на такси. И сейчас шел по направлению к «Негреско», не ведая, где идет, не думая об этом и не обращая внимания на спешивших домой людей. Внезапно он остановился. У него были мокрые щеки. Он провел рукой по глазам. Он плачет. Он даже не заметил, что плачет, пока шел наугад в сторону моря. «Господи, – подумал он, – надо же было лететь из Америки в Ниццу, чтобы заплакать», – между прочим, впервые с тех пор, как он перестал быть мальчишкой. Прохожие, по-видимому, не замечали его слез; удивленных взглядов не было. А может, французы привыкли видеть на улицах плачущих мужчин? Может, у них такая традиция – лить слезы? После всего, что Франции довелось пережить со времен Людовика Шестнадцатого, им есть о чем плакать.

Уже совсем стемнело, когда он наконец отыскал свою машину. Он прошел много переулков, поворачивал то налево, то направо. «Bella Nizza»³, – вспомнил он. Во время Второй мировой войны итальянцы вернули ее себе. Но ненадолго. И сейчас в итальянском Пентагоне, наверное, вынашивается план захвата Ниццы в будущей драке. Добрые соседи! Нынче на полях сражений в ожидании новой войны сажают жасмин и розы. Бедные, но не утратившие надежд итальянские генералы! Стоит ли игра свеч? Стоит ли Ницца костей одного-единственного калабрийского крестьянина? Теперь это

³ Красавица Ницца (*ит.*).

уже не Bella Nizza, а современный торговый центр с джунглями облупленных многоквартирных домов, с мусором, с оглушительной рок-музыкой, несущейся из дверей музыкальных магазинов, — город, повествующий о своем былом величии лишь в полных лжи буклетах для туристов. Все постепенно приходит в упадок.

На Английском бульваре горели фонари, отражаясь в крышах бесконечного потока машин и поблескивая на мелкой грязной волне, которая с тихим шепотом набегала на узкую полосу прибрежной гальки. В беседе с ним консул упомянул, что назначение в Ниццу считается у дипломатов удачей. Наверное, консулу известно о Ницце нечто такое, чего невооруженным глазом не умотришь. Конечно, если раньше он служил в Конго или в Вашингтоне, тогда Ницца должна казаться ему раем. А вдруг, подумал Рудольф, на пути от консульства к берегу навстречу ему прошел убийца Тома? Вполне возможно. В Ницце полиция то и дело хватает каких-то убийц. А как, например, он бы поступил, если бы в кафе сидящий рядом с ним человек, узнав его, спокойно сказал: «Bonjour, monsieur, может быть, вам небезынтересно будет узнать, что это сделал я?»

Он открыл дверцу, но не сел в машину, думая о вечере, который ему предстоит, если вернуться в Антиб. Сначала надо будет объяснить Джин, что им придется задержаться в этом страшном для них обоих месте, потом сказать Кейт, Уэсли и Дуайеру, что ничего еще не решено, все в подвешен-

ном состоянии, а потому им остается только сидеть и ждать. Он захлопнул дверцу машины. Нет, он не в состоянии выдержать то, что ждет его в Антибе. Пусть Ницца ему не по душе, но лучше провести вечер здесь, чем там.

Одурманенный запахами выхлопных газов, которые, по свидетельству ученых его родины, смертельно опасны для человечества, он, осторожно лавируя между машинами, пересек Английский бульвар, вошел в кафе, сел за столик на террасе и заказал виски с содовой – испытанное временем средство, успокаивающее нервы и мгновенно разрешающее самые запутанные проблемы. Когда виски принесли, он принялся пить не спеша, радуясь, что рядом нет Джин, ибо при ней об этом нельзя и подумать. Иногда ему казалось, что и дышать в ее присутствии тоже нельзя. «Над этим придется поразмыслить», – решил он, делая очередной глоток.

И вдруг он почувствовал голод. Он с самого утра ничего не ел, да и утром-то только кофе с булочкой. Он расплатился за виски, дошел по набережной до «Негреско» и спросил у швейцара, где лучший в Ницце ресторан. А потом быстро зашагал в указанном направлении. Глаза у него были сухие.

В лучшем из ресторанов Ниццы горели свечи, на столиках рдели букеты роз, а из кухни доносился еле уловимый вкусный аромат. Посетителей было немного, но они производили впечатление людей преуспевающих. В зале стояла тишина, царила атмосфера серьезности, старший официант, улыбчивый итальянец с ослепительными зубами, гово-

рил по-английски. «Наверное, итальянский шпион, – решил Рудольф, – каждую ночь переходит границу, пряча за пазухой планы порта, которые микрофильмирует его сообщник».

Рудольф уселся за столик, накрытый белоснежной скатертью, разломил пополам хрустящую булочку и намазал маслом. Пожалуй, напрасно он решил, что этот город не стоит костей одного-единственного калабрийского крестьянина. Тем более что в Калабрии он никого не знает.

Когда принесли еду, выяснилось, что швейцар совершенно прав в оценке кухни этого ресторана. Рудольф неторопливо ел и пил, чувствуя, как с каждым куском, с каждой каплей в нем растут силы. Иногда два часа стоят целого месяца отдыха.

Покончив с клубникой, он попросил счет. Он был сыт, теперь ему захотелось пройтись, ни о чем не думая, в одиночестве посидеть в кафе, выпить кофе с коньяком. Он не поскупился на чаевые метрдотелю и официантам и неторопливо вышел. Вечерний воздух благоухал розами. Через несколько минут Рудольф очутился на берегу моря. Первое море, ставшее известным людям. Улисс переплыл его и остался в живых. Матросы привязали его к мачте, а себе заткнули воском уши, чтобы не слышать пения сирен. Много храбрецов спит на дне этого моря. Теперь среди них и Том. Рудольф стоял на выложенной камнем дорожке, а в нескольких шагах от него кружевной пеной омывала землю Франции легкая волна. Вечер был безлунный, но звезды светили ярко, и линию берега

окаймляли гирлянды блестящих огоньков горевших в домах ламп.

Будь Рудольф мальчишкой, он пробежался бы по берегу, по самой его кромке, ловко увертываясь от набегающей под ноги волны. Но в его возрасте, да еще в темном костюме, вряд ли уместно привлекать к себе внимание гуляющих по набережной.

Он вернулся на бульвар, вошел в ярко освещенное кафе и сел так, чтобы видеть фланирующих по мостовой мужчин и женщин, которые, завершив рабочий день или выполнив свои туристские обязанности, теперь наслаждались теплым вечером, возможностью обменяться взглядами, не спеша пройтись по воздуху рука об руку с любимым или любимой.

Кафе было полупустым. Через столик женщина в голубом платье читала журнал, наклонив голову так, что ему не было видно ее лица. Когда он вошел, она подняла глаза, но тут же вновь принялась за чтение. Перед ней стоял бокал с белым вином. Он заметил, что у нее темные волосы и красивые ноги.

Он ощутил совсем иной голод.

«Осторожно, не порти себе вечер!»

Объясняясь с официантом по-английски, он заказал коньяк и кофе. Когда он заговорил, женщина снова подняла глаза. По ее лицу – или ему показалось? – пробежала улыбка. Уже не первой молодости, примерно его возраста, на вид

ей лет тридцать семь – тридцать восемь, тщательно подкрашена, особенно глаза. Для проститутки старовата, но тем не менее не лишена привлекательности.

Официант принес ему кофе и коньяк вместе со счетом из кассы и вернулся к бару в глубине кафе. Рудольф отхлебнул крепкого черного кофе. Потом взял рюмку с коньяком и понюхал его. Едва он собрался сделать глоток, как женщина, словно чокаясь с ним, подняла свой бокал. На этот раз сомневаться не приходилось – она улыбалась. У нее были четко очерченные пунцовые губы и темно-серые глаза. Рудольф из учтивости тоже приподнял свою рюмку, потом немного отпил.

– Вы американец, верно? – Она говорила с едва заметным акцентом.

– Да.

– Я сразу поняла, как только вы вошли, – сказала она. – По вашему костюму. Вы приехали сюда отдыхать?

– Отчасти, – ответил он.

Стоит ли продолжать разговор? Он не умел общаться с незнакомыми людьми, а особенно с женщинами. Она не походила на нью-йоркских проституток, но он во Франции, а не в Америке – кто знает, как одеваются и ведут себя французские проститутки. Кроме того, к нему вообще редко приставали женщины. Джонни Хит, его приятель и адвокат, утверждал, что в Рудольфе чувствуется какая-то суровость, их отпугивающая. К самому Джонни приставали повсюду – на

улице, в баре, на вечеринках. В нем никакой суровости, по-видимому, не было.

Еще в юности Рудольф научился держаться отчужденно и сухо, считая, что таким образом заявляет о своей принадлежности не к тем, среди кого он вырос – людям, легким на знакомство, по-плебейски шумным, веселым и общительным, – а совсем к другому классу. «Не перегнул ли я на этот раз палку?» – размышлял он, глядя на женщину за соседним столиком.

– Вам нравится в Ницце? – спросила женщина. Голос у нее был низкий, даже с хрипотцой, но приятный.

– Более или менее, – ответил он.

– Вы остановились в отеле?

– Нет, – сказал он. – Я здесь проездом, – добавил он. А почему бы и нет? Иногда полезно вспомнить, что ты мужчина. Он улыбнулся женщине. Улыбаться было приятно. – Разрешите вас угостить?

Он ни разу в жизни не приглашал выпить незнакомого человека, будь то мужчина или женщина.

– Я один, – рискнул признаться он. – По-французски говорю плохо. Был бы рад с кем-нибудь познакомиться. С кем-нибудь, кто владеет английским. – «Как будто нельзя было обойтись без этой лицемерной фразы», – подумал он.

Женщина посмотрела на часы, делая вид, будто принимает решение.

– Что ж, – согласилась она, – можем познакомиться. –

И улыбнулась ему. «Улыбаясь, она становится хорошенькой», – заметил он. У нее были белые зубы и премилые морщинки вокруг темно-серых глаз. Она сложила журнал, взяла свою сумку, встала и прошла три шага, разделявшие их столики. Он тоже встал, отодвинул для нее стул, и она, поблагодарив его, села.

– Я пользуюсь любой возможностью говорить по-английски, – объяснила она. – Я прожила три года в Вашингтоне среди американцев и даже стала чувствовать к ним симпатию.

«Разыгрывает гамбит, – подумал Рудольф, но мысль эта не отразилась на его лице. – Будь я швед или грек, она сказала бы, что привыкла к обществу шведов и греков. Интересно, чем она занималась эти три года в Вашингтоне? За плату развлекала чиновников и конгрессменов в номерах мотелей?»

– Я тоже – к некоторым, – отозвался он.

Она чуть усмехнулась, как и подобает благовоспитанной даме. Нет, она определенно не похожа на расфранченных девиц, бродящих в поисках добычи по улицам Нью-Йорка. Он слышал, что в Америке тоже есть благовоспитанные шлюхи, которые берут сто долларов в час, а то и больше и которых можно вызвать только по телефону: не занятые в спектаклях актрисы, манекенщицы, элегантные домашние хозяйки, зарабатывающие себе на норковую шубу, – но ему никогда не доводилось видеть их воочию. По правде говоря, он ни ра-

зу не произнес, обращаясь к проститутке, больше трех слов: «Спасибо, не надо».

– А французы вам нравятся? – спрашивала женщина.

– Более или менее, – ответил он. – А вам?

– Некоторые, – снова усмехнулась она.

Появился официант. Лицо его ничего не выражало – такие переходы от столика к столику он видел и раньше.

– La même chose? Un vin blanc?⁴ – спросил Рудольф у женщины.

– А! – сказала она. – Вы говорите по-французски?

– Un petit peu⁵, – отозвался Рудольф. Он слегка захмелел и был настроен игриво. Сегодня вечер удовольствий, забав, красивых французских игрушек. Как бы ни развернулись события, дама убедится, что она имеет дело не с обычным американским туристом. – Je l'ai étudié à l'école⁶. В средней школе. Как это сказать по-французски?

– Collège? Lyce'e?⁷

– Lyce'e, – с удовольствием подтвердил он.

Официант переступил с ноги на ногу, деликатно намекая, что вовсе не обязан весь вечер стоять и слушать, как американец пытается вспомнить, чему его учили в школе на уроках французского, чтобы поразить подцепившую его дамочку.

⁴ То же самое? Белое вино? (фр.)

⁵ Немного (фр.).

⁶ Я учил его в школе (фр.).

⁷ В коллеже? В лицее? (фр.)

ку.

– Monsieur? – сказал официант. – Encore un cognac?⁸
– S'il vous plaît⁹, – с достоинством отозвался Рудольф.

После этого они заговорили сразу на двух языках и вместе хохотали над французскими фразами, которые Рудольф с трудом выкапывал в памяти, рассказывая о пышногрудой учительнице французского языка у них в школе, о том, как считал себя влюбленным в нее, как по-французски писал ей о своей страсти, как однажды нарисовал ее обнаженной и как она отобрала у него этот рисунок. Женщина слушала его с удовольствием, поправляла ошибки, хвалила, когда он произносил без запинки больше трех слов подряд. «Если все французские шлюхи похожи на нее, – подумал Рудольф, – тогда понятно, почему проституция считается такой уважаемой профессией во французском обществе».

Затем женщина (он спросил, как ее зовут, оказалось – Жанна) посмотрела на часы и стала вдруг серьезной.

– Уже поздно, – сказала она по-английски, взяв в руки свою сумочку и журнал. – Я должна идти.

– Сожалею, если утомил вас, – отозвался он. Язык у него еле ворочался, и он с трудом выговаривал слова.

– Мне было очень приятно с вами, Джимми. – Она встала. Он сказал, что его зовут Джимми. Прикрылся чужим именем, чтобы его нельзя было выследить. – Но я жду звонка.

⁸ Еще коньяку? (*фр.*)

⁹ Пожалуйста (*фр.*).

Он поднялся попрощаться. Теперь ему не придется спать с ней. При мысли об этом он почувствовал и облегчение, и сожаление. Поднимаясь, он пошатнулся и уронил стул.

– Чудес... Чудесно провел время, – запинаясь, произнес он.

– Где ваш отель? – нахмурилась она.

Где его отель? На мгновение перед глазами, как в тумане, возникла карта Франции.

– Где... мой отель? – Язык у него совсем не ворочался. – В Антибе.

– Вы на машине?

– Да.

– В таком состоянии нельзя садиться за руль.

Он сконфуженно наклонил голову. Наверное, сейчас она с презрением думает об американцах: вот приезжают во Францию, а сами напиваются так, что не в состоянии править машиной. И вообще ни на что не годятся.

– Я, собственно, не пью, – сказал он виновато. – Просто у меня был трудный день.

– Наши дороги опасны, особенно в темноте, – предупредила она.

– Особенно в темноте, – согласился он.

– Может, вы поедете со мной? – спросила она.

«Наконец-то», – подумал он. Как человек деловой, он должен был бы спросить ее, во сколько это ему обойдется, но после дружеской беседы за вином и коньяком подобный во-

прос прозвучал бы неуместно. Еще успеется. И сколько бы ни стоило, он в конце концов может позволить себе провести ночь с европейской куртизанкой. Он был доволен, что припомнил такое слово – «куртизанка». И вдруг в голове у него прояснилось.

– Volontiers¹⁰, – сказал он на ее языке, желая доказать, что владеет собой. И, громко позвав официанта: «Garçon!» – вынул из кармана бумажник. Бумажник он держал так, чтобы ей не было видно, сколько в нем денег. В подобных ситуациях, о которых он знал только понаслышке, следует быть осторожным.

Подошел официант и по-французски сказал, сколько с него причитается. Рудольф не понял и, смутившись, обратился к женщине:

– Что он сказал?

– Двести пятнадцать франков, – ответила она.

Он вынул из бумажника три купюры по сто франков и отмахнулся от слабых попыток официанта дать ему сдачу.

– Не надо давать на чай так много, – шепнула она, выводя его из ресторана.

– Американцы благородны и щедры.

Она засмеялась и прижалась к нему. Показалось такси, и он залюбовался грацией, с какою она подняла руку, стройностью ее ног, мягкой линией груди.

Ехали они недолго. Она держала его за руку – больше ни-

¹⁰ Охотно (*фр.*).

чего. В такси пахло духами, мускусом, еле уловимо – цветами. Машина остановилась перед невысоким многоквартирным домом на темной улице. Она расплатилась с шофером, потом снова взяла Рудольфа за руку и повела в дом. Они поднялись на один марш. Она отперла дверь,пустила его в темную прихожую, потом в комнату и щелкнула выключателем. Его поразила величина комнаты и вкус, с каким она обставлена, хотя при свете затененной абажуром лампы он мог разглядеть далеко не все. «У этой женщины, наверное, щедрая клиентура, – подумал он, – арабы, итальянские промышленники, немецкие стальные бароны».

– А теперь... – начала она, но в эту секунду зазвонил телефон.

«Она не лгала, – подумал он, – ей действительно должны звонить». Она медлила, словно не решаясь поднять трубку.

– Будьте добры... – Она показала на дверь. – Я хотела бы остаться одна.

– Разумеется.

Он вышел в соседнюю комнату, закрыл за собой дверь и зажег свет. Это была небольшая спальня с двуспальной кроватью, уже разобранной. Из-за двери доносился ее голос. Ему показалось, что она сердится на своего собеседника, хотя слов он не различал. Он задумчиво посмотрел на большую кровать. Последняя возможность уйти. «Плевать», – решил он и разделся. Он в беспорядке швырнул одежду на стул, но

переложил бумажник в другой карман. Потом лег и натянул на себя одеяло.

Он, должно быть, заснул, потому что вдруг почувствовал рядом теплое надушенное тело. В комнате было темно, на нем лежала гладкая упругая нога, на животе шевелилась мягкая рука, а уха касались губы, шептавшие что-то неразборчивое.

Он не знал, сколько было времени, когда он наконец замер в неподвижности, кончиками пальцев касаясь теперь уже знакомого тела, доставившего ему такое наслаждение. Он чувствовал покой и приятную теплоту. Пуританин низвергнут, а его пуританские заповеди осмеяны – и слава Богу! Он поднял голову, приподнялся на локте и ласково поцеловал женщину в щеку.

– Уже, наверное, очень поздно, – прошептал он. – Мне пора.

– Будь осторожен за рулем, *chère*¹¹, – сонно и блаженно отозвалась женщина.

– Не беспокойся, – сказал он. – Я совсем протрезвел.

Женщина повернулась и зажгла лампу на ночном столике. Он встал с кровати, гордясь своей наготой. «Юношеское тщеславие», – усмехнулся он про себя и быстро оделся. Женщина тоже встала. Лучше бы она не включала свет и не вставала. Тогда он мог бы оставить ей сто, нет, тысячу франков на камине, и темнота скрыла бы его провинциальное амери-

¹¹ Дорогой (*фр.*).

канское невежество в подобных делах: она бы спала, а он бы украдкой выскользнул из квартиры и из дома, и все было бы закончено. Но свет горел, женщина следила за ним улыбаясь. Ждет? Ничего не поделаешь. Он вынул бумажник.

– Тысячи франков достаточно? – спросил он, чуть запнувшись на последнем слове.

Она с удивлением посмотрела на него, улыбка исчезла с ее лица. И вдруг она начала смеяться. Сначала тихо, потом принялась хохотать. Она согнулась, обхватила руками голову – густые блестящие волосы темным каскадом упали на лицо – и смеялась, не в силах остановиться. Он напряженно смотрел на нее – и уже жалел, что побывал в ее постели, что пригласил ее к своему столику, что был в Ницце, жалел, что вообще очутился во Франции.

– Извини, – начал оправдываться он, – я просто не привык...

Она подняла голову, и он увидел ее смеющееся лицо. Она встала, подошла к нему и поцеловала его в щеку.

– Бедняжка, – сказала она, переводя дыхание. – А я и не знала, что так дорого стою...

– Если ты хочешь больше... – неловко произнес он.

– Гораздо больше, – ответила она. – Столько, сколько никто не может дать. Да ничего мне не нужно! Милый ты мой! Думал, что я проститутка, и был таким вежливым и ласковым. Будь все клиенты такие, как ты, мы все стали бы шлюхами. Мне и раньше нравились американцы, но теперь я люб-

лю их еще больше.

– Господи, Жанна! – вырвалось у него. – Это случилось со мной впервые, – признался он, боясь, что она снова начнет смеяться.

– Интересно, куда смотрят американки? – удивилась женщина. Она пересела на край кровати и похлопала по матрасу рукой. – Иди сюда, сядь рядом, – сказала она.

Он сел рядом с ней. Жанна взяла его за руку, теперь уже как сестра.

– Если тебе от этого станет легче, chère, – сказала она, – то могу признаться, что и со мной это случилось впервые. Мне было так одиноко, так тоскливо... Разве ты не понял?

– Нет, – признался он. – По правде говоря, я плохо разбираюсь в женщинах.

– «Плохо разбираюсь в женщинах», – ласково передразнила его она. – И не пьешь. Именно такой мужчина мне и нужен был сегодня. Позволь рассказать немного о себе. Я замужем. Мой муж служит в армии. Он майор и был помощником военного атташе в Вашингтоне.

«Вот откуда она знает английский, – подумал он. – Значит, не было ни чиновников, ни конгрессменов, ни мотелей».

– А сейчас он временно служит в Париже. В Высшей военной школе – продолжала она. – Временно. – Она коротко и резко рассмеялась. – Он там уже три месяца. Здесь, в Ницце, у меня ходят в школу двое детей. Сегодня они у бабушки.

– Но у тебя нет обручального кольца, – сказал он. – Я по-

смотрел.

– Я его сняла. – Лицо ее помрачнело. – Сегодня мне не хотелось быть замужем. Днем я получила телеграмму от мужа, в которой он сообщал, что будет звонить; я сразу поняла, что он мне скажет. Он скажет, что у него много работы и он снова не может приехать. У него уже три месяца много работы. По-видимому, там, в Высшей военной школе, они готовятся к чему-то необыкновенному, если бедный майор в течение трех месяцев не может даже на день слетать в Ниццу повидаться с женой. Я-то хорошо знаю, к какой войне мой муж готовится в Париже. Ты слышал, как я сказала ему по телефону...

– Нет, – ответил Рудольф. – Я не слышал, что ты говорила... Я только понял, что ты сердишься.

– Да, наша беседа была далеко не дружеской, – согласилась Жанна. – Мы ссорились. Теперь ты понимаешь, почему я очутилась в кафе без обручального кольца на руке?

– Более или менее, – ответил Рудольф.

– Когда ты вошел и сел, я собиралась расплатиться и идти домой, – тихо сказала она. – Двое мужчин уже подходили ко мне. Напыщенные позы с опытом, любители... Как это говорится в Америке? Однодневных?..

– Однодневных гастролей, – подсказал Рудольф.

– Именно.

– Они по крайней мере не приняли тебя за шлюху, – уныло возразил он. – Прости меня.

Она погладила его по руке.

– Прощать нечего, – сказала она. – Это только внесло комическую ноту в наш вечер. Когда ты вошел и сел, я увидела твою добропорядочную и почтенную физиономию и решила не уходить. – Она улыбнулась. – Во всяком случае, не сразу. И оказывается, не ошиблась. Больше никогда не будь застенчивым. – Она снова как сестра похлопала его по руке. – Уже поздно. Ты сказал, что тебе пора... Запишешь мой телефон? Мы увидимся еще?

– Мне, наверное, тоже следует рассказать немного о себе, – заговорил Рудольф. – Прежде всего меня зовут не Джимми. Не знаю почему... – Он пожал плечами и улыбнулся. – Я стеснялся. Считал, что плохо поступаю. А если я назовусь чужим именем, то половина вины с меня вроде бы снимается. А может, из осторожности: вдруг мы когда-нибудь встретимся и я буду не один, ты скажешь: «Здравствуй, Джимми!» – а я смогу ответить: «Извините, мадам, вы меня с кем-то путаете».

– Если бы я вела дневник, – сказала Жанна, – я бы описала все, что сегодня случилось. Во всех подробностях.

– Меня зовут Рудольф, – продолжал он. – Мне никогда не нравилось мое имя. Мальчишкой я считал, что оно звучит не по-американски, хотя трудно сказать, что звучит по-американски и что нет. И какое кому до этого дело. Но в школе ты начинен книгами, где героев зовут Гекльберри Финн, Дэниел Бун, Стаде Лониган... Имя Рудольф напоминало мне

какое-то тяжелое немецкое блюдо. Особенно во время войны. — Он никогда никому не говорил о своем отношении к собственному имени, даже сам для себя никогда не формулировал его так четко, и теперь удивился тому, что рассказывает об этом красивой, чужой или почти чужой женщине, рассказывает легко и даже с удовольствием. Он сидел в полумраке на кровати, и ему хотелось побыть подольше с этой женщиной, под каким-нибудь предлогом отложить уход, сказать, что до зари еще далеко, хотя уйти все равно придется.

— Рудольф, — повторила Жанна. — Имя как имя, не очень красивое, но и не плохое. А если называть тебя Родольфо? Пожалуй, лучше, а?

— Гораздо лучше.

— Отлично, — засмеялась она. — Отныне я буду называть тебя Родольфо.

— Родольфо Джордах, — повторил он. Это имя придало ему в собственных глазах какую-то лихость. — Моя фамилия Джордах. Я остановился в отеле «Дю Кап». — Мосты сожжены. Имя и адрес известны. Теперь они во власти друг друга. — И еще одно. Я женат.

— Я так и думала, — сказала Жанна. — Но это твое личное дело. Как и мой брак — мое личное дело.

— Моя жена со мной в Антибе. — Ему не хотелось признаваться, что они с Джин тоже в натянутых отношениях. — Дай мне твой телефон.

Она встала, подошла к столику, где лежали ручка и бума-

га, и, написав номер телефона, протянула ему листок; он аккуратно сложил его и спрятал в карман.

– В следующий раз, – сказала она, – тебе придется снять номер в отеле. Дети будут дома.

В следующий раз...

– А теперь я вызову такси, – сказала она. Они перешли в гостиную, она набрала номер, что-то быстро сказала, подождала немного, согласилась: «Très bien»¹², – и положила трубку. – Такси приедет через пять минут, – сказала она. У двери они поцеловались долгим, благодарным, целительным поцелуем. – Спокойной ночи, Родольфо, – сказала она и улыбнулась. Он понял, что долго будет помнить ее улыбку.

Такси уже стояло у подъезда, когда он вышел на улицу.

– В отель «Негреско», – сказал Рудольф, садясь в машину.

Когда такси тронулось, он оглянулся на дом. Надо запомнить его, чтобы найти снова, чтобы вспоминать во сне. Они доехали до «Негреско», и он, поглядев налево и направо, перешел улицу в том месте, где стояла его машина. Усевшись за руль, он медленно и осторожно поехал по пустому приморскому шоссе к Антибу.

Поравнявшись с портом, он поехал еще медленнее, затем круто свернул на стоянку, вылез и пошел по набережной туда, где у безмолвного причала покачивалась «Клотильда». На «Клотильде» было темно. Ему не хотелось будить Уэсли

¹² Очень хорошо (*фр.*).

и Кролика. Сняв туфли, он спрыгнул с палубы в стоявшую рядом плоскодонку, отвязал канат, сел и бесшумно вложил весла в уключины. Без единого звука он отплыл от яхты, выгреб на середину гавани, налег на весла и направил лодку в море. От воды сильно пахло дегтем, с берега доносился аромат цветов.

Он действовал почти автоматически, не думая, зачем он это делает. Каждый взмах веслами доставлял ему физическое удовольствие, а плеск срезаемой носом волны о борта плоскодонки казался музыкой, достойной завершить эту ночь.

Лодка приближалась к красным и зеленым огням, обозначавшим выход в море, и неясные тени Антиба с редкими огоньками медленно уходили вдаль. Он греб, наслаждаясь радостным ритмом своих движений. Сколько раз эти самые весла были в руках его брата! Рудольф с трудом удерживал гладкое дерево, отполированное сильными руками Тома. Утром ладони, наверное, покроются волдырями. Это приятно.

«Томас, Томас!» – прошептал он. Лодка вышла в открытое море и закачалась на тихой волне. Он греб и вспоминал те случаи, когда они, родные братья, не оправдывали ожиданий друг друга, и конец, когда они позабыли свои распри или по крайней мере простили их друг другу.

Он подумал о своем отце, обезумевшем и жалком старике, который тоже шел на веслах во тьме, выбрав для своего

последнего путешествия штормовую ночь. У отца хватило сил на самоубийство, и в смерти он обрел покой, который не мог обрести в жизни. Он же на это не способен. Он совсем другой человек, у него другие обязанности. Он глубоко вздохнул, повернул плоскодонку назад и поплыл обратно к «Клотильде». Руки у него горели.

Бесшумно привязав лодку к корме «Клотильды», он поднялся по веревочному трапу на палубу, спустился на берег. Надел туфли – обряд совершен, служба окончена, – сел в машину и включил зажигание.

Он подъехал к отелю в четвертом часу. Кроме ночного портье за конторкой, зевавшего во весь рот, в вестибюле не было никого. Он взял свой ключ и уже направился к лифту, когда портье окликнул его:

– Мистер Джордах! Миссис Берк просила сразу же позвонить ей, как только вы придете. Она сказала, что это очень важно.

– Спасибо, – устало отозвался Рудольф. «Ничего, Гретхен подождет до утра».

– Миссис Берк просила и меня позвонить ей, когда вы появитесь. В любой час.

Догадалась, что он постарается уклониться от встречи, и приняла меры предосторожности.

– Понятно, – вздохнул Рудольф. – Позвоните ей, пожалуйста, и скажите, что я зайду, как только увидаюсь с же-

ной. – Нужно было остаться на всю ночь в Ницце. Или сидеть до утра в лодке. Чтобы встретиться с тем, что его ждет, при дневном свете.

– И еще, – добавил портье, – вас тут искал один джентльмен. Некий мистер Хаббел. Из журнала «Тайм». Он пользовался нашим телексом.

– Если он придет снова и будет меня спрашивать, скажите, что меня нет.

– Ясно. *Bonne nuit, monsieur*¹³.

Рудольф нажал кнопку лифта. Он собирался позвонить Жанне, пожелать ей спокойной ночи, попытаться объяснить, как она помогла ему, вслушаться в ее низкий, хрипловатый чувственный голос и заснуть, вспоминая о прошедшем, чтобы увидеть во сне что-нибудь приятное. Теперь об этом нечего было и думать. Тяжело ступая и чувствуя себя старым, он вошел в кабину лифта, поднялся на свой этаж и почти бесшумно отворил дверь в номер. Свет горел и в гостиной, и в комнате Джин. После убийства Тома она боялась спать в темноте.

– Рудольф? – окликнула она его, когда он проходил мимо ее двери.

– Да, дорогая, – вздохнул Рудольф. Он так надеялся, что она спит. Он вошел в комнату. Джин сидела в постели и смотрела на него. Автоматически он перевел взгляд на стол в поисках стакана или бутылки. Ни стакана, ни бутылки, и по

¹³ Спокойной ночи, мсье (*фр.*).

лицу видно, что она не пила. «Старой она выглядит, – подумал он, – старой. Изможденное лицо, погасшие глаза и кружевная ночная сорочка – такой она должна бы стать через добрых сорок лет».

– Сколько сейчас времени? – резко спросила она.

– Четвертый час. Тебе пора спать.

– Четвертый час? Не кажется ли тебе, что рабочий день консульства в Ницце несколько растянут?

– Я решил сегодня вечером отдохнуть, – сказал он.

– От чего?

– От всего, – ответил он.

– От меня, – с горечью констатировала она. – Это уже вошло в привычку, правда? Стало образом жизни?

– Может, мы отложим обсуждение до утра? – спросил он.

Она потянула носом.

– От тебя пахнет духами. Это мы тоже обсудим утром?

– Если угодно, – ответил он и направился к выходу. – Спокойной ночи.

– Не закрывай дверь! – крикнула она. – Пусть все пути к бегству будут открыты.

Он не закрыл дверь. Плохо, что он не чувствует к ней жалости.

Через гостиную он прошел к себе и закрыл за собой дверь. Потом отворил дверь, ведущую из его комнаты в коридор, и вышел. Ему не хотелось объяснять Джин, что он должен повидаться с Гретхен по делу, которое его сестра считает неот-

ложным.

Номер Гретхен был дальше по коридору. Рудольф шел мимо туфель, выставленных для чистки. Европа того и гляди станет коммунистической, а бедняки по-прежнему каждую ночь с двенадцати до шести чистят чужую обувь.

Не успел он постучать, как Гретхен тотчас открыла. На ней был светло-голубой махровый халат, почти такого же цвета, как платье Жанны. Маленькое бледное лицо, темные волосы и сильное стройное тело делали ее удивительно похожей на Жанну. Как все в мире одинаково. Эта мысль пришла ему в голову впервые.

– Входи, – сказала она. – Если бы ты знал, как я беспокоилась! Где ты был?

– Долго рассказывать, – ответил он. – Может, подождем до утра?

– Нет, не подождем, – ответила она и, закрыв дверь, тоже потянула носом. – От тебя божественно пахнет, братец, – усмехнулась она. – И вид у тебя такой, будто ты только что переспал с женщиной.

– Я джентльмен, – сказал Рудольф, стараясь обратить ее слова в шутку. – А джентльмены подобные вещи не обсуждают.

– А дамы обсуждают, – сказала она.

«Есть в Гретхен все-таки что-то вульгарное».

– Хватит об этом, – сказал он. – Я хочу спать. Что у тебя такое важное?

Гретхен упала в большое кресло, словно ноги у нее подкосились от усталости.

— Час назад мне звонил Дуайер, — ровным тоном объявила она. — И сказал, что Уэсли в тюрьме.

— Что?

— Уэсли в тюрьме в Канне. Он затеял драку и чуть не убил человека пивной бутылкой. А потом ударил полицейского, и полиции пришлось его утихомирить. Ну как, достаточно это для тебя важно, братец?

Глава 4

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Сегодня в Брюсселе были волнения и рвались бомбы. И все из-за того, что, по мнению фламандцев, их дети должны обучаться на родном языке, а не на французском и что названия улиц должны быть написаны на обоих языках. В наших армейских подразделениях негры тоже поговаривают о том, чтобы устроить мятеж, если им не разрешат носить традиционную африканскую прическу. Люди готовы по любому поводу растерзать друг друга. По этой причине, как ни грустно такое констатировать, я и ношу военную форму, хотя не имею ни малейшего желания причинить кому-либо вред, и, на мой взгляд, люди смогут говорить на любом языке

ке: на фламандском, баскском, сербско-хорватском или на санскрите. Я только скажу: «Превосходно».

Может, у меня не хватает характера?

Наверное. Если ты человек сильной воли, то тебе хочется подчинить все и всех вокруг себя. А тех, кто не говорит на твоём языке, подчинить трудно, и человек с характером начинает сердиться, как, например, американские туристы в Европе, которые принимаются кричать, когда официант не понимает, чего от него требуют. В политике же вместо крика используются полиция и слезоточивый газ.

Моника знает немецкий, английский, французский, фламандский и испанский. Говорит, что умеет читать и по-гэльски. Насколько я могу судить, в душе она такая же пацифистка, как и я, но ведь она – переводчица в НАТО, и по долгу службы ей приходится изрыгать страшные угрозы одних воинственно настроенных деятелей в адрес других воинственно настроенных деятелей.

Мы провели целый день в постели.

Время от времени мы это делаем.

Когда Рудольф подъехал на такси к зданию каннской префектуры, Дуайер уже ждал его. «Лучше приехать на такси, – решил Рудольф, – чем на собственной машине». Он боялся, что, если явится в полицейский участок и начнет требовать освобождения племянника, у него могут взять пробу на алкоголь. Дуайер стоял, прислонившись к стене, и, несмотря

на свой толстый свитер, дрожал, а лицо у него было зелено-вато-бледным в жидком свете горевших перед входом в префектуру фонарей. Рудольф вылез из такси и посмотрел на часы. Пятый час. Улицы Канна были пусты – все, кроме него, либо закончили свои дела, либо отложили их до утра.

– Слава Богу, вы здесь, – сказал Дуайер. – Ну и ночка, черт бы ее побрал!

– Где он? – сдержанно спросил Рудольф, стараясь успокоить Дуайера, который, судя по его лицу и по тому, как он тер костяшки пальцев одной руки о ладонь другой, мог в любой момент впасть в истерику.

– Там у них. В камере, наверное. Они не дали мне с ним повидаться. Я туда войти не могу. Они предупредили, что, если я еще раз туда сунусь, меня тоже посадят. Говорить с французской полицией – все равно что с Гитлером, – горько заключил Дуайер.

– Как он? – спросил Рудольф. Глядя на съездившегося от холода Дуайера, он тоже почувствовал озноб. Он был в том же костюме, что и днем, и, уходя из отеля, позабыл захватить с собой пальто.

– Как сейчас – не знаю, – ответил Дуайер. – Когда его притащили, он был почти в порядке, но ведь он ударил полицейского, и что они потом с ним сделали, одному Богу известно.

«Нет ли тут поблизости кафе? – подумал Рудольф. – Просто чтоб было светло и можно было погреться». Но на узкой улице он увидел только неяркие пятна фонарей.

– Не беспокойтесь, Кролик, – мягко сказал он. – Я сейчас попробую все уладить. Но сперва расскажите мне, что произошло.

– Мы решили поужинать в городе, – начал Дуайер таким тоном, словно Рудольф его обвинял и требовал доказательств его невиновности. – Разве можно было в такой вечер оставить парня одного, как по-вашему?

– Конечно, нет.

– Мы выпили. Уэсли обычно пил вино с нами, с отцом и со мной. Отец наливал ему как взрослому, мы забывали, что он еще мальчишка... Вы ведь знаете, во Франции... – Он замолк, словно из-за этой бутылки вина, выпитой вместе с Уэсли в антибском ресторане, его опять принялись обвинять во всех смертных грехах.

– Знаю, – сказал Рудольф, стараясь не выказывать раздражения. – И что потом?

– Потом парень попросил коньяку. Двойную порцию. «А почему бы и нет? – решил я. – В день похорон отца... Даже если он напьется, мы рядом с портом, дотащить его до яхты труда не составит». Только он не захотел возвращаться. Он вдруг встал из-за стола и говорит: «Я еду в Канн». Я его спрашиваю: «Зачем, черт побери, тебе в Канн в такую поздноту?» Он говорит: «Хочу побывать в ночном баре». Точные его слова. «Побывать. Я хочу побывать в “Розовой двери”». Одному Богу известно, что у него с головой сделалось от коньяка и от всего вместе. Я уж его и так и эдак упрашивал.

Чего только не говорил. А он меня послал подальше. Первый раз в жизни. Тут я понял: его и бульдозером с места не сдвинешь. Он говорит: «Я тебя не прошу ехать со мной. Иди спи и набирайся сил». Я догнал его уже на улице, схватил за руку. Не мог же я отпустить его одного в этот проклятый бар, верно?

– Конечно, – устало отозвался Рудольф. – Вы поступили совершенно правильно. – Интересно, а что он сам сделал бы на месте Дуайера? Наверное, отпустил бы.

– Мы взяли такси и поехали в «Розовую дверь». – То ли от горя, то ли от страха, то ли от бессилия Дуайер разговаривался и остановиться уже не мог. – Уэсли молчал всю дорогу. Ни одного слова не проронил. Сидел и смотрел в окно, как турист. Поди догадайся, что он задумал. Я не психолог, детей у меня никогда не было, да и вообще в чужую душу не влезешь. – Он снова начал оправдываться, словно кто-то сомневался в его искренности. – Я решил, что он просто распахивался. А кто бы на его месте не распахивался в такой день? Наверное, вбил себе в голову, что его долг перед отцом – поехать и посмотреть, где все это началось. Он видел конец, сам высыпал прах в море, должен же он увидеть и начало тоже.

«Начало, – думал Рудольф, вспоминая необузданный нрав брата. – Начало было не в ночном баре в Канне. Для этого нужно вернуться назад. На много лет назад».

– А что, думаю, может, это и не такая уж плохая мысль, –

продолжал Дуайер. – Во всяком случае, одно ясно: югослава, с которым Том подрался, там не будет. Его ищет полиция, он исчез бесследно на второй день после убийства, едва его допросили. Кроме того, мы с Уэсли его ни разу не видели и не узнаем, даже если он окажется рядом с нами прямо под лампой. Радости, конечно, мало, но и вреда тоже не будет – выпьем по рюмке-другой и поедем спать, разве только голова завтра поболит малость.

– Все понятно, Кролик, – дрожа от холода, согласился Рудольф. – В данных обстоятельствах вы не могли поступить иначе.

Дуайер энергично закивал.

– А из-за чего началась драка? – спросил Рудольф. Дуайеровские оправдания можно отложить до другого раза. Пятый час утра, холодно. Уэсли в участке, и вполне возможно, что как раз в данную минуту над ним трудятся полицейские. – Кто виноват? Уэсли?

– Виноват? Разве в драке определишь, кто виноват? – У Дуайера дрожали губы. – Мы постояли в баре, помолчали, выпили две, а может, три порции виски, а рядом с нами стоял здоровый англичанин, с какого-то судна в порту, сразу видно – моряк. Он пил пиво и громко рассказывал своей девице про американцев. Наверное, что-то не очень приятное, потому что Уэсли вдруг повернулся к нему и тихо сказал: «А ну, паразит, заткни пасть и кончай твякать про американцев!»

«О Господи, – подумал Рудольф, – нашел время и место

для проявления патриотизма».

– Англичанин распространялся насчет того, что им, англичанам, пришлось-де воевать не только за себя, но и за американцев. Уэсли тогда еще и на свете-то не было, что ему за дело до этого, черт побери? Господи, да начни хоть десять англичан кричать, что все американцы трусы, сутенеры и развратники, его собственный отец ни за что не полез бы в драку. А Уэсли полез. Я ни разу не видел его в деле, но Том мне рассказывал про него: я понял, что будет, схватил его за руку и говорю: «Пошли, парень. Нам пора». Но тут этот англичанин – лет тридцати, а весу в нем, наверное, фунтов двести, да и пива он наакался порядком – повернулся к нему и говорит: «А ну-ка, сынок, повтори, что ты сказал». И Уэсли все так же тихо и вежливо повторил: «Заткни пасть, паразит, и кончай твякать про американцев!» И даже тогда все могло закончиться тихо и мирно, потому что девица схватила англичанина за рукав и стала уговаривать: «Пойдем домой, Арнольд». Но он вырвался и спрашивает: «Ты с какого судна, приятель?» И потихоньку тянется за пивной бутылкой на стойке. «С “Клотильды”», – отвечает Уэсли, а я чувствую: он весь напрягся. «Поищи себе место на другом судне, сынок, – засмеялся англичанин. – Не думаю, что на «Клотильду» теперь будет спрос». По-моему, этот смех Уэсли и доконал. Он вдруг рванулся, первым схватил бутылку и как шарахнет англичанина по башке. Англичанин упал, весь в крови, вокруг поднялся крик, а Уэсли – видели бы вы тогда его физионо-

мию – принялся бить англичанина ногами. И где он научился так драться! Лупит ногами, подумать только! И хохочет как чокнутый. Я повис на нем, стал его оттаскивать, а он-то, наверное, даже не заметил. Рядом со столиком сидели двое полицейских в штатском, они его и схватили, но он одному двинул – тот с копыт. Тогда второй полицейский вытащил дубинку, саданул Уэсли по затылку, и на этом драка закончилась. Они выволокли Уэсли из бара и посадили в полицейскую машину; меня в машину не пустили, поэтому я со всех ног побежал в участок, а навстречу мне на полной скорости, с включенной сиреной и мигалкой промчалась «скорая помощь». В каком там виде сейчас этот англичанин? – вздохнул Дуайер. – Вот и все, – устало заключил он. – Пожалуй, все. Теперь вы понимаете, почему я позвонил вам в отель?

– Спасибо, что позвонили, – тоже вздохнул Рудольф. – Подождите здесь. Сейчас узнаю, как обстоит дело.

– Я бы пошел с вами, – сказал Дуайер, – только они еще больше разозлятся.

Расправив плечи, Рудольф вошел в полицейский участок. Глаза обожгло ярким светом, но зато там было тепло. Жаль, что он в мятом костюме, небрит и, по словам Гретхен, выглядит так, будто только что переспал с женщиной, а то бы он чувствовал себя куда уверенней. Он помнил также, что от него по-прежнему пахнет духами. «Не так ты одет и не тем пахнешь», – подумал он, подходя к высокой конторке, за которой, мрачно взирая на него, восседал толстый полицей-

ский с выбритыми до синевы скулами.

«Как расширяют кругозор путешествия, – думал Рудольф, улыбаясь или надеясь, что улыбается полицейскому, – любуешься соборами, спишь с женой европейского офицера, плаваешь над судами, затонувшими во время войны, знакомишься с иноземными обычаями, чужими товарами и напитками, полицейскими участками, крематориями».

– Моя фамилия Джордах, – медленно произнес он по-французски. – Я американец... – Слышал ли полицейский о Лафайете, плане Маршалла, Дне высадки союзников во Франции? Тогда можно рассчитывать на благодарность. Если, конечно, она существует. – По-моему, у вас здесь мой племянник Уэсли Джордах.

Полицейский ответил так быстро, что Рудольф его не понял.

– Говорите помедленнее, пожалуйста, – попросил он. – Я не силен во французском.

– Приходите к восьми утра, – медленно произнес полицейский.

– Я бы хотел повидать его сейчас, – настаивал Рудольф.

– Я сказал – к восьми утра, – нарочито медленно повторил полицейский и для большей наглядности показал восемь пальцев.

Нет, ни о Лафайете, ни о Дне высадки союзников полицейский явно не слышал.

– Может, ему нужна медицинская помощь? – спросил Ру-

дольф.

– Он обеспечен самой лучшей медицинской помощью, – снова так же медленно ответил полицейский. – Приходите в восемь утра. По французскому времени. – И засмеялся.

– Здесь кто-нибудь говорит по-английски?

– Это полицейский участок, мсье, – сказал полицейский. – Вы не в Сорбонне.

Рудольфу хотелось спросить, нельзя ли взять племянника под залог, но он не знал, как это сказать по-французски. Ежегодно в Канн приезжают тысяч пятьдесят американских и английских туристов; неужели ни один из этих мерзавцев не мог взять на себя труд выучить английский язык?

– Я хотел бы поговорить с вашим начальником, – упорствовал он.

– В данный момент он отсутствует.

– Тогда с кем-нибудь еще.

– Кто-нибудь еще – это я. – Полицейский снова расхохотался. Потом нахмурился и сразу стал выглядеть более естественно. – Прошу вас уйти, мсье, – строго сказал он. – Будьте добры очистить помещение.

«Не дать ли ему взятку?» – подумал Рудольф. Но он уже этой ночью допустил ошибку, предложив деньги не там, где полагалось. Вторая ошибка может оказаться куда серьезнее.

– Идите, идите, мсье, – нетерпеливо взмахнул толстой рукой полицейский. – Я занят.

Потерпев поражение, Рудольф вышел на улицу.

– Ну что? – вскинулся Дуайер.

– Ничего, – ответил Рудольф. – Велели прийти в восемь утра. Пойдемте в какую-нибудь гостиницу. Нет смысла возвращаться в Антиб на два часа.

– Да, но я боюсь оставлять «Клотильду», – сказал Дуайер. – Сейчас, знаете, мало ли что... – Он не закончил мысли. – А утром я буду здесь.

– Как угодно, – отозвался Рудольф.

Он был так измочален, словно пробежал марафонскую дистанцию. Рано утром он позвонит антибскому адвокату. Он вспомнил старого Тедди Бойлана, семья которого владела кирпичным заводом в Порт-Филипе, где Рудольф родился. Тедди Бойлан, можно сказать, подружился с ним и в каком-то смысле помог ему получить образование. Тедди Бойлан советовал ему идти в адвокаты. «Миром правят адвокаты», – утверждал Бойлан. Отличный, наверное, совет для тех, кто стремится править миром. Когда-то и он был одним из них. Но теперь нет. Последуй он совету Бойлана и займись адвокатской практикой, разве посмел бы этот полицейский с синими щеками смеяться над ним и выставить его из участка! И Уэсли не сидел бы сейчас за решеткой во власти полицейского, которого ударил в пьяной драке. А может, и Том был бы жив или по крайней мере умер при других, более приличных обстоятельствах. Ну и мысли лезут в голову в четыре часа утра!

Рудольф шел не спеша по пустынным улицам, на которых

сейчас не было ни проституток, ни шулеров, ни машин «скорой помощи», в сторону отеля «Карлтон». Там он снимет номер и поспит несколько часов. А Дуайер найдет такси и доедет до «Клотильды».

«Вот так, наверное, сотни раз чувствовал себя отец, когда его избивали и от боли он не мог пошевелиться», — думал Уэсли, лежа на откидных нарах в камере. Мысль эта была чем-то ему приятна, она сближала его с отцом, чего не смогла сделать молитва в соборе. Он успокоился, остыл. Он был рад, что его оторвали от англичанина, и надеялся, что не убил этого сукина сына.

Если этот сукин сын не подойдет, дядя Руди вытащит его отсюда. Мистер Руди Джордах умеет улаживать любые неприятности. Уэсли поневоле улыбнулся, хотя улыбаться было жутко больно.

Однако улыбка быстро исчезла. Слишком уж недолго он знал своего отца. Закончились длинные беседы во тьме рубки.

Они наверстывали упущенное за те годы, когда мать Уэсли, сбежав вместе с ним, перекидывала его из одной жуткой школы в другую и при этом рассказывала, что отец бросил их, удрал с какой-то дешевой шлюхой, а может, уже и погиб, да это и немудрено, если жить так, как он, — пить, гулять, развратничать, драться, сорить деньгами и наживать себе врагов. Его мать за многое в ответе.

А сам он? Будь он тогда внимательнее, они не ударились бы о то плавающее бревно и им не пришлось бы возвращаться в Антиб на ремонт; шли бы сейчас вдоль побережья Италии, мимо Портофино, Эльбы, Сицилии, все внизу бы спали, а отец хриплым басом рассказывал бы ему про Клотильду Деверо, в честь которой названа их яхта, служанку в доме его дяди – толстого немца Харольда.

А если бы он, Уэсли, не спал как младенец, то услышал бы шаги на палубе – отец их слышал сквозь любой сон, как бы ни устал и как бы крепко ни спал, – и, поднявшись, увидел бы, что отец один отправляется спасать Джин Джордах; он пошел бы вместе с ним, а может, заставил бы отца вызвать полицию или по крайней мере был рядом – тогда югослав понял бы, что драться бессмысленно.

«Кого я обманываю? – думал Уэсли. – Не случись это здесь, случилось бы в Портофино, на Эльбе или на Сицилии. Все равно Джин Джордах впуталась бы в какую-нибудь историю и втянула бы остальных». Она с самого начала ему не понравилась, он так и сказал отцу. А отец ответил: «Верно, человек она нелегкий. Я бы на ней не женился, но Руди мыслит по-иному. Она богатая, красивая, неглупая. – Он пожал плечами. – Наверное, приходится расплачиваться за то, что имеешь богатую, красивую, неглупую жену». Только расплачиваться-то пришлось его отцу. Отец не боялся за собственную жизнь, был чересчур уверен в себе. «Мне самому много досталось из-за женщин. – И, чуть грустно усмехнувшись в

темноте, рассказал сыну про близняшек из Элизиума, штат Огайо, которые утверждали, что забеременели от него, когда его посадили в тюрьму по обвинению в изнасиловании несовершеннолетних. — Теперь-то я думаю, — философски добавил Том, — может, это было и поделом, хотя в ту пору я так не считал. Мне, наверное, следовало предостеречь тебя, но ты бы вряд ли стал слушать, а, Уэсли?»

«Да я более или менее осторожен», — ответил Уэсли. Он уже в двух плаваниях имел дело с дамами, мужа которых тоже были на борту, о чем, он не сомневался, отец прекрасно знал.

«По-моему, тебе это дело нравится», — сухо заметил Том.

«Как всякому», — отозвался Уэсли.

«Мне тоже», — признался Том. Потом он стал вспоминать о мальчике, вместе с которым поджег крест на лужайке у дома Бойлана и который потом его выдал; о своем менеджере Шульце; о человеке, у которого он шантажом выманил пять тысяч долларов в Ревир-клубе; о Фальконетти, которого он высмеял в присутствии двадцати семи членов команды судна и довел до самоубийства. Он рассказывал о них обо всех, чувствуя, что подросток, истосковавшийся по отцу и наконец обретший его, может составить о нем ложное, идеализированное представление, которому он, Том, не в силах соответствовать, а потому должен скорректировать его, чтобы избавить сына от неизбежного и горького разочарования.

Его советы отличались практичностью: «Ты любишь мо-

ре, вот и свяжи с ним свою жизнь. Тут и работа, и можно отдохнуть, и разнообразие, а не одно и то же все время, и ты на свежем воздухе. Рано или поздно у тебя будет «Клотильда», а то и что-нибудь получше. И ты уже будешь знать про свое судно все-все и с удовольствием за ним ухаживать, как мы с Дуайером. И я советую тебе не путаться с пассажирками. – Том усмехнулся. Может, отцу и не положено говорить о таких вещах, но он не мог промолчать, видя повышенный интерес Уэсли к сексу. – Действуй самостоятельно, потому что нет хуже западни, чем вкалывать на другого. Изучи все. Сверху донизу. Тебе есть у кого учиться: у меня, у Кролика, у Кейт. Не экономь на оборудовании. Если тебе по какой-либо причине не по душе человек, которого ты нанял, ссади его в первом же порту. Если ты нашел у пассажира наркотики, выбрось их за борт без разговоров. По возможности не пей с пассажирами. Захочешь – вполне сможешь выпить на свои. Не жмотничай. Это сразу становится известно. Если тебе не нравится, как выглядит море, иди в порт и не слушай, что кто-то там опаздывает в Рим, Канн или Афины на важную деловую встречу или на свидание с девицей. Не ввязывайся в склоки. Не отступай, но сам на рожон не лезь...»

«Надо было записать все это на пленку, – подумал Уэсли, – и каждый вечер перед сном прослушивать».

«Держи на борту оружие. На всякий случай. Под замком. Вдруг пригодится».

Вот оно – завещание отца: «Не экономь на оборудовании

и держи оружие при себе».

А где держат оружие на «Клотильде»? Кролик, наверное, знает, но черта с два скажет. Когда оно понадобилось, его под рукой не оказалось.

Отец продолжал что-то говорить во тьме, отгороженной решеткой. Голос его был спокойным, даже веселым, но слова стали неразборчивыми.

В затылке у Уэсли застучало, голос отца стихал, как звук буя, оставшегося в тумане за кормой, и он заснул.

Глава 5

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

У меня слабость к моему отцу, ибо он, в свою очередь, человек слабый. Его я простил. А вот к матери я слабости не испытываю, ибо она сильная женщина, и ее я не прощаю. Пусть археолог, которому суждено раскапывать руины Брюсселя в следующем столетии, поразмыслит над этим. Мы все часто думаем о своих родителях. А я — о своих двух отцах. Уильям Эббот, мой родной отец, был и, наверное, поныне остается веселым и очаровательным бездельником.

Колин Берк, второй муж моей матери, был блестящим, эгоистичным, талантливым человеком; он умел заставить

актеров работать в полную силу, и экран у него полыхал огнем. Я любил его, восхищался им и мечтал, когда вырасту, стать таким же, как он. Не получилось. Я вырос похожим, к сожалению, на Вилли Эббота, хотя и лишен некоторых присущих ему привлекательных качеств. Его я тоже любил.

Сколько раз я укладывал его в постель пьяным.

Сегодня я на пари сыграл пять партий в теннис и все выиграл.

Он снова съездил в Ниццу в консульство, дважды побывал в тюрьме в Грасе, куда перевели Уэсли, и трижды сходил к адвокату. Консул смущался, но не мог посоветовать ничего определенного, а адвокат кое в чем помог. Чего не скажешь об Уэсли – этот молчал, раскаяния не испытывал, физически чувствовал себя неплохо и больше интересовался не собственной участью, а участью соседей по камере, один из которых воровал драгоценности, другой предъявлял краденые чеки, а третий занимался подделкой произведений искусства. Со времени ареста Уэсли не брился, оброс светлой густой щетиной и стал похож на волка; среди преступников он несколько не выделялся. Когда он вошел, в маленькой комнате, где Рудольфу разрешили с ним побеседовать, запахло, как в клетке у дикого зверя, которую плохо чистят. Этот запах перенес Рудольфа в прошлое, в комнату над пекарней, в постель, которую он делил с Томом, когда оба были подростками и когда Том являлся домой за полночь по-

сле драк на улице. Он вынул носовой платок и сделал вид, что сморкается; Уэсли, усмехаясь углом рта, уселся напротив него за некрашенным, поцарапанным столом старой провансальской работы, любезно предоставленным в их распоряжение полицией славящегося своими цветами города Гра-са.

Рудольф сделал серьезное лицо, чтобы мальчишка понял всю нешуточность своего положения. Полиция через адвоката дала Рудольфу знать, что случай этот непростой – пивную бутылку можно считать и опасным орудием – и что Уэсли в лучшем случае придется просидеть в тюрьме не меньше нескольких недель.

Рудольф также не раз звонил в Нью-Йорк своему адвокату Джонни Хиту, который сказал, что если он сумеет отделаться от французов, то дела Тома, по всей вероятности, можно будет уладить в Нью-Йорке – последнем, насколько известно, местожительстве покойного в Соединенных Штатах, – но что на это потребуется немало времени.

«Нам суждено утонуть в бумагах», – думал Рудольф. Он слушал разглагольствования Джонни Хита о том, что скорее всего суд назначит Кейт Джордах, жену покойного, несмотря на ее английское подданство, администратором наследства и что одна треть состояния, по всей вероятности, достанется ей, а две трети – сыну, хотя ее беременность осложняет дело; и ему представлялось, как «Клотильда» со всеми пассажирами на борту идет ко дну в океане судебных доку-

ментов, постановлений и распоряжений. Сыну, поскольку он несовершеннолетний, до восемнадцати лет положен опекун, и почему бы Рудольфу, как самому старшему и близкому из родственников мужского пола, не взять на себя эту обязанность? Имущество покойного, вероятно, придется ликвидировать, чтобы заплатить налог на наследство, а это значит, что в течение года «Клотильда» должна быть продана. Но, предупредил Хит, пока он ничего определенного сказать не может, необходимо кое с кем проконсультироваться.

Рудольф не сказал Уэсли о своих беседах с Хитом. Он просто спросил, не обижают ли его и что ему нужно. Уэсли равнодушно ответил, что к нему относятся как ко всем и что ему ничего не нужно. «Непонятный молодой человек, – возмутился Рудольф, – и всегда он почему-то враждебно настроен». Из-за этого свои визиты в тюрьму Рудольф старался по возможности сократить.

Но когда он, усталый, возвращался в отель, его ждал не лучший прием. Даже худший, по правде говоря. Джин совсем перестала сдерживаться. Она рвалась домой, требовала, чтобы ее, как она выражалась, выпустили на свободу, – вероятно, впервые за всю историю отель «Дю Кап» называли тюрьмой. Почему-то она вбила себе в голову, что ее отъезд задерживается по вине Рудольфа, и сколько он ни твердил ей, что ее паспорт в полиции, а не у него, она по-прежнему билась в истерике.

– Черт бы побрал твоего кретина брата! – кричала она во время последней ссоры. – Чего он полез в чужие дела? Ну изнасиловали бы меня. Подумаешь! Не первый случай с американкой во Франции. Зато я уже давно была бы дома.

От ее пронзительного голоса у него зазвенело в ушах, а перед глазами на мгновение предстала та Джин, какой она была, когда они только поженились: живая, хорошенькая, неистовая в любовных утехах, которым они предавались после полудня в выходявшей на море комнате (не в той ли самой комнате она спит и сейчас?). Рудольф вспомнил, как Джин призналась, что она, которую он до свадьбы считал бедной труженицей, гораздо богаче его, и предложила купить ему яхту... Нет, лучше не вспоминать.

Узнав, что Уэсли чуть не убил человека, Джин окончательно решила, что причина всей трагедии не в ее пьянстве и психической неуравновешенности, а в присущей всем Джордах тяге к насилию.

– Так или иначе, – визжала она, – со мной или без меня, с такими характерами оба они, твой братец и его сын, с самого начала были обречены. Это у них в крови.

Гретхен, вспомнилось ему, сказала почти то же самое, и он из-за этого с ней поругался. Он видел Уэсли в тюрьме. В жилах Уэсли текла кровь не одних только Джордахов. Он вспомнил Терезу – его мать, вечно хмурую, с жестким взглядом и соблазнительной фигурой. Кто знает, от каких сицилийских бандитов унаследовано это зловоние, эта волчья ух-

мылка? Вину, если это и вправду вина, следует разделить по справедливости.

– И про твоего отца-психопата я знаю! – кричала Джин, вспоминая и его запятнанных преступлениями предков-немцев. – Удивительно, как это тебе и твоей любимой сестрице удалось так долго продержаться на этом свете. Кстати, о твоей сестре – как умер ее муж?! Его тоже убили!..

– Он погиб в автомобильной катастрофе, – попытался вставить Рудольф. – Пятьдесят тысяч человек в год...

– Убили, – упорствовала Джин. – Страшно даже подумать, какая жизнь ждет ребенка, у которого такой отец, как ты...

Ее нападки делали Рудольфа беспомощным. Он чувствовал себя уверенно, когда мог рассуждать логически, но отсутствие логики вселяло в него страх, смущало его, обезоруживало. Когда он вышел из комнаты, Джин бросилась лицом вниз на кушетку и, как ребенок, колотя кулаками по подушкам, зарыдала:

– Хочу домой, хочу домой...

Гретхен молчала, но тоже становилась все более и более беспокойной. Ее ждала работа, ей звонил из Нью-Йорка мужчина, красоты Лазурного берега давно утратили для нее свою привлекательность, и Рудольф понимал, что она не уезжает только из добрых чувств. Еще один долг.

Как-то раз, когда они остались одни, она тихо спросила:
– Руди, а тебе не приходило в голову просто выйти из иг-

ры?

– То есть?

– Бросить все. Ведь ты тут ни при чем. Собраться и уехать. А они, так или иначе, и без тебя не пропадут.

– Нет, – рассердился он, – мне это не приходило в голову.

– Восхищаюсь тобой, братец, – сказала Гретхен, но в тоне ее никакого восхищения не слышалось. – Восхищаюсь тобой и удивляюсь.

– Ты ведь тоже, между прочим, можешь уехать.

– Знаю, – отозвалась она. – И вовсе не намерена оставаться здесь до скончания века. А ты, если нужно, наверное, останешься.

– Если нужно. – Его не ждала работа, никто не звонил ему из Нью-Йорка.

– И еще – мне жаль тебя, братец, – добавила Гретхен. – А теперь пойду-ка я лучше к морю, понежусь на солнышке.

Кейт пока не звонила ему из своего отеля, и Рудольф был благодарен ей за это. Но он со страхом ждал минуты, когда придется пойти к ней и рассказать, что следует делать и что это для нее означает.

«Бедный Кролик Дуайер, – думал он, в очередной раз медленно шагая по узким улочкам старого города к конторе адвоката. – Бывший компаньон, бывший партнер – ему ничего не полагается ни по закону, ни по обычаю: дружба и многолетняя совместная работа весят меньше пушинки на весах Фемиды».

Единственное, что поддерживало душевное равновесие Рудольфа, – это два вечера, проведенных в отеле с Жанной. Никаких проблем, никаких железных оков любви или долга – только бездумное наслаждение, позволяющее забыться в полумраке комнаты, снятой на час-другой в чужом городе.

Не из-за этих ли двух необыкновенных вечеров в Ницце он на самом деле готов остаться здесь навсегда? Из-за игры в двойной адюльтер? И не потому ли им восхищаются и его жалеют, что он способен на ложь?

По мере приближения к конторе адвоката поступь его делалась тяжелее, а от яркого солнца он весь взмок.

Контора адвоката помещалась в его собственном доме у крепостного вала, где из двух скромных каменных жилищ, в которых некогда обитали антибские рыбаки, был сооружен великолепный современный особняк; нынешним его хозяевам ни разу не приходилось забрасывать сеть, садиться на весла или бороться со штормом. «Вот пример того, – думал Рудольф, – как вопреки распространенной экономической доктрине не бедность следует за богатством, а наоборот». Во всяком случае, богатые нынче захватывают хорошие участки, случайно доставшиеся беднякам в те далекие времена, когда они были первыми гражданами города, отражали набеги пиратов, вражеский огонь и натиск стихии.

Кабинет адвоката выглядел внушительно: шкафы со сводами законов в переплетах из телячьей кожи, навошенная

элегантная темная мебель восемнадцатого века и широкое окно, смотревшее прямо на море, плещущееся о стены крепостного вала. Адвокат не уступал во внушительности своему кабинету. Это был превосходно одетый пожилой, но еще прямо державший спину лысый человек с большим носом, острым подбородком и грустными глазами. Крупные ухоженные руки были испещрены коричневыми пятнами. «Можно понять его грусть, – думал Рудольф, пожимая руку старика, – если представить себе, через что ему пришлось пройти, прежде чем он стал хозяином этого кабинета».

– У меня для вас весьма важные новости, – сказал адвокат, когда Рудольф уселся напротив него за большим полированным письменным столом. Он говорил по-английски медленно, но правильно. Он провел годы войны в Англии, о чем не преминул сообщить Рудольфу. Голос у него был сочный. – Прежде всего относительно вашей супруги. Ее паспорт у меня. – Он открыл ящик стола, слегка нагнулся, вынул паспорт и толкнул по столу в сторону Рудольфа. – Полиция нашла Дановича, человека, которого им хотелось допросить более подробно. Меня уверили, что допрос был проведен... э-э... с пристрастием. Полиция неоднократно арестовывала Дановича за различные преступления, но, к сожалению, ни разу до суда дело не доходило. Кроме того, его алиби оказалось неопровержимым. Весь день он провел в Лионе у зубного врача. Что подтверждается записью в книге регистрации пациентов.

– И что это значит?

– Это значит, – пожал плечами адвокат, – пока полиция не докажет, что либо зубной врач лжет, либо у Дановича были сообщники, которым он поручил, приказал или с которыми сговорился совершить убийство, арестовать его нельзя. На данный момент улик против него нет. Полиции, разумеется, хотелось бы продолжить допрос, но в настоящее время у них нет оснований для задержания Дановича. Если, конечно... – Он умолк.

– Если что?

– Если ваша супруга не пожелает обвинить его в попытке изнасилования.

Рудольф застонал. Он знал, что Джин ни за что не пойдет на это.

– У моей жены одно желание, – сказал он. – Уехать домой.

– Я ее вполне понимаю, – кивнул адвокат. – И, кроме того, у нее нет свидетелей.

– Единственным свидетелем был мой брат, – сказал Рудольф, – но его уже нет в живых.

– В таком случае, по-моему, вашей супруге лучше как можно скорее уехать домой. Могу представить себе, каким испытанием...

«Нет, не можешь, старина, – подумал Рудольф, – даже на минуту не можешь». Он думал скорее о себе, чем о Джин.

– Кроме того, при обвинении в изнасиловании виновность очень трудно доказуема, – заметил адвокат. – Особенно во

Франции.

– В Америке тоже, – отозвался Рудольф.

– Это одно из тех преступлений, где закон не всегда оказывается на высоте, – улыбнулся старик. Он уже давно привык к несправедливости.

– Она завтра же улетит отсюда, – сказал Рудольф.

– Теперь... – адвокат любовно погладил сверкающую поверхность стола, в которой его белая рука отражалась бледным пятном; с одной проблемой было тактично покончено, – по поводу вашего племянника. – Он искоса взглянул на Рудольфа; вокруг его бесцветных глаз бугрилась желтоватая сморщенная кожа. – Он не отличается общительностью. По крайней мере со мной. И, по правде говоря, с полицией тоже. На допросе отказался объяснить причину своего нападения на человека в баре. Может, он вам что-нибудь сказал? – Снова тот же хитрый стариковский взгляд искоса.

– Мне – нет, – ответил Рудольф. – Кое-что я знаю, но... – Он пожал плечами. – Но на суде это не будет иметь никакого значения.

– Итак, защиты нет. Смягчающие вину обстоятельства отсутствуют. А нападение с применением силы во французском законодательстве рассматривается как весьма серьезное преступление. – Адвокат тяжело дышал. «Либо астма, – подумал Рудольф, – либо таким манером он выражает свою гордость за цивилизацию во Франции, где удар пивной бутылкой считается чрезвычайно серьезным преступлением, в

то время как американцы, по примеру первых поселенцев, до сих пор лупят друг друга чем попало, притом безнаказанно». — К счастью, — продолжал адвокат, отдышавшись, — англичанин вне опасности. Через несколько дней он выйдет из больницы. У него тоже было несколько стычек с местной полицией, потому вряд ли он обратится к правосудию. Кроме того, *juge d'instruction*¹⁴, приняв во внимание возраст юноши и недавно постигшую его утрату, по соображениям гуманности распорядился в течение восьми дней доставить его либо к ближайшей границе, либо в аэропорт. Извините, так говорится по-французски, это значит в течение недели. — Адвокат снова улыбнулся, не чая души в своем родном языке. — Не спрашивайте меня почему. — Он опять погладил стол, Рудольф услышал легкое сухое шуршание. — Если юноша пожелает вернуться во Францию, чтобы продолжить образование, например... — Он негромко засопел в носовой платок, тем самым вежливо давая понять, что, по его мнению, спрос на образование в Америке не так уж велик. — Через год-другой, я уверен, все это забудется, и я помогу ему получить разрешение на въезд.

— Рад слышать, — отозвался Рудольф. — По словам его отца и мистера Дуайера, ему здешняя школа нравилась, и он очень хорошо учился.

— Ему следовало бы продолжать образование в лицее, пока

¹⁴ Судебный следователь (*фр.*).

он по крайней мере не получит *calaure'at*¹⁵. Без этого в наши дни не обойтись.

– Я подумаю об этом. И, конечно, поговорю с мальчиком.

– Превосходно, – сказал старик. – Надеюсь, мой друг, вы согласитесь, что я служил вам верой и правдой и, позволю себе заметить, употребил то небольшое влияние, которым пользуюсь в этой... этой... – он впервые не сумел припомнить английского слова, – в этом *pays*¹⁶, в этом районе побережья, на благое дело.

– Очень вам признателен, мэтр, – поблагодарил его Рудольф. По крайней мере он хоть знает теперь, как полагается обращаться к французскому адвокату. – А как это все будет осуществлено? Каким образом его доставят на границу? – Он нахмурился. – Я спрашиваю потому, что никого из моих знакомых еще никогда не доставляли на границу.

– Пустяки, – отмахнулся старик. Для него это было самое обычное дело. – Если вы ровно через неделю явитесь в аэропорт Ниццы с билетом для юноши, то его привезут туда в сопровождении инспектора полиции, который и поможет посадить его в самолет, отбывающий за границу. Если угодно, в Соединенные Штаты. Поскольку инспектор будет в штатском, то никакого любопытства это не вызовет – его примут за дядю или за друга семьи, который пришел прово-

¹⁵ Степень бакалавра (*фр.*).

¹⁶ Крае (*фр.*).

дить мальчика и пожелать ему bon voyage¹⁷.

– Мальчику сказали об этом? – спросил Рудольф.

– Я лично поставил его в известность сегодня утром, – ответил адвокат.

– Что он сказал?

– Как всегда, ничего.

– Он выглядел довольным или огорченным? – допытывался Рудольф.

– Ни довольным, ни огорченным.

– Понятно.

– Я взял на себя смелость поинтересоваться расписанием американских авиакомпаний, которые обслуживают Ниццу. Самым удобным, по-моему, был бы самолет, вылетающий в десять тридцать утра.

– Я буду в аэропорту, – сказал Рудольф. Он взял паспорт Джин и положил его в карман.

– Я должен сделать вам комплимент, мсье Джордах, – добавил старик. – Я восхищен тем, как спокойно, по-джентльменски уравновешенно вы держались во время этих ужасных событий.

– Благодарю вас. – «Стоит мне выйти из его красивого кабинета, – думал Рудольф, – как я утрачу все свое спокойствие и сразу перестану быть по-джентльменски уравновешенным». Он начал подниматься и вдруг почувствовал, что у него кружится голова и он вот-вот потеряет сознание. Что-

¹⁷ Счастливого пути (*фр.*).

бы не упасть, ему пришлось опереться рукой о стол.

– Чересчур плотный обед? – удивленно посмотрел на него старик.

– Я еще не обедал. – Он не обедал уже семь дней.

– За здоровьем нужно следить, – сказал старик, – особенно за границей.

– Дать вам мой адрес в Соединенных Штатах, – спросил Рудольф, – чтобы вы могли прислать мне счет за оказанные услуги?

– В этом нет необходимости, мсье, – спокойно ответил старик. – Мой клерк уже все сделал, счет ждет вас в приемной. И не утруждайте себя возней с франками. Меня устроят и доллары, если вы будете любезны переслать чек в женеvский банк, адрес которого указан в счете.

Старый адвокат, чья внешность внушала почтение, а профессиональные качества заставляли снять перед ним шляпу, владелец кабинета с мебелью восемнадцатого века и видом на море, а также не подлежащего обложению налогом счета в швейцарском банке, медленно, помня о своих преклонных годах, поднялся с места, пожал Рудольфу руку и проводил его до дверей со словами:

– Enfin¹⁸ позвольте мне еще раз выразить соболезнование вам лично и вашей семье. Я надеюсь, что все случившееся не помешает вам в будущем вновь посетить этот прекрасный уголок земного шара.

¹⁸ И в заключение (*фр.*).

«Начнем с самого главного», — думал Рудольф. Он вышел из конторы адвоката и зашагал к порту. Путь его лежал вдоль крепостного вала, мимо музея Гримальди с картинами Пикассо. Прежде всего надо покончить с дурными новостями, то есть повидать Дуайера и Кейт. Он обязан рассказать им о вчерашней беседе с Хитом. Хорошо бы сразу обоим, чтобы не было никаких недоразумений, никаких подозрений в тайном сговоре. А потом он пойдет к Джин и Гретхен с хорошими новостями, объявит им, что они могут ехать домой. Перспектива встречи со всеми этими людьми его не радовала. Потом придется еще раз побывать в тюрьме — следует решить, где, как и с кем Уэсли будет жить в Америке. Эта беседа — самая трудная. Хорошо бы мальчишка побрился. И принял душ.

Рудольф остановился и посмотрел на море. На другой стороне залива Ангелов лежала Ницца. Залив Ангелов. Французы не очень-то раздумывают при выборе названий. Например, Антиб. Греческие поселенцы назвали его Антиполис, то есть «Напротив города». Какого города? До Афин нужно было плыть тысячу миль на галере. Может, греки скучали по дому? Он сам ни по какому дому не скучал. Счастливые греки! Какие были тогда законы? Что, по мнению тогдашних неподкупных судей, было бы справедливым наказанием мальчишке, который в таверне ударил человека по голове пивной бутылкой?

Вокруг него даже на узкой, выложенной камнем доро-

ге, идущей вдоль крепостного вала, бурлило движение. Когда-то Антиб был сонным, позабытым Богом и людьми городишком, теперь же стал прибежищем фаворитов или жертв двадцатого века, убежавших от зимы в теплые края, чтобы жить здесь и работать, а не только играть в рулетку. Цветы и легкая промышленность. Он сам был человеком севера, но не отказался бы провести несколько лет на юге. Не случилось то, что случилось, он мог бы уютно здесь устроиться и жить тихо и незаметно, с облегчением, как это делают некоторые, удалившись от дел в неполные сорок лет. Элементарное знание французского языка у него есть – с Жанной-то он разговаривает, мог бы еще подзаняться, научился бы читать Виктора Гюго, Жида, Кокто, новых писателей, стоящих того, чтобы их читали, ездил бы в Париж в театры. Мечты. Он может жить в любом месте, но только не в этом прекрасном уголке, где все будет напоминать о случившемся.

Он снова зашагал вдоль крепостного вала по направлению к порту. Он попросит Дуайера найти Кейт, и они посидят в кафе, потому что Кейт сказала, что больше не хочет видеть «Клотильду». Может, конечно, теперь она передумала, ибо не отличалась сентиментальностью, но уж он-то, во всяком случае, ее принуждать не будет.

Как раз у входа в порт было небольшое кафе для моряков. За крошечным столиком на террасе сидели Дуайер и спиной к Рудольфу какая-то женщина. Он окликнул Дуайера, женщина повернулась, и он узнал Кейт. Она похудела, а может,

так кажется из-за черного платья. Ореховый загар ее поблек, волосы причесаны небрежно. Он почувствовал приступ гнева или чего-то похожего. Знает же, что он изо всех сил старается ей помочь, и даже не потрудились известить его, где живет, а теперь сидит с Дуайером на солнышке – точно муж с женой обсуждают свои дела. Она встала, чтобы поздороваться, и Рудольф смутился.

– Можно присесть к вам на минутку? – спросил он. Разные бывают минутки.

Дуайер молча придвинул стул от соседнего столика. Он был, как всегда, в белом свитере с короткими рукавами и названием яхты на груди, на загорелых руках боксера легчайшего веса играли мускулы. Траур был у него в душе.

– Что будете пить? – спросил Дуайер.

– А вы что пьете?

– Пастис.

– Нет, это не для меня, – отказался Рудольф. – Можно мне рюмку коньяку?

Дуайер пошел в кафе за коньяком. Рудольф посмотрел на Кейт. Она сидела напротив него неподвижно, с бесстрастным лицом. «Словно мексиканская крестьянка, – подумал Рудольф, – которая, покончив с делами, присела на солнце у стены хижины в ожидании возвращения мужа с поля». Кейт опустила глаза, не хотела смотреть на него, окружила свои несложные мысли глинобитной стеной. Он ощутил ее неприязнь. Не был ли прощальный поцелуй перед ее уходом

с «Клотильды» лишь насмешкой? Или он был искренним, от всего сердца, и потом она об этом пожалела?

– Как Уэсли? – спросила она, по-прежнему не поднимая взгляда. – Кролик мне обо всем рассказал.

– Ничего. Ему разрешили через неделю покинуть Францию. Скорей всего он вернется в Штаты.

Она кивнула:

– Так я и думала. – Голос ее был тихим и безучастным. – Для него это лучше. Нечего ему здесь болтаться.

– Напрасно он затеял эту драку, – заметил Рудольф. – Такая глупость! Не понимаю, что на него нашло.

– Может, он прощался с отцом, – предположила Кейт.

Рудольфу стало стыдно за свои слова, и он промолчал.

Он чувствовал себя так, как в тот день, когда, выйдя из консульства, плакал прямо на улице. Не мокрые ли у него щеки и сейчас?

– Вы знаете его лучше меня, – наконец отозвался он и решил переменить тему. – А вы-то сами как? – спросил он, стараясь говорить с участием.

Она сердито хмыкнула.

– Неплохо, насколько это возможно, – ответила она. – Кролик составляет мне компанию.

«Может, им пожениться? – подумал Рудольф. – Они люди одного толка. Прошли одну и ту же суровую школу. Составляют друг другу компанию, как она выразилась».

– А я надеялся, что вы позвоните, – солгал он.

Она подняла глаза, посмотрела на него.

– Я знала, где вас разыскать, – ровным тоном сказала она, – если б хотела с вами попрощаться.

Кролик принес коньяк и еще два пастиса. Рудольф смотрел, как они подливают в рюмки воду и пастис становится желтовато-молочным.

– Выпьем за... – Рудольф машинально поднял рюмку. За-молчал, неуверенно рассмеялся. – Нет, пожалуй, не за что. – Коньяк оказался крепким, и Рудольф чуть ойкнул, почувствовав, как ему обожгло горло. – Есть новости, о которых, мне представляется, вам следует знать... – «Перестань говорить так, будто выступаешь перед членами правления», – укорил он себя. – Хорошо, что я застал вас обоих вместе... – И постарался как можно доступнее объяснить значение того, что сказал ему Хит. Они слушали вежливо, но равнодушно. Он чуть не закричал: «Неужели вас не интересует ваше собственное будущее?»

– Мне не хочется быть этим, как его... – тихо сказала Кейт.

– Администратором наследства. – Хит предупредил его, что выбор судьи падет, по-видимому, именно на нее.

– Администратором наследства, – повторила Кейт. – Я в этом ничего не понимаю. И, кроме того, я собираюсь вернуться в Англию. В Бат. Там у меня мама, я смогу получить на ребенка пособие, а когда устроюсь на работу, мама будет его нянчить.

– На какую работу? – спросил Рудольф.

– Я была официанткой в ресторане, пока не откликнулась на зов моря, – усмехнулась Кейт. – Официантки всегда нужны.

– Когда дела покойного будут улажены, – заметил Рудольф, – останутся деньги. Вам не обязательно работать.

– А что мне тогда делать? – спросила Кейт. – Весь день смотреть телевизор? Нет, я не умею зря копить небо. – Тон ее был вызывающим, она явно намекала, что считает и его самого, и его женщин такими небокопителями. – А если останутся кое-какие деньги – не думаю, что много, после всех этих адвокатов и прочих, – я отложу их на образование ребенка. Получит образование, так ей, если будет девочка, может, не придется, как ее мамаше, прислуживать за столом или гладить дамам платья в судовой прачечной.

Спорить с ней было бесполезно.

– Если вам что-нибудь понадобится, – уже ни на что не надеясь, предложил он, – пожалуйста, дайте мне знать.

– Мне ничего не понадобится, – сказала она, снова опустив глаза и вертя в руках рюмку.

– Как знать, – отозвался Рудольф. – Вдруг вам захочется побывать в Америке?

– Меня Америка не интересует, – упорствовала она. – В Америке надо мной будут смеяться.

– А повидаться с Уэсли?

– Пожалуй, – согласилась она. – Но если ему захочется

меня видеть, из Америки в Лондон каждый день летают самолеты.

– Тем не менее, – продолжал Рудольф, стараясь, чтобы в его голосе не было слышно умоляющих ноток, – пока наследственные дела не закончены, вам наверняка понадобятся деньги.

– Нет, – отрезала Кейт. – У меня есть сбережения. Я заставляла Тома платить мне жалованье, как и прежде, хотя мы уже спали в одной постели и решили пожениться. Я ему говорила: любовь – это одно, а работа – другое. – После этой гордой декларации своего понимания жизни она наконец подняла рюмку и сделала несколько глотков.

– Как угодно. – Рудольф не мог скрыть раздражения. – Вы так говорите, будто я ваш злейший враг.

Она уставилась на него пустыми глазами мексиканской крестьянки.

– Разве я сказала вам что-нибудь такое, из чего можно заключить, что я считаю вас своим врагом? Вот Кролик не даст соврать.

– Я, по правде говоря, не очень-то прислушивался, – смущенно отозвался Дуайер. – И ничего сказать не могу.

– А вам? – Рудольф повернулся к нему. – Вам тоже не нужны деньги?

– Я всегда умел экономить, – ответил Дуайер. – Том часто дразнил меня жмотом и сквалыгой. Спасибо, но деньги у меня есть.

Потерпев полное поражение, Рудольф допил коньяк.

– Дайте мне хоть свои адреса, – попросил он. – Чтобы я мог поддерживать с вами контакт.

– Оставьте здесь, в порту, адрес Уэсли, – сказала Кейт. – Я буду сюда писать время от времени, и ему перешлют открытку. Должна же я сообщить ему – брат у него или сестра.

– Я еще не знаю, где будет Уэсли, – сказал Рудольф. Он охрип. У него саднило в горле от коньяка и от усилий, которые пришлось приложить для беседы с этими упрямыми. – Пишите на мой адрес, а я постараюсь передать письмо ему.

Кейт долго смотрела на него, потом снова поднесла рюмку ко рту и сделала несколько глотков.

– Мне бы не хотелось, чтобы ваша жена читала мои письма, – заявила она, ставя рюмку на стол.

– Моя жена не вскрывает адресованных мне писем, – ответил Рудольф. Он уже с трудом сдерживался.

– Слава Богу, хоть на это у нее хватает порядочности, – отозвалась Кейт, и в глазах у нее зажегся зловещий огонек. Или ему показалось?

– Я пытаюсь лишь помочь, – устало сказал Рудольф. – Я чувствую себя обязанным... – Он замолчал, но было уже поздно.

– Очень вам признательна, – ответила Кейт, – но мне вы ничем не обязаны.

– Пожалуй, не стоит говорить об этом, мистер... Руди, – вмешался Дуайер.

– Ладно, не будем. Я пробуду в Антибе еще по меньшей мере неделю. Когда вы возвращаетесь в Англию, Кейт?

Кейт разгладила платье на коленях.

– Как только соберу вещи.

Рудольфу вспомнился ее единственный потрепанный чемодан из искусственной кожи, который вынес с «Клотильды» Уэсли. Чтобы собрать вещи, ей, наверное, требуется минут пятнадцать, не более.

– Сколько, по-вашему, это займет времени? – терпеливо переспросил Рудольф.

– Трудно сказать, – ответила Кейт. – Неделю. Две. Мне нужно кое с кем попрощаться.

– Но у меня по крайней мере должен быть ваш адрес, – не сдавался Рудольф. – Вдруг понадобится подписать у нотариуса какую-нибудь бумагу...

– Кролик знает, где я живу, – ответила она.

– Кейт, – тихо сказал Рудольф, – я хочу быть вашим другом.

– Дайте мне время, – кивнув, сурово отозвалась она. Тогда, в кают-компании «Клотильды», она просто ничего не чувствовала, а потому и поцеловала его на прощание. За эту неделю она озлобилась. Но разве она виновата?

– А вы? – повернулся Рудольф к Дуайеру. – Сколько вы пробудете в Антибе?

– Вам это лучше знать, Руди, – ответил Дуайер. – Я буду на «Клотильде», пока меня не прогонят. На днях привезут

новый вал и новый винт, потом ей придется постоять в доке дня три самое меньшее, если, конечно, к тому времени выплатят страховку... Знаете что: если хотите сделать доброе дело, помогите получить страховку, а? На них надо нажать, иначе они будут тянуть без конца. А вы лучше меня умеете с ними разговаривать. Поэтому, если...

– Идите вы к черту с вашей страховкой, – не выдержал наконец Рудольф. – Сами ею занимайтесь.

– Не к чему кричать на Кролика, – спокойно заметила Кейт. – Он просто хочет привести судно в порядок, чтобы, когда будете продавать, оно не казалось трухлявой посудинной.

– Извините, – сказал Рудольф. – У меня за это время было столько всего...

– Конечно, конечно, – согласилась Кейт. По тону не поймешь, всерьез она говорит или иронизирует.

– Мне пора в отель. – Рудольф встал. – Сколько я должен?

– Да что вы, что вы? – заспешил Дуайер. – Я заплачу.

– Буду держать вас в курсе дела, – пообещал Рудольф.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил Дуайер. – Мне бы хотелось повидаться с Уэсли перед отъездом.

– Тогда вам придется приехать в аэропорт, – сказал Рудольф. – Его привезут туда прямо из тюрьмы. В сопровождении полицейского.

– Французские полицейские! – усмехнулся Дуайер. – Из их рук нелегко выбраться. Передайте Уэсли, что я буду в

аэропорту.

– Всего вам хорошего, – попрощался Рудольф. – Будьте здоровы.

Они ничего не ответили, сидели молча – рюмки стояли на столе, – теперь уже в тени, потому что солнце, уходя на запад, скрылось за зданием на другой стороне улицы. Рудольф помахал им рукой и зашагал к туристическому агентству, чтобы купить три билета на завтрашний рейс.

Муж с женой – им и вправду следовало бы пожениться. «Что со мной такое? – с горечью размышлял он, проходя мимо антикварных магазинов, сырных лавок и газетных киосков. – Откуда у меня такая уверенность, что я могу обо всех заботиться? Решительно обо всех. Я похож на глупую гончую на собачьих бегах. Как только я чувую ответственность – мою, не мою, любого человека, – я начинаю гнаться за ней, как собака гонится за механическим зайцем, даже если заранее знает, что не может его поймать. Какой болезнью я заразился еще в молодости? Суетностью? Тщеславием? Боязнью не понравиться окружающим? Это что, вместо религии? Хорошо, что мне не пришлось участвовать в войне: меня убили бы в первый же день собственные солдаты, застрелили бы за то, что помешал им отступить или вызвался пойти за боеприпасами для попавшего в засаду орудия. В следующем году, – наказал он себе, – надо будет научиться посылать всех и каждого подальше».

Глава 6

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Моника меня сегодня сбила с толку. Она проверяла текст речи, которую переводила с французского на английский, и вдруг, подняв глаза, сказала: «Я только что заметила, что и в английском, и во французском языке, да и в большинстве других тоже, глаголы «иметь», «быть», «идти» и «умереть» все неправильные. Из них лишь глагол «умереть» спрягается более или менее по правилам. А это значит, что человечество чувствует себя неуверенно в самых своих основных действиях: существовании, обладании, движении, смерти. Что оно пытается отказаться, избавиться, уйти от наиболее активной деятельности. А вот глагол «убивать» — правильный глагол. Тут все ясно и определено. Как, по-твоему, есть в этом смысл?»

Я сказал: «Хорошо, что я не переводчик». Но ее мысль меня заставила задуматься, и я полночи не спал, размышляя о себе и о своем отношении к языкам.

Вернувшись в отель, Рудольф застал Гретхен в баре. Она пила коктейль и беседовала с молодым человеком в теннисном костюме. «В последние дни она довольно много пьет,

что для нее вовсе не характерно, и заговаривает с первыми попавшимися мужчинами, что, – с усмешкой подумал Рудольф, – для нее весьма характерно». Действительно ли он слышал ночью за дверью тихие шаги в сторону ее номера? Но, вспомнив Ниццу, он подумал, что вряд ли имеет право упрекать ее. Собственно, а почему бы ей и не искать развлечений, если они помогают избавиться от одиночества?

– Позвольте представить вам моего брата Рудольфа Джордаха, – сказала она, когда Рудольф подошел к столику, за которым они сидели. – Бэзил... Я забыла вашу фамилию, милый.

«Наверное, выпила уже не меньше трех коктейлей, – подумал Рудольф, – если называет «милым» человека, чью фамилию не в силах вспомнить».

Молодой человек встал. Он был высокий, стройный, похожий на актера, с крашеными волосами, довольно смазливый.

– Берлинг, – чуть поклонившись, отрекомендовался молодой человек. – Ваша сестра рассказывала мне о вас.

«Берлинг, Бэзил Берлинг, – думал Рудольф, кивнув в ответ. – Кто этот Бэзил Берлинг? Англичанин, вероятно, судя по произношению».

– Не присядете ли с нами? – спросил Бэзил Берлинг.

– Только на минуту, – не слишком любезно отозвался Рудольф. – Нам с сестрой нужно кое-что обсудить.

– Мой брат – большой любитель обсуждений, – вставила

Гретхен. – Не вздумайте с ним что-либо обсуждать.

«Нет, не три, а четыре коктейля», – решил Рудольф.

Подошел официант.

– Что вы будете пить, сэр? – почтительно спросил Бэзил Берлинг, член английского профсоюза актеров; он, несомненно, много работал над речью, понимая, что окончил посредственную школу.

– То же, что и вы, – ответил Рудольф.

– Три раза то же самое, – сказал Бэзил Берлинг официанту.

– Он хочет меня споить, – пожаловалась Гретхен.

– Вижу.

– Рудольф – главный трезвенник в нашей семье, – скорчила гримасу Гретхен.

– Кому-то ведь надо им быть.

– О Господи, сейчас начнется, – вздохнула Гретхен. – Бэзил... Как, вы сказали, ваша фамилия, милый?..

«Она больше притворяется, – подумал Рудольф. – Чтобы позлить меня. Я сегодня у всех на прицеле».

– Берлинг, – так же почтительно повторил молодой человек.

– Мистер Берлинг – актер, – сказала Гретхен. – Подумать только, какое совпадение, – полунаивно-полупьяно восхищалась она, – совершенно случайно встретились здесь, в баре, на краю света, и выясняется, что мы оба работаем в кино, а? – Передразнивая молодого человека, она старалась гово-

ритель на английский манер, но он, по-видимому, и не думал обижаться.

– Нет, серьезно? – В голосе англичанина звучало удивление. – В самом деле? Как же я сам не догадался.

– Ну, не комплимент ли это! – Гретхен игриво дотронулась до руки Рудольфа, словно забыв, что он ее брат. – Я должна открыть вам страшную тайну, – улыбнулась она Бэзилу Берлингу и сделала очередной глоток. – Я не кинозвезда.

– Не может быть! – с наигранным удивлением воскликнул Берлинг.

«Пора от него отделаться, – подумал Рудольф, – не то придется просить помощи у швейцара».

– Да, – продолжала Гретхен, – я за кадром. Я из девочек с трауром под ногтями. По уши в ацетатной пленке. Я занимаюсь монтажом. Вот моя тайна и открыта. Я обычный скромный монтажер.

– Вы делаете честь своей профессии, – сказал Бэзил Берлинг.

«Избави Бог оказаться свидетелем чужого ухаживания», – подумал Рудольф, когда Гретхен сказала: «Вы очень любезны» – и погладила Берлинга по руке. Любопытно, как она ведет себя в постели, много ли у нее было мужчин и сколько сейчас. Если спросить, она скажет.

– Гретхен, – обратился к ней Рудольф, когда она, склонив голову, уж слишком нежно смотрела на актера. – Я должен

подняться наверх и сказать Джин, что она может собираться. Ее паспорт у меня, она, наверное, захочет улететь завтра же. Но сначала мне нужно поговорить с тобой.

Гретхен скорчила гримасу. Рудольф чуть не дал ей пощечину. После всех сегодняшних событий он еле сдерживался.

– Допейте, милый, – сказала Гретхен Берлингу. – Мой брат – человек деловой, пчелка, трудолюбиво перелетающая с цветка на цветок.

– Разумеется. – Актер встал. – Надо, пожалуй, переодеться. Я сыграл три партии в теннис, и не миновать мне простуды, если я не переоденусь.

– Спасибо за угощение, – поблагодарила его Гретхен.

– Да что вы, что вы!

Дуайер тоже сказал: «Да что вы!» – вспомнил Рудольф. «Все сегодня чересчур вежливы, – кисло подумал он. – Кроме меня».

– Вечером увидимся, Гретхен? За ужином? – спросил Берлинг. «Высокий, но ноги тонкие и жилистые, – заметил Рудольф. – Я лучше выгляжу в теннисных шортах», – мстительно подумал он.

– Наверное, – ответила Гретхен.

– Рад был познакомиться с вами, сэр, – обратился Берлинг к Рудольфу.

Рудольф пробурчал что-то в ответ. Раз его называют «сэром», словно он уже стоит на краю могилы, то можно позволить себе быть раздражительным, как и положено в таком

возрасте.

Брат и сестра смотрели вслед актеру, ступавшему по паркету пружинистым, энергичным шагом.

– Господи, Гретхен, – взмолился Рудольф, когда актер скрылся из виду, – и где ты только их находишь?

– В это время года не очень-то приходится выбирать, – сказала Гретхен. – Хватаешь, что подворачивается под руку. А какую неприятность ты так торопился мне сообщить? – Рудольф видел, что она вовсе не пьяна.

– Насчет Инид, – ответил он. – Мне хотелось бы, чтобы ты полетела завтра вместе с Джин и Инид и приглядела за ней. Или скорей за ними обеими.

– О Господи, – простонала Гретхен.

– Я не могу доверить Джин мою дочь, – угрюмо продолжал Рудольф.

– А ты сам не летишь?

– Нет. У меня еще масса дел. И когда вы прилетите в Нью-Йорк, поживи с ними в моей квартире. Миссис Джонсон в Сент-Луисе, ее не будет еще с неделю.

– Господи помилуй, Руди, – взмолилась Гретхен, – я уже не в том возрасте, чтобы ходить в няньках.

– После всего, что я для тебя сделал... – рассердился Рудольф.

Гретхен откинула голову и закрыла глаза, чтобы удержаться от грубости.

– Незачем ежедневно напоминать мне, что ты для меня

сделал, — не открывая глаз, процедила она.

— Ежедневно? — уцепился за ее слова Рудольф. — Когда я тебе это говорил в последний раз?

— Не обязательно вслух, дорогой братец. — Она открыла глаза и выпрямилась. — Ладно, не будем спорить. — Она встала. — Считай, что няньку ты нанял. Во всяком случае, я рада вернуться туда, где убийства бывают только в газетах, а не в лоне собственной семьи. Когда летит самолет?

— В одиннадцать тридцать. Твой билет у меня.

— Ты все продумал, да?

— Да. Все.

— Что бы я без тебя делала, братец? — сказала Гретхен. — Ладно, пойду собираться. — Она улыбнулась, но он заметил, что улыбка далась ей нелегко. — Мир?

— Мир, — ответил он.

По пути к лифту он остановился возле портье взять ключ.

— Пока вас не было, мистер Джордах, — сказал портье, — заходила дама и оставила для вас письмо.

Он протянул Рудольфу ключ и конверт. На конверте женским почерком, который показался ему знакомым, была написана только его фамилия. В лифте он разорвал конверт и вынул из него листок бумаги.

Письмо было от Жанны.

Милый мой американец!

Пожалуйста, не звони мне. Ты, наверное, понимаешь по-

чему. Я сама позвоню тебе, как только смогу. Через неделю, а то и две. Может случиться так, что в Париже навсегда откажутся от войны. Надеюсь, что ты проводишь время в Антибе весело и не спешишь с отъездом. Я очень скучаю без тебя. Если захочешь мне написать, пиши до востребования на Главный почтамт Ниццы. Надеюсь, что в письме нет ошибок. Будь осторожен за рулем.

Жанна.

Он смял письмо, сунул его в карман, вышел из лифта, подошел к двери номера и, приняв достойный вид, вставил ключ в замочную скважину.

Джин стояла у окна и смотрела на море. Когда он вошел, она не повернулась. Ее юная и стройная фигура в полотняном летнем платье, заключенная в рамку открытого окна, темным силуэтом вырисовывалась на фоне вечернего неба. Она напомнила ему девушек из колледжа, которые танцевали на университетских балах, где он, чтобы подработать, играл в оркестре на трубе. Стоя в дверях и видя эту иллюзию незащищенной молодости, он вдруг почувствовал непрощенный, ненужный прилив жалости.

– Добрый вечер, Джин, – сказал он и шагнул к ней.

Она медленно повернулась. Он заметил, что ее мягкие, до плеч, волосы уложены, лицо подкрашено. Пожилая женщина, какой она когда-нибудь станет, исчезла.

– Добрый вечер, – печально ответила она. Голос ее тоже стал обычным; впрочем, нет – обычно он был хриплым от

алкоголя, злости или самобичевания.

– Вот, пожалуйста. – Он протянул ей паспорт. – Сегодня его вернули адвокату.

– Спасибо, – сказала она.

– Я взял билеты на завтрашний самолет. Можешь лететь домой.

– Спасибо, – снова поблагодарила она. – А ты?

– Я пробуду здесь еще самое меньшее неделю.

Она кивнула, открыла паспорт, посмотрела на свою фотографию и, грустно покачав головой, бросила паспорт на стол.

– Самое меньшее неделю... – повторила Джин. – Ты, наверное, устал.

– Ничего.

Он опустился в кресло. Только сейчас он почувствовал настоящую усталость. Спал он плохо, среди ночи его будили плохие сны.

– Как Инид? – спросил он.

– Ничего, – ответила Джин. – Я возила ее сегодня в Жуан-ле-Пэн и купила ей детскую тельняшку. Она в ней очаровательна и не отходит от зеркала. Она сейчас ужинает вместе с няней.

– Я попозже зайду пожелать ей спокойной ночи, – сказал он. Он расстегнул воротничок, распустил галстук. – Гретхен полетит вместе с вами, – добавил он.

– Это вовсе не обязательно, – отозвалась Джин, но без тени неудовольствия. – Она, наверное, предпочла бы задер-

жаться. Погода превосходная, и я видела, что ее провожал с пляжа красивый молодой человек.

– Ей нужно побыстрее в Нью-Йорк, – сказал он. – Я попросил ее пожить с тобой и Инид, пока миссис Джонсон не вернется из Сент-Луиса.

– Ей будет с нами тоскливо, – возразила Джин. – Я могу и сама присмотреть за Инид. Мне все равно нечего делать. – И снова спокойно, без тени неудовольствия или вызова.

– По-моему, лучше, если рядом будет Гретхен, – осторожно сказал он.

– Как хочешь. Хотя ты знаешь, неделю я могу не пить.

– Знаю, – подтвердил он. – Но, как говорится, береженого Бог бережет.

– Я тут думала о нас, – снова спокойно, без враждебности сказала она. – О том, через что нам пришлось пройти.

– Почему бы не забыть о том, через что нам пришлось пройти? – спросил Рудольф. У него не было настроения выслушивать подготовленные заранее речи.

– Я думала о нас, – ровно, без враждебности повторила она. – Ради твоего блага и ради блага Инид мы должны развестись.

«Наконец-то», – подумал он. Хорошо, что не он первым произнес это слово.

– Почему бы нам не повременить с этим разговором? – ласково спросил он.

– Как хочешь. От меня тебе толку мало. Да и ей тоже. Я

тебе больше не нужна... — Джин подняла руку, хотя он вовсе не собирался перебивать ее. — Ты уже целый год не заходил ко мне в спальню. А здесь у тебя кто-то есть, я знаю. Пожалуйста, не отрицай.

— Я и не собираюсь, — сказал он.

— Ты ни капельки не виноват, милый, — сказала она. — Я уже много лет мешаю тебе. Другой бы на твоём месте давным-давно бросил меня. И никто бы его не осудил. — Она криво улыбнулась.

— Может, нам подождать, пока мы не вернемся домой, в Америку... — начал он, хотя чувствовал, что тяжкий груз сваливается у него с плеч.

— Я предпочитаю поговорить сегодня, — возразила она, впрочем, не слишком настойчиво. — Я весь день думала о нас, больше недели я не брала в рот ни капли спиртного, и в таком здравом уме и твердой памяти, как сейчас, я, наверное, никогда больше не буду. Неужели тебе не интересно узнать, о чем я думаю?

— Мне не хотелось бы, чтобы ты потом жалела о сказанном.

— Жалела! — Она неловко взмахнула рукой, словно отгоняя осу. — Я всегда жалею о сказанном. И почти всегда о сделанном. Послушай внимательно, милый. Я алкоголичка. Я себя ненавижу, но я алкоголичка и такой останусь навсегда. Вылечиться от этого невозможно.

— До сих пор мы не очень старались, — сказал он. — В тех

заведениях, где ты была, по-видимому, недостаточно внимательно к тебе подошли. Существуют другие клиники, в которых...

– Можешь отправить меня в любую клинику в Америке, – сказала она. – Пусть любой психиатр копается в моих снах. Пусть мне дают антабус, от которого меня рвет до изнеможения. Все равно я буду пить. И орать на тебя, как мегера, и позорить тебя... Помнишь, как я это делала, и не раз... Буду просить прощения и снова делать то же самое, буду садиться за руль пьяная и подвергать опасности жизнь моей дочери, буду, ничего не помня, искать новую бутылку, и так до тех пор, пока не умру в один прекрасный день. Хорошо бы он наступил поскорее, потому что у меня не хватает духу закончить с собой, и за это я тоже ненавижу себя...

– Прошу тебя, Джин, не говори так, – сказал Рудольф. Он встал и подошел к ней, но она отступила, словно боясь его прикосновения.

– Сейчас я не пьяная, – сказала она, – я не пила уже больше недели, поэтому давай воспользуемся этим прекрасным, неожиданным моментом, посмотрим на вещи трезво и сделаем трезвые, на удивление всему свету, выводы. Я уеду куда-нибудь подальше, с глаз долой, например в Мексику. Достаточно далеко, а? В Испанию? Знаешь, я ведь говорю по-испански. В Швейцарию? Там, мне сказали, есть необыкновенные больницы, где за два-три месяца добиваются отличных результатов.

– Хорошо, – согласился он. – Уезжай периодически на два-три месяца. Независимо от того, разведемся мы или нет.

– И не будем делать вид, что я в состоянии работать. – Ничто не могло остановить этот монотонный голос – голос человека, одержимого навязчивой идеей. – Правда, благодаря покойному папочке я могу жить, ни в чем себе не отказывая, даже расточительно. Только помоги мне перевести капитал на имя Инид и оформить опеку, потому что вдруг я буду пьяная, а мне повстречается какой-нибудь красавчик итальянец, который захочет хитростью выманить у меня все мое состояние. А чтобы ты не терзался из-за того, что пренебрег мною и отпустил одну бродить по этому темному и опасному миру, я найму какую-нибудь славную, полную сил молодую женщину, которая составит мне компанию и будет рядом, когда я напьюсь до бесчувствия... Или найдет мне, когда нужно, мужчину.

– Замолчи! Хватит! – перебил он.

– Не сердись, милый мой пуританин, – засмеялась она. – Истина в том, мой дорогой, что я устала бороться. Даже солдаты армии конфедератов и те в конце концов сдались. Я не способна больше маневрировать. Дошла до своего Аппоматокса. Как видишь, кое-что я еще помню. Я в отчаянии. Я больше не могу сражаться. Не могу бороться с тобой, с алкоголем, с чувством вины и с нашим браком, что бы это слово ни значило сейчас для нас обоих. Время от времени, когда я буду в нормальном состоянии, я буду появляться в со-

провождении моей компаньонки и навещать Инид. Тебе не обязательно при этом присутствовать. Сегодня, пожалуйста, ничего не говори, но утром, когда будешь сажать меня в самолет, помни, что я предложила, и восхищайся моим самоотречением. Соглашайся, пока я не передумала, не то я всю жизнь буду висеть камнем у тебя на шее.

– Послушай, – начал он, – когда ты уедешь отсюда, вырвешься из этой мрачной атмосферы, ты...

– Между нами говоря, мы и твою жизнь вконец испоганили, – продолжала она. – А ты ведь не молодеешь. Ты не должен сидеть перед камином и глядеть в огонь еще пятьдесят лет, ты должен действовать. Скажи сегодняшнему дню спасибо. Хватайся за мое предложение. Неизвестно, долго ли оно останется в силе. А сейчас я знаю: у тебя был длинный и трудный день, ты хочешь побриться, принять горячий душ, переодеться, выпить martini и поужинать. Пока ты будешь мыться, я закажу тебе martini. Не бойся, до приезда в Нью-Йорк я и капли в рот не возьму. У меня бывают приливы сверхчеловеческой силы воли. А потом, пожалуйста, пригласи меня поужинать. Мы будем вдвоем, только ты и я, и будем говорить о разных вещах, например, о том, как тебе жить дальше, где должна учиться Инид, на какой женщине тебе в конце концов следует жениться и с кем ты спишь здесь, на Лазурном берегу. А когда уже станет поздно и мы оба устанем, мы вернемся в наш прекрасный, безумно дорогой номер в отеле, и ты позволишь мне лечь с тобой в твою

постель, потому что завтра я улетаю в Америку, а ты, пока погода не испортилась, останешься здесь распутывать те узлы, что я навязала.

Он встал, подошел к ней и обнял. Ее била дрожь. Лицо у нее пылало, она горела как в лихорадке.

– Извини меня, – прошептала она и, уткнувшись лицом ему в грудь, обхватила его руками. – Мне, наверное, следовало сказать все это давным-давно... может, еще до нашей свадьбы, только, по-моему, я тогда была совсем другая.

– Тсс, – беспомощно прошептал он. – Вот приедешь домой, и все представится тебе в ином свете.

– Когда я приеду домой, – ответила она, – изменится только то, что я стану на день старше. – Она высвободилась из его рук и с трудом улыбнулась. – Отчего никак нельзя испытывать большую радость. А теперь иди под душ. Когда ты выйдешь, я несколько утрачу свое красноречие, зато на столе, напоминая тебе о том, что не все потеряно, будет стоять martini. Я составлю тебе компанию, но буду пить только кока-колу.

Под душем он позволил себе заплакать. В какой-то момент их совместной жизни ее, по-видимому, еще можно было спасти. Но он был слишком занят, слишком озабочен другими делами, чтобы уловить этот момент и прийти ей на помощь, когда путь к спасению еще оставался открытым.

Почему-то никак не удавалось отрегулировать воду. Она получалась то чересчур горячей, то ледяной.

Он вылез, растерся мохнатым полотенцем, глядя на себя в большое зеркало и стыдясь своего сильного, мускулистого тела, виновного в нарушении супружеской верности.

Он медленно оделся. Прикосновение дорогой, превосходно сшитой одежды было ему приятно. Тонизирующее средство для тела. Он надел тонкую шерстяную рубашку, мягкие кашемировые носки, хорошо отутюженные брюки из фланели, удобные, начищенные до блеска мокасины (спасибо беднякам в ночных коридорах), отлично пригнанный пиджак в полоску. Сейчас Гретхен не могла бы сказать, что он недавно переспал с женщиной.

Когда он снова вошел в гостиную, мартини был на столике возле кушетки, а Джин стояла у окна, глядя в благоухающий ароматом мрак, простроченный ярким пунктиром разноцветных огней, уходявших на запад от Антибского полуострова. Горела только одна лампа. В руке у Джин был стакан с кока-колой. Она обернулась на звук его шагов.

– Пока ты был в душе, звонила Гретхен. Я сказала ей, что мы будем ужинать одни. Ты не против?

– Конечно, нет.

– Ее пригласил на ужин какой-то приятель – так она по крайней мере сказала.

– Я его видел, – отозвался Рудольф.

– Выпьем за... – Она подняла стакан. – За что же мы выпьем? – Она улыбнулась. В полумраке комнаты она казалась красивой и молодой. – Скажем, за развод! – И отпила из ста-

кана.

Рудольф поставил рюмку на стол.

— Я выпью позже, — сказал он. — Пойду пожелаю Инид спокойной ночи.

— Иди, — отозвалась Джин. — Знаешь, по-моему, француженке следует приплатить. Она такая мягкая и терпеливая и отлично смотрела за Инид.

— Ты не пойдешь со мной?

— Нет, — ответила Джин. — Я еще должна подкраситься.

— Я быстро, — пообещал он.

— Не спеши, — отозвалась она. — У нас вся ночь впереди.

Инид в полосатой тельняшке уже доедала ужин. Когда Рудольф вошел в комнату, девочка смеялась. Няня не говорила по-английски, тем не менее они, по-видимому, умудрялись превосходно понимать друг друга. «Этот дар исчезнет, — с болью подумал Рудольф, — как только Инид начнет учиться». Он поцеловал ее в макушку, поздоровался с няней.

— Извините нас за эту рубашку, мсье. Инид уже выкупалась, но не захотела надеть пижаму. Она говорит, что сегодня будет спать в этой рубашке. Надеюсь, вы ничего не имеете против? Я не стала настаивать...

— Конечно, нет. — Француженка понимает, где следует уступить. — Зато она будет лучше спать. — Потом он попросил ее собрать утром вещи девочки, так как она улетает в Нью-Йорк. «К тому времени, когда я покончу здесь со своими делами, я научусь говорить по-французски даже с поли-

цейским-корсиканцем. Что ж, нет худа без добра».

– Bien, monsieur¹⁹, – ответила няня.

Рудольф внимательно посмотрел на дочь. Она выглядела здоровой и довольной, щеки у нее порозовели от пребывания на солнце. «Что ж, – подумал он, – еще один плюс. Хотя кому-то наше путешествие пошло на пользу». Она ела весело, словно это была еще одна игра, а потом вдруг схватила няню за руку, и Рудольф решил по приезде в Нью-Йорк расчитать миссис Джонсон. Миссис Джонсон всем хороша, но ей за пятьдесят и уже не до игр.

Он еще раз поцеловал Инид в макушку и наклонился; она сказала: «Спокойной ночи, папа» – и чмокнула его в щеку, размазав по ней овсяную кашу. От Инид пахло мылом и тальком; не будь рядом няни, он поднял бы дочь со стула и крепко обнял.

– Спокойной ночи, мой морячок, приятного тебе сна, – сказал он вместо этого и вышел из комнаты.

Ужин оказался превосходным, над морем сияла луна, ресторана был почти пуст, и официанты увлеченно суеились вокруг их столика. Джин потребовала, чтобы он добавил к заказанному бутылку вина – только для себя, и он согласился. Выяснилось, что им есть о чем побеседовать, все это были темы веселые и незначительные, поэтому разговор тек непринужденно, без неловких пауз. Джин нагнулась над тарелкой, и Рудольф, любуясь ее мягкими волосами, подумал:

¹⁹ Хорошо, мсье (фр.).

«Мы все резиновые – вытягиваемся из своего облика, а потом – по крайней мере внешне – снова такие же, как прежде, или почти такие же».

Сидя возле огромного окна, выходявшего на темное море, по которому к еле видимым вдали островам бежала серебряная дорожка дрожащего лунного света, они не спеша пили кофе и казались – он не сомневался – довольными собой и друг другом.

Потом они медленно пошли в отель, и, когда добрались до своего номера, Джин сказала:

– Ложись, милый. Я сейчас приду.

Он разделся и лежал во тьме, ожидая. Дверь тихо открылась, послышался шорох – это Джин сняла халат, – и она легла рядом с ним. Он обнял ее, тело ее было теплым, и она не дрожала. Они лежали неподвижно и вскоре оба уснули.

А в номере дальше по коридору беспокойно ворочалась Гретхен. Она спала одна – после вкусного ужина с обильными возлияниями. Молодой человек, почти самый красивый в зале, был внимателен, потом стал настойчив. Она чуть не сказала «да». Но все-таки не сказала. Прежде чем заснуть, она подумала: «Не ляпни мой чертов братец: «И где ты только их находишь?» – я бы определенно не была сейчас одна».

Глава 7

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Случайно наткнулся на свежий номер европейского издания журнала «Тайм». И вдруг в разделе «Преступления» мне попадаетея заметка о Джордах – малоприятная история нашего семейства и фотография обнаженной женщины. Короткое, но впечатляющее повествование о крахе, убийстве и позоре.

Я вырезал эту заметку и прилагаю ее к моим запискам. Она послужит моим потомкам, если таковые появятся, краткой иллюстрацией к их генеалогическому дереву.

«Где, по-вашему, можно встретить троих детей эмигрировавшего в свое время из Германии и впоследствии покончившего жизнь самоубийством пекаря из маленького городка на Гудзоне? Представьте себе: на яхте возле Ривьеры. После того как недавно в антибском порту был убит Томас Джордах, более известный в прошлом как боксер среднего веса Томми Джордан, из досье французской уголовной полиции всплыло на поверхность еще несколько имен, в том числе: сорокалетний Рудольф Джордах, брат Тома, миллионер, бывший мэр города Уитби, штат Нью-Йорк; сын Джордана – Уэсли;

Джин Прескотт Джордах, жена Рудольфа и наследница прескоттовской фармацевтической империи на Среднем Западе; Гретхен Берк, сестра обоих Джордахов и вдова театрального и кинорежиссера Колина Берка.

Согласно сведениям из антибских источников, Джордан скончался от побоев вскоре после своей свадьбы и после того, как вырвал свою подвыпившую невестку из лап портового бандита в весьма подозрительном ночном баре Канна.

По словам Джин Джордах, которая живет в роскошном отеле «Дю Кап», на нее напали, когда она зашла в бар выпить. Появившийся затем Джордан зверски избил пристававшего к ней человека. На следующий день Джордан был убит у себя на яхте.

Представители французской полиции заявляют, что у них на подозрении целый ряд лиц».

К счастью, обо мне в заметке ни слова. Так что вряд ли кто-нибудь догадается о моем родстве с миссис Берк, вдовой известного режиссера и бывшей женой ничем не прославившегося сочинителя рекламы по фамилии Эббот. Моника, конечно, догадалась бы, потому что я много рассказывал ей о матери, но, к счастью, Моника не читает «Тайм». Этот журнал, по ее мнению, предназначен только для развлечения публики, поэтому правды в нем нет.

Я иногда думаю: а почему бы мне не попытаться стать журналистом? Я любопытен и хитер, а это два немаловажных качества для журналиста.

важных качества для журналиста.

Моники дома нет. На столе записка. Ее не будет несколько дней. Моника считает, что женщинам позволено больше, чем мужчинам.

Я по ней уже скучаю.

Багаж перенесли в лимузин, который заказал для них портье. Гретхен, Джин и Инид разместились на заднем сиденье. Инид – со слезами на глазах, потому что ей предстояло расставание со своей французской няней. Рудольф в третий раз проверил, на месте ли билеты, и шофер распахнул перед ним переднюю дверцу, но тут к дверям отеля подъехала машина. Из машины вылезла небольшого роста, полная, неряшливо одетая женщина с седеющими волосами, а из-за руля – маленький полный мужчина.

– Вы Рудольф Джордах? – спросила женщина, направляясь к нему.

– Да. – В женщине было что-то знакомое.

– Ты, наверное, меня не помнишь, – сказала женщина. Она повернулась к маленькому полному мужчине: – Я говорила тебе, что он меня не вспомнит.

– Да, говорила, – согласился мужчина.

– А я тебя помню, – сказала женщина Рудольфу. – Очень хорошо помню. Я жена Тома, мать Уэсли. Я приехала за своим сыном. – Она нырнула в висевшую у нее на руке большую сумку и, вытащив экземпляр «Тайма», помахала им перед

носом Рудольфа.

– О Господи! – простонал Рудольф. Он совсем забыл про журналиста и про телекс. А вот журналист, по-видимому, не забыл про него. Бедный Уэсли, его имя уже неделю как стало достоянием миллионов, и еще много лет на него будут смотреть с любопытством и, где бы он ни очутился, подходить и спрашивать: «Извините, не вы ли такой-то?»

– Разрешите взглянуть, что там написано, – потянулся за журналом Рудольф. Журналист приходил до того, как Уэсли попал в тюрьму, но мог, разумеется, не успокоиться и довести свою историю до конца. Рудольф нахмурился, представив себе, в каких красках «Тайм» способен расписать драку Уэсли с англичанином, оказавшимся в больнице с сотрясением мозга.

Тереза отступила и спрятала журнал за спину.

– Иди и сам купи себе журнал, – заявила она. – Судя по тому, что здесь написано, ты вполне можешь себе это позволить. Ты и твоя полоумная голая жена.

О Господи, они раскопали старую фотографию! Вот было бы счастье для человечества, если бы в один прекрасный день сгорели дотла архивы всех газет на земном шаре!

– Здесь все написано, – злорадно констатировала Тереза. – На сей раз тебе не удалось с помощью денег выручить моего бывшего муженька, а? Наконец-то он получил по заслугам!

– Извините, Тереза, – сказал Рудольф. Совершенно непонятно, как Том мог на ней жениться. Наверное, в момент

бракосочетания он был либо пьян в стельку, либо очумел от наркотиков. Когда Рудольф видел ее в последний раз – три года назад в конторе Хита – он дал ей денег, чтобы она могла поехать в Рино и получить развод, – она была платиновой блондинкой и весила фунтов на двадцать меньше. Но и тогда выглядела не лучше и не хуже, чем сейчас. – Извините, что не узнал вас. Вы изменились.

– Ты меня не очень-то и запомнил. – Она не скрывала своего злорадства. – Познакомься с моим мужем – мистером Крейлером.

– Добрый день, мистер Крейлер.

Мужчина что-то хрюкнул в ответ.

– Где мой сын? – резким голосом спросила Тереза.

– Руди, – окликнула его из машины Гретхен, – мы можем опоздать. – Его разговора с этими людьми она не слышала.

Рудольфа бросило в жар, хотя утро было довольно прохладным.

– Извините меня, миссис Крейлер, – сказал он, – но мы спешим в аэропорт...

– Вам не удастся улизнуть от нас, мистер Джордах, – парировала Тереза, тыча ему в лицо скрученным в трубку журналом. – Не для того я проделала весь путь через океан, чтобы ты улетел у меня из-под носа.

– Я никуда не улетаю, – тоже повысил голос Рудольф. – Я провожу свою семью и вернусь. Через два часа мы можем встретиться здесь.

– Я хочу знать, где мой сын, – настаивала Тереза, держа его за рукав и не давая сесть в машину.

– Если угодно, он в тюрьме.

– В тюрьме! – взвизгнула Тереза и трагически поднесла руку к горлу. По ее реакции Рудольф понял, что об этом в журнале не было написано.

– Возьмите себя в руки! – резко сказал Рудольф. – Ничего серьезного не произошло.

– Ты слышишь, Эдди? – не унималась она. – Мой сын за решеткой, а он говорит, что ничего серьезного не произошло.

– Я слышал, что он сказал, – отозвался мистер Крейлер.

– Вот это семейка! Отдай ребенка им в руки, – продолжала Тереза так же визгливо, – и, не успеешь оглянуться, он уже попал в полицию. Счастье, что его папашу пришили, а то бы мне не узнать, где он находится, и одному Богу известно, во что бы его там превратили. А знаешь, кто должен сидеть в тюрьме... – Она отпустила Рудольфа, отступила на шаг и, театрально вытянув грозный указующий перст, с дрожью в голосе выкрикнула: – Ты, с твоими махинациями, взятками и грязными деньгами!

– Когда вы успокоитесь, – сказал Рудольф, делая попытку сесть в машину, – я вам все объясню. – И обратился к шоферу: – Allons-y²⁰.

Она рванулась вперед и снова схватила его за рукав:

²⁰ Поехали (*фр.*).

– Нет, так легко вам не отделаться, мистер.

– Пустите, глупая вы женщина, – рассердился Рудольф. – У меня сейчас нет времени говорить с вами. Самолет ждать не будет, как бы громко вы ни кричали.

– Эдди! – взвизгнула Тереза. – Неужели ты позволишь ему смыться?

– Послушайте, мистер Джордах... – начал мужчина.

– Я вас не знаю, сэр, – ответил Рудольф, – и прошу не вмешиваться. Если вам угодно поговорить со мной, подождите, пока я вернусь. – Он довольно грубо стряхнул руку Терезы со своего рукава, и портье, который вышел попрощаться, с угрожающим видом двинулся в ее сторону.

Рудольф быстро сел в машину, захлопнул дверцу и защелкнул предохранитель. Шофер поскорее втиснулся за руль и включил зажигание. Когда они выезжали из ворот, Тереза стояла, гневно размахивая журналом.

– Что там такое? – спросила Гретхен. – Мы не слышали, о чем эта женщина говорила.

– Не имеет значения, – отрезал Рудольф. – Это мать Уэсли.

– Как она изменилась! – заметила Гретхен. – И не к лучшему. Что ей нужно?

– Если она верна себе, – ответил он, – значит, ей нужны деньги. – Придется отвести Гретхен в сторону и попросить ее проследить, чтобы к Джин не попал журнал «Тайм».

С открытой галереи аэровокзала Рудольф смотрел, как взлетает самолет. Попрощались они спокойно. Он обещал вернуться в Нью-Йорк при первой же возможности. Он старался не сравнивать сегодняшнее скромное прощание с праздничным весельем, царившим в аэропорту, когда они прилетели и Том встречал их вместе со своей невестой, а в гавани стояла готовая к выходу в море «Клотильда», которой предстояло, пройдя по каналу между островами, доставить их в Канн на купанье и торжественный обед.

Самолет скрылся из виду. Рудольф вздохнул и прошел через здание аэровокзала, борясь с искушением купить в газетном киоске «Тайм». Что бы там ни говорилось, рассказ этот, совершенно очевидно, радости ему не принесет. «Интересно, – думал он, – как удастся людям, о которых пишут постоянно – политическим деятелям, министрам, актерам например, – заставить себя взять утром в руки газету?»

Вспомнив, что в отеле его ждут полная седеющая женщина и ее толстый маленький муж, он снова вздохнул. Как этой жуткой особе удалось найти себе мужа? Да еще второго. Между прочим, если этот человек из «Тайма» все еще в Антибе, нужно попросить его разыскать газетный снимок, на котором Терезу – под вымышленным именем, разумеется, – забирает полиция после облавы в публичном доме. Одна фотография стоит другой. Бедный Уэсли.

Чтобы оттянуть встречу, он попросил шофера отвезти его в Ниццу. Они проехали на улицу, где жила Жанна. Улица

как улица. Он не знал, что станет делать, если она случайно выйдет из дома с детьми или с мужем-офицером. Ничего, наверное. Но она не вышла.

– Поехали в отель, – сказал Рудольф. – Кружным путем, вдоль моря.

При въезде в Антиб они проехали мимо порта. Рудольф увидел «Клотильду», на палубе копошилась крошечная фигурка – Дуайер. Рудольф не попросил шофера остановиться.

– Я свои права знаю, – настаивала Тереза. Они втроем расположились на небольшой полянке в парке отеля, где никто не мог слышать их разговора. Когда Рудольф вошел в вестибюль отеля, он застал супругов в напряженном ожидании. Они сидели лицом к лицу, с явным неодобрением косясь по сторонам и всем своим видом выражая молчаливый укор праздным постояльцам отеля, которые в поисках развлечений шли мимо них на теннисный корт или в плавательный бассейн. По пути в парк Рудольф спокойно, кратко и бесстрастно рассказал им, из-за чего Уэсли попал в руки полиции и теперь должен отбыть в Америку. Они угрюмо выслушали его, и Тереза сообщила:

– В Индианаполисе, где мы с мистером Крейлером живем, мы побывали у адвоката, и мне известны мои материнские права. – Голос Терезы терзал слух Рудольфа, как скрип мела по грифельной доске. – Уэсли еще несовершеннолетний, а поскольку отец его умер, то, по словам адвоката, я его за-

конная опекунша. Правда, адвокат это говорил, Эдди?

– Да, адвокат так говорил, – подтвердил мистер Крейлер. – Именно так.

– Когда я заберу его из тюрьмы, – продолжала Тереза, – я увезу его в приличный дом, где он вырастет истинным христианином.

– Вам не кажется, что после той жизни, какую вы вели, было бы уместнее оставить религию в покое?

– Можешь не стесняться, говори откровенно. Мистеру Крейлеру известно, какую я вела жизнь. Правда, Эдди?

– Правда, – закивал головой Эдди, и его пухлый двойной подбородок затрясся в такт кивкам.

– Я была шлюхой и не боюсь в этом признаться, – почти с гордостью заявила Тереза. – Но я прозрела. На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся... – Она помолчала. – Дальше знаешь сам, не сомневаюсь, хотя и ты, и вся ваша семейка давным-давно забыли про Бога.

– К сожалению, – с невинным видом солгал Рудольф, – я не помню, что там говорится дальше.

– Не имеет значения, – быстро парировала она. – Мистер Крейлер – мормон, и благодаря ему я приняла их веру и вернулась в лоно церкви. К твоему сведению, я больше не крашу волосы, как ты мог бы заметить, если бы хоть раз соизволил обратить на меня внимание, и не пью ни спиртных напитков, ни кофе, ни чая.

– Поздравляю вас, Тереза, – сказал Рудольф. Он где-то

читал, что секта мормонов растет гораздо быстрее других христианских сект, но, приняв Терезу в свои ряды, мормоны неминуемо почувствуют, что раскинули сети чересчур широко. Он представил себе, с каким содроганием взирали на Терезу Джордах старейшины Христовой церкви «Святых последнего дня» в молитвенном доме в Солт-Лейк-Сити, принимая ее в свою благостную компанию. – Но я не совсем понимаю, какое это имеет отношение к Уэсли.

– Прямое. Он вернется на стезю добродетели. Я знаю вашу семью. Я знаю Джордахов, можешь не сомневаться. Вы все погрязли в блуде и грехе.

«Словарь Терезы, – констатировал про себя Рудольф, – заметно изменился с переходом в новую веру. Но к лучшему ли?»

– Не думаю, что причина заключения Уэсли в тюрьму на несколько дней за драку в ночном баре кроется в моем атеизме, – сказал он. – И к вашему сведению, – добавил он, не удержавшись, – если я и погряз в блуде и грехе, то это не основное мое занятие.

– Я никого не обвиняю, – заявила Тереза, хотя в каждом ее слове и в каждом жесте сквозило обвинение, – но не станешь же ты отрицать, что он был на твоём попечении как дяди и главы семьи, когда чуть не убил человека...

– Ладно, ладно, – устало отозвался Рудольф. Ему хотелось, чтобы она ушла, исчезла вместе со своим низеньким и толстым мужем-праведником с поджатыми губами, но, ко-

гда он вспомнил, что Уэсли может оказаться во власти этой парочки из Индианаполиса, ему стало страшно. Он не представлял себе, как этому помешать, но тем не менее был намерен сделать все, что в его силах. – Чего вы хотите? – Он уже объяснил им, что Уэсли через шесть дней посадят на американский самолет, но скрыл, что принял решение поместить его на год в хорошую школу-интернат, а потом отправить для продолжения образования назад во Францию и что сам он (из эгоистических соображений или из родственного великодушия?) тоже вернется во Францию и будет приглядывать за парнем.

– Чего я хочу? – повторила Тереза. – Я хочу, чтобы он вырос приличным человеком, а не диким зверем из джунглей, каким был его отец.

– Вам, конечно, понятно, – сказал Рудольф, – что если он останется в Соединенных Штатах, то не пройдет и двух лет, как он будет призван в армию, может попасть во Вьетнам и погибнуть.

– На все воля Господня, – отозвалась Тереза. – Ты согласен со мной, Эдди?

– Все в руках Божьих, – подтвердил мистер Крейлер. – Мой сын тоже в армии, и я горжусь этим. От судьбы мальчику не уйти, как и всем людям на свете.

– Моему сыну не нужны поблажки, – заявила Тереза.

– Вам не кажется, что прежде всего следует спросить у самого Уэсли, чего он хочет?

– Он мой сын, – ответила Тереза, – и мне незачем его спрашивать. Я приехала сюда проследить за тем, чтобы его не надули и не утащили у него законную долю, которая ему положена при разделе отцовского состояния. – «А, – подумал Рудольф, – вот это уже ближе к делу». – Как только продадут эту роскошную яхту, о которой написано в журнале, – тем же визгливым голосом продолжала Тереза, – я уж все силы приложу, чтобы моего сына не обошли, можешь не сомневаться. А наш адвокат каждую бумажку прочешет, будьте спокойны, мистер Джордах.

– В таком случае, – Рудольф встал, – дальнейший разговор мне представляется бесполезным. Мачеха Уэсли, которая, по всей вероятности, будет назначена администратором наследства, тоже найдет адвоката, и эти два адвоката сумеют между собой договориться. А мне некогда. Всего хорошего.

– Подожди минутку, – испугалась Тереза. – Куда ты вдруг сорвался?

– Хочу прилечь, – сказал Рудольф. – Я с самого утра на ногах.

– Почему ты не спрашиваешь, где мы остановились? – крикнула она. Победа, одержанная с такой подозрительной легкостью – наверняка это военная хитрость противника, – вдруг стала ускользать из ее рук. – И наш адрес в Америке? Мистера Крейлера очень уважают в Индианаполисе. У него свой бизнес. Он занимается разливом безалкогольных напитков. У него работают триста человек. Дай ему свою ви-

зитную карточку, Эдди.

– Не утруждайте себя, мистер Крейлер, – сказал Рудольф. – Мне не нужен ваш адрес ни здесь, ни в Индианаполисе. Я не желаю вас видеть, – не сдержался он.

– Мне хочется навестить моего мальчика, – заныла Тереза. – Я хочу посмотреть, что они сделали там, в тюрьме, с моим бедным сыночком.

– Обязательно, – сказал Рудольф. – Конечно, посмотрите. – Почему-то в конторе Хита, когда он давал ей деньги на развод, материнский инстинкт Терезы был значительно слабее, ибо при виде выписанного на ее имя чека она не раздумывая поставила свою подпись под документом, лишившим ее прав на сына.

– Я намерен усыновить его по всем правилам, – вмешался мистер Крейлер. – Миссис Крейлер хочет, чтобы он забыл фамилию Джордах.

– Это должны решать он и его мать, – сказал Рудольф. – Однако я при очередном свидании могу передать ему ваше желание.

– Когда ты пойдешь в тюрьму? – спросила Тереза. – Я не хочу, чтобы ты разговаривал с ним с глазу на глаз, вливал яд в его душу... Я пойду с тобой.

– Нет, со мной вы никуда не пойдете, – ответил Рудольф. – В тюрьму я обычно хожу без сопровождающих.

– Но я не умею говорить по-французски, – захныкала она. – И я не знаю, где тюрьма. А если полицейские не пове-

рят, что я его мать?

– Это уж ваши проблемы, миссис Крейлер, – сказал Рудольф. – Я не хочу больше видеть ни вас, ни вашего мужа. Передайте своему адвокату, пусть он свяжется с юридической конторой «Хит, Берроуз и Гордон» на Уолл-стрит. Вы, по-моему, уже бывали там, миссис Крейлер.

– Мерзавец! – не совсем по-мормонски высказалась Тереза.

– Всего хорошего, – улыбнулся Рудольф. Он кивнул им и ушел, а они – толстые, маленькие, сердитые – остались вдвоем на поляне среди сосен. Рудольфа трясло от злости, к которой примешивалось и ощущение полной безысходности и тревоги за бедного мальчишку, сидящего в грасской тюрьме, но в эту минуту он ничем не мог ему помочь. Чтобы вырвать Уэсли из материнских объятий, требовалась специальная операция невиданных масштабов, а сегодня он не был в состоянии придумать даже первого своего шага. Хотя миссис Тереза Крейлер и стала ревностной христианкой, едва в воздухе запахло деньгами, как она тотчас припомнила нормы поведения, присущие ее прежней профессии. О Боже, теперь ведь еще нужно предупредить Кейт о том, что ее ждет.

Он быстро уложил вещи. Портье заказал ему номер в «Коломб д'Ор» в Сен-Поль-де-Вансе. ОТЕЛЬ в Грасе был бы ближе к тюрьме, куда он ходил почти ежедневно. Сен-Поль-де-Ванс ближе к Жанне. Он выбрал Сен-Поль-де-Ванс. Остаться в отеле «Дю Кап» теперь незачем, зато выехать есть

все основания. Он попросил портье пересылать приходящую на его имя почту, но ни в коем случае никому не говорить, где он живет. Он известил Жанну о своем новом местопребывании письмом, адресованным на Главный почтамт Ниццы до востребования.

Спустившись вниз, чтобы расплатиться – чемоданы его уже укладывали в машину, – он с облегчением убедился, что Крейлеры ушли. Потом взял счет и ахнул. На Лазурном берегу даже несчастье стоит дорого. Пусть это один из лучших отелей в мире, больше он сюда ни ногой. И не только из-за цены.

Сначала он поехал в порт. Надо, чтобы Дуайер и Кейт знали, где его искать. Когда Рудольф поднялся на борт яхты, Дуайер драил медяшку на носу. Увидев Рудольфа, он выпрямился и протянул ему руку.

– Как дела? – спросил Рудольф.

– Неважно, – пожал плечами Дуайер. – Винта с валом так и нет. Их купили в Италии, а итальянцы, пока счет не оплачен, не дают разрешения на провоз через границу. Я каждый день веду по телефону переговоры со страховой компанией, но они не спешат. Они никогда не спешат. Только присылают мне для заполнения все новые и новые бланки, – обиженно добавил он. – И требуют, чтобы их подписал Том. Итальянцы, видно, считают, что во Франции никто и умереть не может. Да еще надо все переводить на их язык. Хорошо у меня в городе есть приятельница-официантка, которая знает ита-

льянский язык, только она ничего не понимает в нашем деле, и ей приходится спрашивать у других, как будет по-итальянски разное там снаряжение, ходовые огни, морские сажени, плавающие обломки и тому подобное. Я прямо с ума схожу от всего этого.

– Ладно, Кролик, – сказал Рудольф, еле удерживаясь от стоны. – Пришлите все бумаги мне. Я сам займусь этим делом.

– Большое вам спасибо, Руди, – с облегчением вздохнул Дуайер.

– Я переселяюсь в Сен-Поль-де-Ванс, – сказал Рудольф. – В отель «Коломб д’Ор».

– Правильно делаете. Ваш отель, должно быть, стоит кучу денег. Смотришь вокруг на все эти огромные яхты, на дорогие отели и диву даешься, откуда у людей деньги. Я по крайней мере понять не могу.

– Кролик, – сам не зная почему вдруг принялся оправдываться Рудольф, – в молодости я ведь был, пожалуй, беднее любого из ваших знакомых.

– Да. Том мне говорил. Вы вкалывали как лошадь. Я вовсе не против тех, кто сам выбился в люди. Я ими восхищаюсь. По-моему, вы имеете право на все, что у вас есть.

– От многого из того, что у меня есть, – ответил Рудольф, – я бы с радостью отказался.

– Я понимаю, о чем вы.

На мгновение воцарилось неловкое молчание.

– Я надеялся застать у вас Кейт, – сказал Рудольф. – Произошло одно осложнение, о котором ей следует знать. Как она?

Дуайер задумался, потом нерешительно проговорил:

– Она уехала. Сегодня утром улетела в Англию.

– У вас есть ее адрес?

– Да, есть, – осторожно ответил Дуайер.

– Дайте-ка мне его, – сказал Рудольф. И коротко сообщил Дуайеру о визите Крейлеров, о юридических проблемах, с которыми Кейт придется столкнуться или которые по крайней мере предстоит решить от ее имени.

– Том рассказывал мне про эту свою жену, – медленно кивнул Дуайер. – Жуткая скандалистка, да?

– Это не главное ее достоинство, – ответил Рудольф. Он видел, что Дуайер не решается дать ему адрес Кейт. – Кролик, – сказал он, – я хочу задать вам один вопрос. Вы верите, что я стараюсь сделать все возможное для Кейт, для Уэсли и, между прочим, для вас тоже?

– Мне ничего не нужно, – отозвался Дуайер. – Что же касается Кейт... – Он странно, почти по-женски развел руками, словно ему было трудно объяснить Рудольфу ситуацию. – В тот день она разговаривала с вами грубо, я знаю. Нет, она вовсе не злится на вас, нет. Я бы сказал, что она... – Снова тот же жест. – Просто она... – Он не мог найти подходящего слова. – Ей причинили боль. Но она разумная женщина. Она справится. Особенно теперь, когда она вернулась

домой, в Англию. У вас есть чем записать?

Рудольф вынул из кармана записную книжку и ручку. Дуайер продиктовал ему адрес.

– Телефона нет, – сказал Дуайер. – Насколько я понимаю, ее родственники в золоте не купаются.

– Я ей напишу, как только что-нибудь узнаю, – сказал Рудольф. Он бросил взгляд вокруг, увидел отмытую добела палубу, сверкающие перила и медь. – На яхте полный порядок, – заметил он.

– Порядок порядком, а всех дел не переделаешь, – ответил Дуайер. – Я договорился поставить ее на ремонт ровно через две недели. К тому времени должны прибыть из Италии эти чертовы штуки.

– Кролик, – спросил Рудольф, – сколько, по-вашему, стоит «Клотильда»? Сколько за нее дадут?

– Сколько она стоит и сколько за нее дадут – это разные вещи, – отозвался Дуайер. – Если сложить вместе ее первоначальную стоимость да всю нашу с Томом работу, все усовершенствования да новый радар, что вы подарили ему на свадьбу – его еще надо установить, правда, – выйдет что-нибудь около ста тысяч долларов. Но если надо продать быстро, как вы сказали, когда объясняли нам про раздел имущества, еще в этом месяце, а сезон уже почти на исходе, и никому ведь неохота целую зиму платить за содержание яхты, их обычно покупают в конце весны, – так вот, если надо продать быстро, и в межсезонье, и людям известно, что вы спе-

шите сбыть ее с рук, тогда, естественно, они возьмут вас за горло и в лучшем случае вы получите тысяч пятьдесят. Но я не собираюсь вас уговаривать. Вы должны походить, осмотреться, поговорить с маклерами здесь, в Канне и в Сен-Тропезе. Понимаете? Может, у них есть желающие приобрести яхту по сходной цене.

– А к вам еще никто не обращался? – перебил его Рудольф.

– Нет, – покачал головой Дуайер – Думаю, что в Антибе и не обратятся. После убийства и всего прочего. По-моему, лучше вообще дать ей новое название, перегнать в другую гавань. А то и в другую страну. В Италию, Испанию или еще куда-нибудь. Может, даже в Пирей, это в Греции... Люди суеверны, когда дело касается судна.

– Кролик, – сказал Рудольф, – вы только не сердитесь, но я хочу поговорить с вами вот о чем. Кто-нибудь должен постоянно находиться на судне, пока оно не продано...

– Конечно.

– И этому человеку надо платить, так?

– Да, – нехотя согласился Дуайер.

– Сколько обычно платят в таком случае?

– Это зависит, – уклончиво ответил Дуайер, – от порученной работы, от квалификации человека и тому подобного.

– Ну, например, сколько бы получали вы, если б были на другом судне?

– Видите ли, если бы меня наняли раньше – сейчас уже

все команды укомплектованы, — мне бы платили, наверное, долларов пятьсот в месяц.

— Отлично, — обрадовался Рудольф. — Вы будете получать пятьсот долларов в месяц.

— Я на это не напрашивался, — посуровел Дуайер.

— Я знаю, что не напрашивались. Но получать будете.

— Только помните, что я не напрашивался. — Дуайер протянул руку, и Рудольф пожал ее — Жаль, — добавил Дуайер, — что Тому не узнать, как вы заботитесь о нас с Кейт, о парне и о «Клотильде».

— Я на такой комплимент тоже не напрашивался, — улыбнулся Рудольф.

— На борту, кажется, еще осталось немного виски, — намекнул Дуайер.

— Давайте выпьем, — согласился Рудольф.

— Пить виски меня научила ваша сестра, миссис Берк... Гретхен... — сказал Дуайер, когда они перешли на корму. — Она вам не рассказывала?

— Нет. Она держит ваш роман в тайне.

Но, заметив, что Дуайер не улыбнулся, он больше ни слова не сказал про Гретхен.

Они зашли в рулевую рубку и выпили теплого виски. Дуайер извинился за отсутствие льда.

Перед уходом Рудольф сказал:

— Если мы не встретимся раньше, значит, я увижу вас в аэропорту, когда будет улетать Уэсли. Не забыли?

– У меня все записано, – ответил Дуайер. – Я соберу его вещи и привезу их с собой. – Он помолчал, кашлянул. – У него целая папка фотографий. Снимки яхты, портов, куда мы заходили, фотографии его и отца, мои и Кейт... Разные снимки. Их тоже положить вместе с его вещами? – Он поднес стакан к губам и, закрыв глаза, выпил с таким видом, словно это ему ничего не стоило.

– Положите, – ответил Рудольф. – Воспоминания причиняют боль, но они необходимы.

– Хотите еще выпить?

– Нет, благодарю, – отозвался Рудольф. – Я еще не обедал. Может, пообедаем вместе?

– Спасибо, Руди, – покачал головой Дуайер, – но я уже ел. – «У Дуайера своя норма, – понял Рудольф. – Он позволяет себе принять одно одолжение в день. Не больше».

Дуайер аккуратно вытер тряпкой оставшиеся на столе от стаканов мокрые круги и отправился на нос драить медь. А Рудольф сошел с «Клотильды» на берег.

Зарегистрировавшись в новом отеле, Рудольф пообедал на террасе с видом на долину, словно сошедшую с картины Ренуара, а затем позвонил в Антиб старику адвокату, сообщил, что «Клотильда» продается, и попросил адвоката представлять интересы владельцев яхты.

– Если вам не предложат больше ста тысяч долларов, дайте мне знать. Я сам куплю ее.

– Очень благородно с вашей стороны, – заметил адвокат. Из-за помех его было плохо слышно.

– Чисто деловой подход.

– Понятно, – отозвался адвокат. Оба знали, что это ложь.

Не имеет значения.

Затем Рудольф позвонил в Нью-Йорк Джонни Хиту и долго с ним разговаривал.

– Ну и дела! – сказал Хит. – Ладно, приму меры. И с нетерпением буду ждать письма от адвоката Крейлеров.

Потом Рудольф надел купальные трусы и сорок раз переплыл бассейн туда и обратно. В голове у него не было ни одной мысли, а тело, когда он вылез из воды, ломило от приятной усталости.

Он долго сидел на краю бассейна, потягивая холодное пиво. Ему было так хорошо, что он чувствовал себя в чем-то виноватым. Интересно, думал он, сердясь на себя за эту мысль, что бы он делал, если бы вдруг его позвали к телефону и сообщили, что самолет с его семьей на борту упал в море?

Глава 8

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Семья тоже предмет для размышлений. Это любовь и

разрушение. Не всегда. Но довольно часто. Согласно Фрейду, это подмостки, на которых разыгрывается греческая трагедия: кровосмешение, отцеубийство и прочие радости. Страшно даже вообразить, что представляла собой семейная жизнь славного доктора из Вены.

Интересно, а Юнг был более снисходительным? Нужно спросить у Моники. Она у нас кладезь премудрости. Между прочим, она почему-то никогда не говорит о своей семье. Под каждой крышей свои мыши.

Ни разу не встречался с Уэсли Джордахом. Бедный мальчик! Жертва очередной перетасовки карт судьбы. Интересно, окажет ли убийство отца положительное влияние на его духовный рост? Когда мой дед утонул, Рудольф и моя мать были сравнительно молоды, однако на их духовный рост это никак не повлияло.

Я любил бабушку за то, что она не чаяла во мне души. Однако к моей матери она относилась довольно прохладно, и потому даже в день похорон бабушки мать держалась в стороне. Интересно, будет ли мать держаться в стороне в день моих похорон? У меня есть предчувствие, что я умру молодым. Мать – железный человек, она будет жить вечно и переживет всех своих мужчин.

Оскорбляет ли меня ее похотливость? Да.

А Моя собственная похотливость и похотливость Моника меня оскорбляют? Нет. Несправедливость – это монета, которой младшее поколение расплачивается со старшим.

Мать неразборчива в связях. Отец, когда был молод и энергичен, тоже, по его словам, разборчивостью в связях не отличался. А я – нет. Я, как сын алкоголика, держусь по-дальше от отцовского порока.

Сыновья бунтуют. Дочери сбегают. Я же не сделал ни того ни другого. Я спрятался. Что оказалось нетрудным благодаря призыву в армию. Интересно было бы встретиться с моим двоюродным братом Уэсли, с которым я пока не знаком, сравнить наши мысли – ведь в наших жилах течет одна кровь.

Хиппи в своих коммунах полностью извратили понятие о семье. Я не мог бы жить в такой коммуне. Там полное отсутствие гигиены в отношениях между полами. Дикий эксперимент, обреченный на провал. Родовой строй давно в прошлом. Если я читаю, бреюсь или лежу с женой в постели, а рядом вертится чужой ребенок – радость небольшая.

Интересно, буду ли я лет этак через десять жить в пригороде, играть в бридж и всю субботу и воскресенье не отрываясь смотреть по телевизору футбол? Ездить в город на работу? Меняться женами? Голосовать за очередного Никсона?

Поздно. Я скучаю по Монике.

Уэсли, чисто выбритый и аккуратно одетый – костюм ему привез с «Клотильды» Рудольф, – сидел и ждал ажана, которому надлежало доставить его в аэропорт. Этот костюм ему купил отец больше года назад, и теперь он был тесен в гру-

ди, а руки торчали из рукавов. Как Уэсли и ожидал, дядя Рудольф все уладил. Хотя и не лучшим образом, раз предстоит улететь из Франции. В Америке он никогда не был счастлив, а во Франции он был счастлив – по крайней мере до того дня, когда погиб отец.

В грасской тюрьме оказалось не так уж плохо. Полицейский, которого он ударил, служил в Канне, в Грасе не появлялся и к нему не приставал, а для караульных и *juge construction*, который его допрашивал, он даже стал своего рода знаменитостью благодаря обстоятельствам смерти отца, знанию французского языка и тому, что он побил англичанина, который у местной полиции пользовался репутацией драчуна. Кроме того, Уэсли держался вежливо и никого не задирал. Оказали немалое влияние и деньги, которые дядя время от времени совал караульным, и организованный им же звонок из американского консульства.

В дяде Рудольфе одно было хорошо: он ни разу даже не намекнул, что ждет от Уэсли благодарности. Уэсли с удовольствием проявил бы благодарность, если бы знал, как это сделать. «Придумаю что-нибудь потом», – решил он. А пока ему не о чем было говорить с дядей, которого, по-видимому, смущало, что Уэсли сидит за решеткой, словно это случилось по его, дядиной, вине.

Один из караульных сумел даже стащить из полицейских архивов фотографию Дановича. Теперь, если Уэсли встретит этого подонка, он его непременно узнает.

Об этом он никому не рассказывал. Он и прежде-то не отличался откровенностью – даже с отцом ему было нелегко говорить о себе, хотя отец про свою жизнь рассказал ему почти все, отвечал на все вопросы. А теперь Уэсли и вовсе замкнулся. Над ним нависла какая-то угроза, он это чувствовал, но не мог понять, что ему угрожает. Что бы там ни было, прежде всего нужно помалкивать. Он понял это много лет назад, когда мать определила его в проклятую военную школу.

С матерью тоже следует держать ухо востро. Она тут визжала и рыдала, кричала на него, а потом сюсюкала, обещала, что у него начнется другая жизнь, когда она вместе со своим очередным мужем увезет его в Индианаполис. На черта ему эта другая жизнь? Он спросил у дяди, обязан ли он ехать в Индианаполис, и Рудольф с грустным видом ответил: «Пока ты несовершеннолетний – да». Это имеет какое-то отношение к деньгам, но какое, он не понимал. Плевать. Поедет посмотрит, а если не понравится – удерет.

Ему сообщили, когда он должен улететь.

Он скучал по школе. Учебный год уже начался, а вместе с ним в сентябре начинаются и баскетбольные соревнования. В прошлом году он был лучшим игроком в команде и знал, что в этом году они тоже на него рассчитывают. Хорошо бы они побольше проигрывали, тогда поняли бы, как им туго без него. Странно, что его заботят такие пустяки, когда только что погиб отец, но школа занимала важное место в его

жизни, и он не мог отмахнуться от нее только потому, что сейчас взрослые не придали бы этому обстоятельству никакого значения. Он чувствовал, что отец в отличие от всех других понял бы его.

В школе некоторые ребята смеялись над ним из-за того, что он американец и плохо говорит по-французски. У него просто руки чесались их отлупить, но он терпел, потому что знал: если отцу пожалуются, что он дерется, его ждет жуткая трепка. «Теперь некого бояться», – мрачно констатировал он. Вместе с тоской по отцу появилось и новое ощущение свободы. «Теперь я сам буду делать ошибки, – сказал он себе, – и пусть люди либо прощают их, либо катятся ко всем чертям». А вот отцовскую ошибку простить очень нелегко. Он молился за отца, но будь он проклят, если простит его. Решил порисоваться, поиграть в великодушные, а он, Уэсли, теперь сидит в дерьме. «В самом настоящем дерьме», – думал он, одетый во все чистое.

Щелкнул замок, и в камеру вошел ажан, которому предстояло проводить его в аэропорт. Несмотря на штатский костюм – легкие брюки и спортивная куртка, – сразу было видно, что это полицейский. С таким же успехом он мог надеть и балетное трико.

А как пахло на улице! Уэсли уже забыл, каким бывает свежий воздух.

Они сели в обычную, не полицейскую машину. Уэсли поместился на переднем сиденье. Пузатый ажан, пыхтя, с тру-

дом втиснулся за руль. Уэсли взглянул на его перебитый нос и хотел спросить, доставалось ли ему хоть раз пивной бутылкой по голове и приходилось ли убивать человека, но потом решил, что лучше поговорить о чем-нибудь другом.

Ажан опустил в машине все стекла и медленно поехал по петляющей горной дороге.

– Погодка-то какая, а? – заметил он. – Сейчас мы с тобой отлично прокатимся. – Задание предстояло нетрудное, и он старался извлечь из него максимум удовольствия. Час был ранний, но от ажана уже пахло вином. – Итак, с Францией ты прощаешься. Очень жаль. В следующий раз будешь знать, что драться надо без свидетелей, – засмеялся он своей же шутке. – Что ты собираешься делать в Америке?

– Держаться от полиции подальше, – ответил Уэсли.

– Вот это молодец, – похвалил его ажан. – Жена все пристаёт: «Поедем в Америку, поедем в Америку!» На полицейское-то жалованье, представляешь? – Он искоса взглянул на Уэсли. – А твой дядя – человек состоятельный? – спросил он.

– Миллионер.

– Сразу видно. – Полицейский вздохнул, посмотрел на свою помятую куртку. – Мне нравится, как он одет. И чувствуется, что человек влиятельный. Потому тебя и отправляют домой.

«Домой – это сильно сказано!» – подумал Уэсли.

– Ничего, скоро приедешь к нам туристом и будешь со-

рить деньгами, — добавил ажан.

— Если у вас до тех пор не будет революции, — сказал Уэсли. В тюрьме он познакомился с двумя людьми, которые заявили, что они коммунисты и что скоро начнется революция.

— Насчет этого помалкивай, — угрюмо предупредил его ажан. — Особенно в Америке. Не то они отвернутся от нас. — И, озабоченный плохим мнением американцев о французах, добавил: — Уж не собираешься ли ты дома рассказать газетчикам, каким пыткам подвергали тебя во французской полиции, чтобы заставить сознаться?

— Мне не в чем было сознаваться, — ответил Уэсли. — Все видели, как я ударил *salaud*²¹. Хотя, конечно, можно рассказать, как один из ваших приятелей задал мне трепку в машине по пути в префектуру, — усмехнулся он. Ему было радостно после проведенных за решеткой недель ехать по сельской местности, мимо увешанных плодами деревьев и покрытых цветами полей. А неторопливая беседа с дружелюбным ажаном давала возможность не думать о том, что ждет его в аэропорту и в Индианаполисе.

— А ты чего хотел? — обиженно спросил ажан. — Тебя при всем честном народе какой-то сопляк одним ударом посылает в нокдаун, и чтоб ты потом ехал с ним в темной машине и не поквитался?! Все мы люди.

— Ладно, — великодушно согласился Уэсли, — буду мол-

²¹ Негодяя (*фр.*).

чать.

– Ты парень неплохой, – сказал ажан. – В Грасе о тебе хорошо отзываются. Я видел типа, с которым поссорился твой отец. Он выглядел так, будто побывал под поездом. – Ажан кивнул как человек, знающий толк в этом деле. – Твой отец лихо его разукрасил. Очень лихо. – Он снова искоса взглянул на Уэсли. Лицо его было серьезно. – Этот тип известен полиции. С плохой стороны, – добавил он. – Но пока ему удастся уходить от наказания, которое он давным-давно заслужил. Он связан с опасными людьми. Тебя высылают отсюда не только ради поддержания порядка во Франции, но и ради твоей безопасности.

– Странно, – заметил Уэсли, – все знают, что он убийца, а он на свободе.

– Забудь про то, что знают все, друг мой, – строго отозвался ажан. – Забудь, поезжай домой и веди себя как следует.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Уэсли, припоминая во всех подробностях лицо на фотографии: глаза-щелочки, высокие острые скулы, тонкие губы и темные курчавые волосы. Ему хотелось сказать: «Лучше вы забудьте про человека, который убил моего отца. Просто возьмите и забудьте». Но он сдержался. – У меня есть к вам одна просьба.

– Какая? – В голосе ажана появилась профессиональная подозрительность.

– Мы не можем проехать мимо порта? Мне хотелось бы еще раз взглянуть на яхту.

– Почему бы и нет, – согласился ажан, взглянув на часы. – Еще рано, времени у нас достаточно.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр, – поблагодарил его Уэсли. По-французски: «C'est très gentil de votre part, monsieur». Одна из первых фраз, которым обучил его отец, когда привез в Антиб. Сам отец почти не говорил по-французски. Но сказал: «Есть два выражения, которые лягушатники очень любят. Первое: «S'il vous plaêt», что означает «пожалуйста». И «C'est très gentil de vorte part». Запомнил? Повтори».

Уэсли не забыл отцовского урока.

– У меня сын твоего возраста, – сказал ажан. – Тоже с ума сходит по кораблям. Все свободное время торчит в порту. Я его предупредил: станешь моряком – знать тебя не желаю. Не будь здесь всех этих судов, полиции было бы нечего делать. Кто только сюда не тянется, – мрачно продолжал он. – Алжирцы, югославы, греки, корсиканцы, сицилийцы, нудисты, малолетние преступники из Англии, сбежавшие из дома девочки, богатые бездельники, которые не могут жить без наркотиков... – Он качал головой, перечисляя эти не слишком приятные для полиции дары моря. – А теперь каждый воюющий городишко на побережье строит себе порт. Здесь вся французская gendarmerie²² не справится. Возьмем, к примеру, твой случай. – И он сердито погрозил Уэсли пальцем, вспомнив, что везет преступника, которого выдворяют из

²² Жандармерия (фр.).

Франции. – Ты думаешь, то, что с тобой произошло, могло бы произойти, если бы ты жил, например, в Клермон-Ферране?

– То, что произошло со мной, – дело случая, – отозвался Уэсли; он уже жалел, что попросил проехать мимо порта.

– Все так говорят. А кому потом наводить порядок? Полиции.

– А кем бы вы хотели видеть своего сына? – Уэсли решил, что пора переменить тему.

– Адвокатом. Вот у кого деньги-то, дружок. Мой тебе совет: возвращайся в Америку и учись на адвоката. Ты когда-нибудь слышал, чтобы адвокат сидел в тюрьме?

– Я тоже об этом думал, – сказал Уэсли, надеясь тем самым вернуть полицейского в прежнее благодушное настроение.

– Подумай всерьез.

– Обязательно, – пообещал Уэсли, мечтая, чтобы полицейский заткнулся.

– И никогда не носи при себе оружия. Понял?

– Да, сэр.

– Послушай совета человека, который повидал жизнь и небезразличен к судьбе молодого поколения.

Теперь Уэсли было ясно, почему именно этому полицейскому поручили отвезти его в аэропорт. Чтобы хоть на время выставить его из участка и избавиться от нравоучений. Полицейский пробормотал что-то невразумительное и закурил

сигарету, на мгновение убрав руки с руля. Машина опасно вильнула в сторону. От дыма Уэсли закашлялся. Ни отец, ни Кролик не курили.

Когда они подъехали к порту, Уэсли увидел «Клотильду». На палубе никого не было. А он почему-то все ждал, что из рубки вот-вот выйдет отец и проверит канат. Отца вечно беспокоило, как бы вдруг не разразился шторм – тогда канаты не выдержат. «Перестань, – сам себе сказал Уэсли, – перестань, он больше никогда не выйдет на палубу». А что, если открыть дверцу машины, выпрыгнуть и убежать? В минуту можно скрыться от толстого полицейского, спрятаться, а с наступлением темноты пробраться на «Клотильду», вывести ее в открытое море и взять курс на Италию, потому что до Италии ближе, чем до любой другой страны. Будет ли полицейский стрелять? Из-под куртки у него торчала кобура пистолета. Нет, рискованно. Нельзя. Сегодня, во всяком случае, он должен вести себя разумно. Он еще вернется в Антиб.

– Корабли! – с презрением сказал полицейский и нажал на акселератор.

Уэсли закрыл глаза. Он больше не хотел видеть «Клотильду».

Рудольф с Дуайером ждали его возле регистрационной стойки. У ног Дуайера стоял отделанный искусственной кожей рюкзак Уэсли, а в руках он держал большой желтый кон-

верт.

– Твоя мать и ее муж, – сказал Рудольф, – уже прошли паспортный контроль и ждут тебя. Они летят тем же самолетом.

Уэсли кивнул. Он боялся расплакаться.

– Все будет в порядке, мсье Джордах, – почтительно обратился к Рудольфу ажан. – Я пройду вместе с ним и посажу его в самолет.

– Мерси, – поблагодарил Рудольф.

– Вот твои вещи, – показал на рюкзак Дуайер. – Тебе придется поставить его на весы. – По случаю проводов Дуайер надел костюм. Уэсли ни разу не видел Дуайера в костюме, даже на свадьбе он был без пиджака. Уэсли показалось, что Дуайер стал меньше ростом и сильно постарел; на лбу и вокруг рта у него все было иссечено тонкими морщинками. – А здесь – фотографии, – добавил Дуайер, протягивая ему конверт, – ты их сохрани. Вдруг когда-нибудь захочется на них взглянуть. – Он говорил как-то рассеянно, словно издалека.

– Спасибо, Кролик. – Уэсли взял конверт.

Рудольф протянул ему листок бумаги:

– Тут два адреса: мой домашний и на всякий случай – вдруг я куда-нибудь уеду – адрес конторы моего друга Джонни Хита. Если тебе что-нибудь будет нужно... – Его голос тоже звучал неуверенно.

«Не привык видеть, чтобы члена его семьи провожал из одной страны в другую полицейский», – подумал Уэсли, сло-

жил листок и сунул в карман.

– Береги себя, – сказал Дуайер, пока Рудольф предъявлял девушке за стойкой билет Уэсли и следил, как взвешивают его багаж.

– Не беспокойся за меня, старина, – ответил Уэсли, стараясь говорить бодро.

– А чего беспокоиться-то? – улыбнулся Дуайер, но улыбка вышла какая-то кривая. – Еще увидимся, а?

– Конечно. – Улыбнуться Уэсли не сумел.

– Пора, – по-французски сказал полицейский. Уэсли пожал руку дяде, у которого был такой вид, будто через час-другой они снова увидятся, и Дуайеру, который, наоборот, смотрел на него так, словно они прощаются навсегда.

Не оглянувшись, Уэсли прошел в сопровождении ажан через паспортный контроль. Ажан предъявил чиновнику свое удостоверение и подмигнул.

Мать и ее муж, которого Уэсли прежде никогда не видел, ждали его у выхода на поле, словно боялись, что он может убежать.

– Ты что-то побледнел, – заметила мать. Волосы у нее растрепались. Она выглядела так, словно попала в десятибалльный шторм.

– Я чувствую себя нормально, – отозвался Уэсли. – Это мой друг, – показал он на ажана. – Он из полиции и по-английски не говорит.

Ажан чуть поклонился. Пока все шло хорошо, и он мог

позволить себе быть галантным.

– Объясни им, что я обязан посадить тебя в самолет, – сказал он по-французски.

Уэсли объяснил. Мать отпрянула, словно ажан был болен заразной болезнью.

– Познакомься с твоим новым отцом, – сказала мать. – Это мистер Крейлер.

– Приветствую вас, – провозгласил мистер Крейлер тоном телевизионного ведущего и протянул Уэсли руку.

– Уберите руки, – спокойно заметил Уэсли.

– Не обращай внимания, Эдди, – заспешила мать. – Он сегодня взволнован. Что вполне естественно. Со временем он научится держать себя. Может, ты хочешь попить, малыш? Кока-колы или апельсинового сока?

– Виски, – сказал Уэсли.

– Послушайте, молодой человек, – начал мистер Крейлер.

– Он шутит, – поспешно вмешалась мать. – Правда, Уэсли?

– Нет.

Женский голос из громкоговорителей объявил о начале посадки на самолет. Ажан взял Уэсли за руку.

– Мне приказано посадить тебя на самолет, – сказал он по-французски.

«Эх, надо было рискнуть, когда мы проезжали мимо порта», – думал Уэсли, направляясь к выходу. Мать с мужем шли за ними по пятам.

Рудольф подвез Дуайера в Антиб. За всю дорогу они не проронили ни слова. Перед въездом в порт Дуайер сказал:

– Я выйду здесь. Мне надо кое с кем повидаться. – Оба знали, что он пойдет в кафе и напьется и что ему хочется остаться одному. – Вы еще не уезжаете?

– Пока нет, – ответил Рудольф. – Неделя, наверное, уйдет на всякие дела.

– Тогда, значит, увидимся, – сказал Дуайер и вошел в кафе. Он расстегнул воротничок рубашки, сорвал с себя галстук и, скомкав, сунул в карман.

Рудольф включил зажигание. В кармане у него лежало письмо от Жанны. Она придет в «Коломб д'Ор» к обеду и может встречаться с ним на этой неделе ежедневно. «В Париже снова заняты войной», – писала она.

Когда погасло табло «Пристегните ремни» и самолет, пролетая над Монте-Карло, взял курс на запад, Уэсли достал из конверта фотографии и принялся их рассматривать. Он не заметил, как мать перешла через проход и склонилась над ним. Увидев в его руках фотографии, она нагнулась и выхватила их.

– Тебе они больше не понадобятся, – заявила она. – Бедный малыш, как много тебе предстоит забыть.

Он не хотел ссориться с ней – еще слишком рано, – потому ничего не ответил и только смотрел, как она рвет фото-

графии, роняя клочки на пол. Она, видно, любительница поскандалить. Значит, в Индианаполисе скучать не придется.

Он взглянул в иллюминатор и увидел, как внизу медленно отодвигается, уходя в синее море, его любимый зеленый Антибский мыс.

Часть вторая

Глава 1

*Из записной книжки Билли Эббота
1969*

В НАТО много говорят о перемещенных лицах: о польских немцах, о восточных и западных немцах, о палестинцах, об армянах, о евреях из арабских стран, об итальянцах из Туниса и Ливии, о французах из Алжира. А будут говорить, несомненно, еще большие. О чем беседовать военным, которые спят и видят, как бы развязать войну?

Мне пришло в голову, что я принадлежу к перемещенным лицам, ибо нахожусь далеко от дома, начинен сентиментальными и, несомненно, приукрашенными временем и расстоянием воспоминаниями о счастливой и радостной жизни на родине, не испытываю лояльности к обществу (то есть к армии Соединенных Штатов), в котором проходят годы моей ссылки, хотя оно кормит и одевает меня, а также платит мне куда больше, чем я при моих весьма скромных способностях и полном отсутствии честолюбия сумел бы заработать в своей родной стране.

У меня нет привязанностей, а это значит, что я вполне

способен на подлость. Моя привязанность к Монике – чувство в лучшем случае временное. Случись перемена места службы – полковника, к примеру, переводят в часть, расквартированную в Греции или на Гуаме, а ему желательно и там иметь хорошего партнера по теннису, либо по приказу из Вашингтона, где и понятия не имеют о моем существовании, происходит передислокация воинских подразделений, либо, наконец, Монике предлагают более высокооплачиваемую работу в другой стране, – и все будет закончено.

Кстати, наши отношения могут прекратиться и сами по себе. В последнее время Моника стала раздражительной. Все чаще и чаще приглядывается ко мне, что ничего хорошего не сулит. Только абсолютно слепой эгоист может надеяться, что это пристальное внимание вызвано грустью при мысли о возможности меня потерять.

Если мы с Моникой расстанемся, я заберусь в постель к жене полковника.

Б

или Эббот, в штатском костюме, вышел под руку с Моникой из ресторана на Гранд-плас в центре Брюсселя, где они только что превосходно поужинали. Настроение у него было отличное. Правда, заплатить пришлось порядочно – во всех путеводителях ресторан этот значился как один из лучших, – но на такой ужин не жалко потратиться. К тому же днем в паре с полковником он выиграл на корте шестьдесят

долларов. Полковник обожал теннис, старался играть каждый день не меньше часа и, как подобает выпускнику Уэст-Пойнта, проигрывать не любил.

Полковник видел игру Билли, когда Билли был всего лишь капралом, и ему пришлось по душе его манера. Билли действовал так хладнокровно и хитроумно, что побеждал противников, обладающих куда более сильным ударом. Кроме того, подвижный Билли в парной игре мог контролировать три четверти площадки, а именно такой партнер и требовался сорокасемилетнему полковнику. Поэтому теперь Билли был уже не капралом, а старшим сержантом и заведовал гаражом, что давало ему немалую прибавку к сержантскому жалованью, которая складывалась из чаевых, получаемых иногда от благодарных офицеров за предоставление машин для неслужебных дел, и из более регулярных доходов от тайной продажи армейского бензина по ценам благоразумно умеренным. Полковник часто приглашал Билли ужинать. Ему, по его словам, хотелось знать, о чем думают солдаты, а жена полковника считала Билли очаровательным молодым человеком, ничуть не хуже офицера, особенно когда он был в штатском. Жена полковника тоже любила теннис и жила в надежде на то, что в один прекрасный день полковника ушлют куда-нибудь на месяц-другой и Билли останется при ней.

«Армия, конечно, стала совсем не та, – порой признавался полковник, – но надо шагать в ногу со временем». Пока в

командирах у Билли был полковник, отправка во Вьетнам ему не угрожала.

Билли знал, что от удручающего грохота вражеской канонады он с самого начала был избавлен стараниями дяди Рудольфа в Вашингтоне, и дал себе обещание когда-нибудь выказать ему свою благодарность. Как раз сейчас у него в кармане лежало письмо от дяди вместе с чеком на тысячу долларов. Из матери Билли уже выжал все, что можно, поэтому Моника, узнав о богатом дядюшке, заставила Билли попросить у него денег. Объясняя, зачем ей нужны деньги, она явно чего-то недоговаривала, но Билли уже давно привык к этой недоговоренности. Он ничего не знал ни о ее семье в Мюнхене, ни о том, почему в восемнадцатилетнем возрасте она вбила себе в голову, что ей необходимо учиться в Тринити-колледже в Дублине. Она часто уходила на какие-то таинственные встречи, но все остальное время была очень уживчивой и покладистой. При переезде в его уютную квартирку в центре города она поставила условие, что он не будет задавать ей никаких вопросов, даже если она исчезнет не только на целый вечер, но и на целую неделю. У членов делегаций в НАТО бывали такие совещания и переговоры, о которых не полагалось рассказывать. Но он и не отличался любопытством, когда дело не касалось его лично.

Моника была темноволосой, всегда растрепанной, носила туфли на низком каблуке и плотные чулки – словно нарочно старалась выглядеть похуже; зато, когда она улыбалась,

ее большие голубые глаза освещали все лицо. Но эти плюсы и минусы ничего не стоили рядом с ее чудесной фигуркой. Именно фигуркой, а не фигурой – для Билли это имело значение, потому что при его росте в сто шестьдесят восемь сантиметров и хрупком телосложении высокие женщины вызывали у него комплекс неполноценности.

Если бы его сегодня спросили, чем он собирается заняться после армии, он бы, вполне возможно, ответил, что останется на сверхсрочной службе. Моника довольно часто его ругала за отсутствие честолюбия. А он с обаятельной улыбкой слушал и соглашался: чего нет, того нет. Ценность этой улыбки неимоверно возрастала в сочетании с его печальными глазами под густыми черными ресницами, ибо всякий видел, что человек, чьей душой владеет грусть, все же самоотверженно старается если не развеселить, то хотя бы немного развлечь собеседника. Но Билли ею не злоупотреблял – он знал себя достаточно хорошо.

Сегодня Монике как раз предстояла одна из ее таинственных встреч.

Выйдя из ресторана, они остановились полюбоваться площадью, где в лучах прожекторов поблескивали позолотой фасады и оконные переплеты домов.

– Ложись спать, меня не жди, – сказала она. – Я приду поздно, а может, и вовсе не приду до утра.

– Так я скоро стану импотентом, – пожаловался он.

– Ладно, не прибедняйся! – возразила она. После Трини-

ти-колледжа и нескольких лет в НАТО она говорила по-английски так, что и англичане, и американцы принимали ее за соотечественницу.

Он нежно поцеловал ее в губы и стал смотреть, как она садится в такси. Она вскочила в машину, словно была не на улице, а в секторе для прыжков в длину. Он снова восхитился брызжащей из нее энергией. И снова не расслышал адреса, который она назвала шоферу. Когда бы он ни сажал ее в такси, ни разу ему не довелось услышать, куда она едет.

Пожав плечами, он направился в кафе. Домой еще рано, а больше в этот вечер ему никого не хотелось видеть.

В кафе он заказал пива и вынул из кармана конверт с дядиным письмом и чеком. После того как на глаза Билли попался журнал «Тайм» с заметкой о смерти Тома Джордаха и с жуткой фотографией голой жены Рудольфа, между ними произошел обмен довольно теплыми письмами. Разумеется, Билли ни словом не обмолвился об этой фотографии и выразил Рудольфу вполне искренние соболезнования. Дядя Рудольф подробно изложил все семейные новости. Чувствовалось, что он одинок и не знает, чем заняться; он с грустью, но сдержанно писал о своем разводе и о том, что кузена Уэсли забрала его мамаша из Индианаполиса. Рудольф умолчал о том, что мать Уэсли значится в полицейских досье как уличная проститутка, но зато Гретхен не поскупилась на детали. Письма ее были суровыми и наставительными. Она не простила сыну, что он попал в армию, она бы предпочла,

чтобы он сел в тюрьму – тогда ей досталась бы почетная роль мученицы. «Кому что нравится», – обиженно думал он. Вот ему, например, – играть в теннис с сорокасемилетним полковником и жить в относительной роскоши в цивилизованном Брюсселе с умной, стройной, владеющей несколькими языками и, честно говоря, любимой им Fraulein²³.

Письмо к дяде с просьбой о деньгах было составлено в изящных, неназойливых и печальных выражениях. Билли намекал на карточный проигрыш, сообщал о том, что разбил машину и теперь должен купить новую... Судя по ответу, полученному сегодня утром, дядя Рудольф отнесся к бедам племянника с полным пониманием, хотя и не скрывал, что дает деньги в долг.

Моника просила приготовить ей наличные на следующее утро, так что предстояло еще сходить в банк. Интересно, зачем они ей! «А черт с ними, – плюнул он, – это всего лишь деньги, да и то чужие». И заказал еще пива.

Утром он узнал, зачем ей деньги. Явившись на заре домой, она разбудила его, подняла, сварила ему кофе и объяснила, что деньги пойдут одному сержанту со склада оружия и боеприпасов, чтобы он пропустил туда людей, с которыми она связана – она их не назвала и ничего о них не рассказывала, – на американском армейском грузовике (грузовик даст он, Билли, из своего гаража) и позволил им вывезти сколько

²³ Девушкой (нем.).

сумеют автоматов, гранат и патронов. Сам Билли в этом деле участвовать не будет. Ему только придется ночью вывести из гаража грузовик с заполненным по всем правилам путевым листом и проехать с полмили по дороге, где его будет ждать человек в форме лейтенанта военной полиции США. Грузовик вернется в гараж до рассвета. Все это она говорила спокойно, а он молча пил кофе и думал, не спятила ли она окончательно от наркотиков. Тем же ровным тоном, точно в Тринити-колледже на семинаре, посвященном творчеству какого-нибудь малоизвестного ирландского поэта, она сообщила Билли, что он был выбран ею в любовники из-за своей должности начальника гаража, хотя с тех пор, призналась Моника, она очень, очень к нему привязалась.

– А для чего вам оружие? – помолчав, спросил он слегка дрожащим голосом.

– Этого я не имею права сказать, милый, – ответила она, ласково поглаживая его по руке. – Да тебе и самому лучше об этом не знать.

– Ты террористка, – догадался он.

– Что ж, это определение не хуже других, – пожала она плечами. – Я лично предпочитаю называться идеалисткой, борцом за справедливость, врагом тирании или просто защитником самого обычного, истерзанного жизнью, подвергнутого идеологической обработке человека. Выбирай по вкусу.

– А если я сейчас пойду в НАТО и расскажу там про те-

бя? Про вашу идиотскую затею? – До чего глупо сидеть в маленькой кухоньке в одном халате на голое тело, дрожа от холода, и рассуждать о взрывах и убийствах.

– Я бы не стала делать этого, милый, – улыбнулась она. – Во-первых, тебе никогда не поверят. Я скажу, что объявила тебе о своем уходе и ты решил мне отомстить таким странным способом. Кроме того, некоторые из моих приятелей отличаются весьма скверным характером...

– Ты мне угрожаешь, – сказал он.

– Называй это как хочешь.

По ее взгляду он видел, что она не шутит. Он похолодел от страха. Впрочем, он никогда и не считал себя храбрецом и в жизни не участвовал в драке.

– Если я пойду на это, то только один раз, – сказал он, стараясь говорить спокойно, – и больше мы с тобой никогда не увидимся.

– Как угодно, – тем же ровным тоном отозвалась она.

– В полдень я скажу тебе, что я решил, – сказал он, лихорадочно обдумывая, как в течение этих шести часов удрать от нее и ее приятелей с их бредовыми планами, улететь в Америку, спрятаться в Париже или Лондоне.

– Что ж, банки открыты и после обеда, – согласилась Моника. – Времени у нас хватит. Но ради твоей же безопасности предупреждаю: за тобой будут следить.

– Что ты за человек! – вскричал он срывающимся голосом.

– Если бы ты не был таким легкомысленным, беспечным и самоуверенным, – ответила она, по-прежнему не повышая тона, – то, прожив со мной столько времени, ты мог бы об этом и не спрашивать.

– Не понимаю, что легкомысленного и самоуверенного в нежелании убивать людей, – парировал он, уязвленный ее характеристикой. – Нечего задирать нос!

– Каждое утро ты надеваешь солдатскую форму, – сказала она. – А ведь тысячи парней твоего возраста, одетые в такую же форму, ежедневно убивают сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Вот что я считаю легкомыслием. – Глаза у нее потемнели от гнева.

– И ты решила этому помешать? – возвысил он голос. – Ты и горстка твоих приятелей-террористов?

– Мы пытаемся. Мы много чего пытаемся сделать, в том числе и это. По крайней мере будем утешаться тем, что пытались. А чем утетишься ты? – усмехнулась она. – Тем, что играл в теннис, пока это все происходило? Что на свете не осталось ни одного человека, который испытывал бы к тебе уважение? Что ты сидел сложа руки, пока люди, чьи сапоги ты лижешь с утра и до вечера, договаривались взорвать земной шар? Когда весь мир взлетит на воздух, ты, умирая, будешь гордиться тем, что жрал, пил и спал с женщинами, пока все это готовилось? Проснись! Нет такого закона, который требует, чтобы ты ползал как червяк!

– Все это слова, – огрызнулся он. – А что вы делаете? Уго-

няете израильский самолет, бьете стекла в посольстве, стреляете в полицейского регулировщика? Так, по-вашему, можно спасти мир?

– При чем тут израильтяне? У нас, в нашей группе, на этот счет разные мнения, потому можешь не беспокоиться за своих приятелей-евреев... да и моих тоже.

– Спасибо, – насмешливо поклонился он, – за твою типично немецкую снисходительность к евреям.

– Негодяй! – Она попыталась было дать ему пощечину, но он успел схватить ее за руку.

– Ты это брось! – пригрозил он. – С автоматом ты, может, и справляешься, но боксера из тебя не выйдет. Бить себя я не позволю. Ты тут орала и угрожала, требуя от меня того, за что я могу получить пулю в лоб либо сесть в тюрьму на весь остаток жизни, но так и не удосужилась ничего объяснить. – Позабыв о страхе, он перешел в наступление: – Если я и решусь помочь вам, то вовсе не из боязни и не за деньги. Ладно, давай договоримся. Ты права: нет такого закона, который требует, чтобы я ползал как червяк. Ты меня убедила, я – с вами. А теперь сядь, держи свои руки и угрозы при себе и, не трепыхаясь, объясни все по порядку. И только так, а не иначе. Ясно?!

– Пусти руку, – угрюмо сказала она.

Он отпустил ее. Она смотрела на него с ненавистью. И вдруг рассмеялась.

– Знаешь, Билли, а ведь ты, честно говоря, рассуждаешь

здорово. Кто бы мог подумать? По-моему, нам надо сварить еще кофе. И ты замерз. Пойди оденься, натяни свитер, и за завтраком мы потолкуем о том, как чудесно в двадцатом веке быть живым.

В спальне, пока он одевался, его снова начало знобить. Но, даже дрожа, он чувствовал необыкновенный подъем. Впервые он не отступил, не ускользнул, не уклонился. Речь шла о жизни или смерти – это ясно. С Моникой шутки плохи. В газетах каждый день пишут об угоне самолетов, о взрывах бомб, об убийствах политических деятелей, о массовых кровопролитиях, и все это замышляют и осуществляют люди, которые сидят за соседним письменным столом, едут с тобой в одном автобусе, ложатся в твою постель, обедают вместе с тобой. Уж так ему повезло, что и Моника оказалась из их числа, а он вправду ни о чем даже не подозревал. Она причинила ему жестокую боль, нанесла оскорбление. Одно дело – знать, что ты человек никчемный, но совсем другое – услышать это от женщины, которой ты восхищался, более того, которую ты любил и верил в ее любовь!

Ее смех в конце беседы был данью уважения, и он принял эту дань с благодарностью. Теперь в глазах Моника он стал достойным противником, с которым следовало и обращаться соответственно. До сих пор он не старался переделать мир и был доволен тем, что занял в нем теплый военный уголок. Теперь его оттуда вытащили, и ему придется на это реагировать. Хочет он или нет, а во что-то его уже втянули. И он

сразу же понял, что вся жизнь его коренным образом изменилась.

Черт бы ее побрал!

Когда он снова вошел в кухню, кофе был уже готов. Моника сбросила туфли и ходила по кухне в одних чулках, растрепанная – ни дать ни взять домашняя хозяйка, только что вставшая с супружеского ложа, чтобы приготовить завтрак мужу. Странно говорить в кухне о терроре, рассуждать о кровопролитии возле горящей плиты, выбирать жертву под стук кастрюль и сковородок! Он сел за исцарапанный деревянный стол, добытый на какой-то бельгийской ферме, и Моника налила ему кофе. Кофе она варит отлично, как всякая немецкая Hausfrau²⁴. Он с удовольствием сделал первый глоток. Она налила кофе себе, ласково улыбнулась. Женщина, объяснившая ему, что его выбрали ей в любовники только потому, что он распоряжается гаражом, где можно брать грузовики для выполнения опасных заданий, исчезла. На некоторое время. «На десять минут этого прохладного утра», – думал он, глотая обжигающий кофе.

– Ну, с чего мы начнем? – спросил он и посмотрел на часы. – Давай побыстрее. Мне пора на работу.

– Начнем сначала, – ответила она. – С того, что творится в мире. А в мире все вверх дном. Кругом фашисты...

– И в Америке?.. – спросил он. – Брось, Моника.

– В Америке они пока действуют тайно, – раздраженно от-

²⁴ Домашняя хозяйка (нем.).

ветила Моника. – Не вылезают на поверхность. А кто снабжает их оружием, деньгами, помогает скрываться? Богачи из Вашингтона, Нью-Йорка, Техаса. Впрочем, если ты бережешь невинность, то нам не о чем разговаривать.

– Ты как будто цитируешь книгу.

– Ну и что? – удивилась она. – Чем это плохо? Вообще читать книги очень полезно, и тебе тоже не помешало бы кое-что почитать. А если ты так печешься о своей любимой родине, то могу тебя обрадовать: в Америке мы сейчас не действуем – наша группа, во всяком случае. За других я не отвечаю. Бомбы рвутся везде, и в Америке тоже, а будет их еще больше, обещаю тебе. Америка – это основание пирамиды, и потому именно она главная наша мишень. Ты глазам своим не поверишь, когда увидишь, как легко она рухнет, ведь построена-то она на песке – на лжи, безнравственности, ворованном богатстве, порабощении, а под этим ничего нет, пустота!

– Опять цитата? – усмехнулся он. – Может, проще взять книгу в библиотеке и дать ее мне почитать?

– И наша задача, – продолжала Моника, не обращая внимания на его насмешку, – показать это всему миру.

– И как же вы собираетесь действовать? Силами спятивших с ума гангстеров?

– Я запрещаю тебе употреблять это слово, – прошипела она.

– Называй их как хочешь. Бандиты. Наемные убийцы.

– Мы будем атаковать все чаще и чаще. Власти начнут тревожиться, почувствуют неуверенность и в конце концов испугаются. А страх заставит их делать одну ошибку за другой, и последствия с каждым разом будут все более роковыми. Примутся закручивать гайки, потом пойдут на губительные уступки, и люди, поняв, что их правители близки к поражению, поднимутся на новые схватки, пробьют новые бреши в стене.

– Может, сменишь пластинку, а? – сказал он.

– Сначала убьют президента правления банка, – вещала она в экстазе, – потом похитят посла, страну парализует забастовка, наступит девальвация. Откуда последует очередной удар, никто знать не будет, но будут знать, что он непременно последует. И тогда начнется такое закручивание гаек, что все взлетит на воздух. Тут не нужны армии... Требуется лишь горстка людей, безоговорочно верящих в идею...

– Вроде тебя? – спросил он.

– Да, а что? – вызывающе ответила она.

– А что потом, после вашей победы? – спросил он. – Восторжествует Россия? Этого вы добиваетесь?

– Дойдет очередь и до России, – ответила она. – Неужели ты считаешь меня такой дурой?

– Тогда чего же ты добиваешься?

– Чтобы земной шар перестали отравлять, чтобы мы не были обречены на вымирание, чтобы не существовало ни солдат, ни шпионов, чтобы не поднимались в воздух бомбар-

диловщики с атомными бомбами на борту, чтобы не было продажных политиканов и убийств ради денег... Люди страдают, и я хочу, чтобы они узнали, кто заставляет их страдать и какой это приносит доход.

– Понятно, – сказал он. – Все это прекрасно, а теперь поговорим о деле. Предположим, я достану вам грузовик, предположим, вы добудете гранаты, бомбы, автоматы. Что вы конкретно собираетесь с ними делать?

– Конкретно, – ответила она, – мы намерены высадить все стекла в одном здешнем банке, подложить бомбу в испанское посольство и разделаться с одним немецким судьей – самой большой свиньей в Европе. Больше я тебе ничего не могу сказать. Ради твоей же собственной безопасности.

– Я вижу, ты готова на многое ради моей безопасности, – иронически поклонился он. – Выражаю тебе благодарность от имени моей матери, полковника и от себя лично.

– Хватит болтать, – осадила его она. – И брось этот тон.

– А у тебя такой тон, будто ты вот-вот меня прикончишь, милая моя террористочка, – ответил он, поддразнивая ее, чтобы обрести смелость.

– Я еще никого не убила, – сказала она. – И не собираюсь. У меня другие обязанности. А чтобы тебя не мучила совесть, могу тебе сообщить, что здесь, в Бельгии, мы решили обходиться без жертв. Наши действия носят чисто символический характер. Мы просто хотим лишить их спокойствия, напугать.

– Это в Бельгии, – отозвался он. – А в других местах?

– Не твое дело, – ответила она. – Тебе незачем об этом знать. Позже ты, если разделишь наши взгляды и захочешь принять более активное участие в наших действиях, пройдешь курс обучения и будешь присутствовать при обсуждениях. А сейчас от тебя требуется сходить в банк, получить деньги по чеку твоего дяди и в один прекрасный вечер дать нам на несколько часов грузовик. Черт возьми, – вдруг разозлилась она, – что тут для тебя нового? Ты же сам берешь взятки! Думаешь, я не знаю, откуда у тебя столько денег при твоем-то сержантском жалованье? И бензином ты торгуешь...

– Боже мой, Моника, – удивился он, – неужели ты не видишь разницы между мелким жульничеством и тем, о чем ты меня просишь?

– Вижу, – ответила она. – Первое – занятие вульгарное и дешевое, а второе – благородное. Ты живешь в каком-то трансе. Ты сам себе не по душе, и, судя по тому, что ты рассказывал мне про свою семью – про мать, отца, дядю, про тех, с кем ты работаешь, – ты презираешь и всех окружающих. Не отрицай, пожалуйста. – Она подняла руку, не давая ему заговорить. – На тебе словно шоры надеты. Никто еще ни разу не потребовал от тебя, чтобы ты посмотрел самому себе в лицо, распрямился, увидел, что происходит. Так вот, сейчас я этого требую.

– Одновременно намекая, что, если я не пойду вам на-

встречу, меня ждут большие неприятности? – сказал он.

– Именно так, дружок, – ответила она. – И пока будешь на работе, поразмысли над всем этим.

– Обязательно. – Он встал. – Мне пора.

– К обеду я зайду за тобой, – пообещала она.

– Я так и понял, – усмехнулся он и вышел.

Первая половина дня прошла как в тумане. Проверяя путевые листы, предписания, накладные, ордера, Билли принимал одно решение за другим, всесторонне их обдумывал, отвергал, принимал новые и их тоже отвергал по зрелом размышлении. Трижды он брался за телефон, чтобы позвонить полковнику, рассказать ему обо всем, попросить совета, помощи, но тут же опускал трубку на рычаг. Он просмотрел расписание самолетов, решил сходить в банк получить деньги по дядиному чеку и ночным самолетом улететь в Нью-Йорк. В Вашингтоне он пойдет в ЦРУ, объяснит, в какой попал переplet, и, провожаемый восхищенными взглядами, засадит Монику за решетку. Восхищенными ли? А может, сотрудники ЦРУ, поднаторевшие в убийствах, организации подпольной борьбы, свержении правительств, поздравят его, а в душе будут презирать за трусость? Или еще хуже – превратят в двойного агента, прикажут вернуться в Брюссель, вступить в банду, к которой принадлежит Моника, и еженедельно докладывать о ее действиях? И он правда хочет засадить Монику за решетку? Даже сегодня утром он, честно говоря, не мог бы утверждать, что не любит ее. Любит? А что

такое любовь? С большинством женщин ему было скучно. Как правило, после близости с женщиной он спешил встать и уйти домой. С Моникой же все было по-другому. Такого наслаждения он никогда еще не испытывал, и какими бы жаркими ни были их объятия ночью, он с воодушевлением ждал возможности лечь с ней в постель и днем.

Он не хочет умирать. Он знал это, как знал и то, что не хочет расставаться с Моникой. И было нечто возбуждающее, глубоко волнующее в мысли о том, что у него хватит смелости ночью спать с женщиной, которая, как ему известно, способна отдать приказ о его казни в полдень.

Во что превратится его жизнь, если он скажет ей: «Я с вами»? Придется вести двойное существование? Играть с полковником в теннис и, услышав поблизости шум взрыва, думать, что ты сам его подготовил? Пройти мимо банка дяди Рудольфа и тайком положить на его порог бомбу, которая взорвется утром перед открытием? Познакомиться с мечущимися из страны в страну фанатиками – в учебниках по истории о них, быть может, напишут как о героях, а пока что они убивают людей с помощью яда и голыми руками; они посвятят его в свои тайны и помогут забыть, что он всего сто шестьдесят восемь сантиметров ростом.

Он так и не позвонил полковнику, не получил деньги по чеку, не договорился насчет грузовика и не поехал в аэропорт.

Все утро он провел в каком-то оцепенении, и когда пол-

ковник позвонил ему и пригласил в пять тридцать на игру, он сказал: «Есть, сэр, приду непременно», хотя отчетливо понимал, что к тому времени его уже может не быть в живых.

Выйдя из гаража, он обнаружил, что она ждет его у ворот. На сей раз она была причесана, и это его обрадовало, потому что все поглядывали на них понимающе – хотя и скрывали усмешку из уважения к начальству, – а ему было бы неприятно, если бы его подчиненные решили, что он связался с какой-то неряхой.

– Ну? – спросила она.

– Пошли обедать, – вместо ответа сказал он.

Он повел ее в дорогой ресторан, куда, как он знал, вряд ли пойдут его сослуживцы, даже если им надоела еда в американской столовой. Он чувствовал себя более уверенно там, где кругом хрустящие скатерти, цветы на столиках, внимательные официанты, где нет и намека на крушение мира, на помешанных заговорщиков, на рушащиеся пирамиды. Он сделал заказ для них обоих. А она прикинулась, будто ее вообще не интересует, что она будет есть, даже не взяла меню в руки. Он злобно усмехнулся про себя, зная причину ее нежелания посмотреть меню. Чтобы прочесть названия блюд, ей пришлось бы надеть очки с толстыми линзами, а она стеснялась показываться в общественном месте с такими очками на носу. Но когда еду принесли, она ела с гораздо большим аппетитом, нежели он. Интересно, как ей удастся сохранять

фигуру?

За обедом они негромко и спокойно беседовали о погоде, об открывающейся на следующий день конференции, в которой ей предстояло участвовать в качестве переводчицы, о его встрече с полковником на корте в пять тридцать, о приезжающем в Брюссель театре, спектакли которого ей хотелось посмотреть. Об их утреннем разговоре не было сказано ни слова, и только когда принесли кофе, она спросила:

– Так что же ты решил?

– Ничего, – ответил он. В уютном ресторане было не просто тепло, а жарко, но его снова затрясло. – Утром я отправил чек обратно дяде.

– Разве это не решение? – холодно улыбнулась она.

– В известной мере, – согласился он. Он лгал. Чек лежал у него в бумажнике. Он не собирался ничего такого говорить. Слова вырвались сами собой, словно у него в голове нажали кнопку. Но теперь, произнеся их, он понял, что в самом деле отправит чек назад, поблагодарит дядю и объяснит, что его финансовые дела неожиданно улучшились и в данный момент он не нуждается в помощи. Зато удобнее будет обратиться к Рудольфу в другой раз, когда действительно она ему позарез понадобится.

– Ладно, – спокойно сказала она. – Если ты боишься, что твои деньги могут засечь, я тебя понимаю. – Она пожала плечами. – Не так уж это важно. Добудем деньги в другом месте. А как насчет грузовика?

– Я пока этим не занимался.

– У тебя еще есть вся вторая половина дня.

– Я ничего не решил.

– Не беда, – сказала она. – Притворись, что ничего не видишь, и все.

– Этого я тоже не собираюсь делать, – сказал он. – Я должен как следует подумать, прежде чем на что-то решиться. Если твои друзья задумают меня убить, – добавил он со злостью, но не повышая голоса, потому что к ним подходил официант с кофейником в руках, – передай им, что я буду вооружен. – Ему довелось однажды поупражняться с пистолетом. Он научился разбирать его и собирать, но в стрельбе по мишени выбил очень мало очков. «Перестрелка в корале, только в брюссельском! – подумал он. – Кто там играл? Джон Уэйн? Интересно, как бы поступил на моем месте Джон Уэйн?» Он засмеялся.

– Чего ты смеешься? – рассердилась она.

– Вспомнил один старый фильм, – ответил он.

– Да, пожалуйста, – сказала она по-французски официанту, который выжидающе стоял над ней с серебряным кофейником в руках.

Официант наполнил их чашки.

– Можешь оставить пистолет дома, – криво усмехнулась она, когда официант ушел. – Никто в тебя стрелять не собирается. Ты не стоишь и одного патрона.

– Приятно слышать, – поклонился он.

– Интересно, тебя что-нибудь трогает? Производит на тебя впечатление?

– К следующей нашей встрече я приготовлю целый список и передам тебе. Если встреча состоится.

– Состоится, – сказала она.

– Когда ты съезжаешь с квартиры? – спросил он.

Она подняла на него удивленные глаза. Он не мог понять, в самом деле она удивлена или притворяется.

– Я не собиралась съезжать. А ты хочешь, чтобы я съехала?

– Не знаю, – ответил он. – Но после сегодняшнего разговора...

– Давай на некоторое время забудем наш разговор, – сказала она. – Мне нравится жить с тобой. Я пришла к выводу, что политику и секс не надо смешивать. Кое-кто, возможно, считает иначе, но я в этом убеждена. Мне с тобой хорошо. С другими мужчинами у меня так не получается, даже с единомышленниками, а мы давно уже знаем, что в постели удовольствие должен получать не только мужчина, но и женщина. Ты, мой милый, послан Господом Богом бедной девушке в ответ на ее молитвы – уж извини за откровенность. Кроме того, мне нравится, как кормят в ресторанах, куда ты так любезно меня водишь. Поэтому... – Она закурила сигарету. Она курила одну сигарету за другой, и все пепельницы в квартире вечно были полны окурков. Его это раздражало, потому что сам он не курил и с полной серьезностью отно-

сился к статистике о росте смертности среди курящих. Но не станет же террористка, постоянно живущая в ожидании ареста, беспокоиться о том, что может умереть от рака легких в шестьдесят лет. – Поэтому, – продолжала она, выпустив дым через нос, – я разграничу свою жизнь. Для секса, омаров и *rôte de foie gras*²⁵ будешь ты, для менее серьезных дел, вроде убийства немецкого судьи, – другие. Ну скажи, разве я не умница?

«Она режет меня на куски, – думал он, – на крошечные кусочки».

– Отстань, – пробурчал он.

– Не смотри так мрачно, дружок, – сказала она. – Помни, от каждого по способностям. Между прочим, у меня вся вторая половина дня свободна. Ты можешь улизнуть на часок-другой?

– Могу. – Он уже давно довел систему уходов, приходов и отлучек до совершенства.

– Вот и хорошо. – Она погладила его по руке. – Пойдем домой и заберемся в постель.

Кляня себя за неспособность устоять, швырнуть на стол деньги и уйти из ресторана с гордо поднятой головой, он сказал:

– Мне нужно вернуться в гараж минут на десять. Встретимся дома.

– Жду не дождусь, – улыбнулась она, и на ее баварско-ир-

²⁵ Печеночного паштета (*фр.*).

ландском лице засияли огромные голубые глаза.

Глава 2

*Из записной книжки Билли Эббота
1969*

В ближайшее время я ничего писать не буду.

О Монике лучше помолчать.

Кругом ищейки. В любой момент могут нагрянуть так называемые грабители. В Брюсселе это обычное дело.

Моника злая как ведьма.

Я ее люблю. Но она мне не верит.

Сидни Олтшелер стоял у окна в своем кабинете на одном из верхних этажей небоскреба «Тайм» – «Лайф» и смотрел на огни в соседних зданиях. Настроение у него было мрачное, потому что ему предстояло трудиться и в субботу, и в воскресенье.

В дверь тихо постучали, вошла его секретарша.

– Вас хочет видеть некий Уэсли Джордах.

– Джордах? – нахмурился Олтшелер. – Не знаю никакого Джордаха. Скажите, что я занят, пусть напишет мне письмо.

Секретарша уже собралась выйти, но тут он вспомнил.

– Подождите минуту, – сказал он. – Пять или шесть месяцев назад мы напечатали заметку об убийстве. Убили чело-

века по фамилии Джордах. Пусть войдет. У меня есть пятнадцать минут свободных, пока не пришел Тэтчер с переделанной статьей. Вдруг у этой истории про Джордаха есть какое-нибудь продолжение, которое можно использовать? – Он отвернулся к окну и, глядя на огни, которые завтра гореть не будут, потому что в субботу вице-президенты, клерки, бухгалтеры, курьеры – словом, все-все – имеют право наслаждаться отдыхом, снова принялся мрачно размышлять о предстоящем трудовом уик-энде.

В дверь опять постучали, и секретарша впустила юношу в костюме, из которого он явно вырос.

– Входите, входите, – пригласил Олтшелер, усаживаясь за стол. У стола стоял еще один стул, и он указал на него юноше.

– Я вам нужна? – спросила секретарша.

– Если понадобится, я позову. – Он посмотрел на юношу лет шестнадцати-семнадцати, но рослого для своих лет. Худое красивое лицо, глаза как буравчики. Похоже, занимается спортом. – Чем могу быть вам полезен, мистер Джордах? – весело спросил он.

Юноша протянул ему вырванную из «Тайма» страницу.

– Вы напечатали заметку про моего отца, – сказал он низким звучным голосом.

– Да, помню. – Олтшелер помолчал. – А кто ваш отец? Мэр?

– Нет, – ответил юноша. – Мой отец был убит.

– Понятно, – отозвался Олтшелер, стараясь говорить с

участием. – Как вас зовут, молодой человек?

– Уэсли.

– Нашли убийцу?

– Нет. – Уэсли помолчал, потом добавил: – То есть формально не нашли.

– Я так и думал. В печати ничего больше не появлялось.

– В общем, я хотел увидеть человека, который написал эту заметку. Я так и сказал внизу, но они куда-то позвонили и выяснили, что ее писал человек по фамилии Хаббел и что он до сих пор во Франции. Поэтому я купил «Тайм» и увидел вашу фамилию.

– Понятно, – повторил Олтшелер. – А зачем вам понадобился мистер Хаббел? По-вашему, в заметке есть нечто обидное для вас или допущены ошибки?

– Нет. Дело совсем не в этом.

– Или с тех пор произошло что-нибудь, о чем, по-вашему, нам следует знать?

– Нет. Просто я хотел поговорить с мистером Хаббелом о моем отце и о семье моего отца. Об этом в заметке много написано.

– Ясно. Но мистер Хаббел ничем не мог бы вам помочь. Все это было написано здесь. Материал разыскали в нашем архиве.

– Я плохо знал отца, – продолжал Уэсли. – Он уехал, когда я был совсем маленьким, а встретились мы только два года назад. Мне хотелось бы узнать о нем больше.

– Я вас понимаю, Уэсли, – мягко согласился Олтшелер.

– В заметке было гораздо больше, чем я знал. Я составил список людей, с которыми мой отец встречался в разное время его жизни, и «Тайм» тоже вошел в этот список – вот и все.

– Понятно. – Олтшелер позвонил, тут же вошла секретарша. – Мисс Прентис, выясните, пожалуйста, кто готовил материал для заметки о Джордахе. По-моему, если я не ошибаюсь, мисс Ларкин. Отведите молодого человека к ней. Передайте ей, что я прошу помочь мистеру Джордаху. – Он встал. – Извините, но мне пора за работу. Спасибо, что зашли, Уэсли. Желаю удачи.

– Благодарю вас, сэр. – Уэсли встал и вышел вслед за секретаршей.

Олтшелер снова подошел к окну. Вежливый и грустный юноша. А что бы он сам стал делать, если бы убили его отца и он был уверен, что знает, кто убийца? В Йельском университете, где он получил степень бакалавра, такие проблемы не обсуждались.

Мисс Ларкин занимала маленькую комнатку без окон, с дневным светом. Это была невысокая молодая женщина в очках, немодно одетая, но хорошенькая. Она кивала головой, робко поглядывая на Уэсли, пока мисс Прентис объясняла цель его визита.

– Посидите здесь, мистер Джордах, – сказала она, – а я схожу в архив. Вы сможете прочитать все, что я раскопала.

Она спохватилась и вспыхнула, но было уже поздно. Разве можно говорить «раскопала», когда перед тобой юноша, отец которого убит? И архивный материал надо еще раз просмотреть, прежде чем показывать ему. Она очень хорошо помнила, как работала над этой историей, – в основном потому, что все это очень уж отличалось от ее собственной жизни. Она никогда не бывала на Ривьере – собственно, она вообще не выезжала из Америки, – но, пока училась в колледже, много читала, и юг Франции запечатлелся в ее воображении как место, где непрерывно происходят любовные истории и трагедии: Скотт Фицджеральд носился там по Бриллиантовому поясу Лазурного берега с одного приема на другой, отчаянный Дик Дайвер веселился на сверкающем в лучах солнца пляже, а впереди их ждали беда и полный крах. Она даже сохранила свои записи по курсу литературы, точно предчувствуя, что в один прекрасный день займется изучением литературной географии. Она посмотрела на юношу, который побывал там и столько пережил, а сейчас стоял перед ней в своем тесном костюме, и ей захотелось расспросить его, узнать, что ему известно обо всем этом.

– Не хотите ли пока кофе? – спросила она.

– Спасибо, мэ, нет, – ответил он.

– Дать вам полистать новый журнал?

– Спасибо, я купил его внизу.

– Я сейчас же вернусь, – весело сказала она. «Бедный мальчик, – подумала она, выйдя из комнаты. – И такой кра-

сивый. Даже в этом нелепом костюме!» Она была романтична, увлекалась поэзией. Сейчас он представился ей во всем черном, точно молодой Йетс на ранних фотографиях.

Когда она вернулась, держа в руках папку с архивными материалами, он сидел сгорбившись, упершись локтями в колени и свесив кисти рук, как футболист на скамье запасных.

– Здесь все, – сказала она оживленно. Она долго думала: оставить или убрать снимок голой Джин Джордах, но в конце концов решила оставить. Фотография ведь была напечатана в журнале, и он наверняка ее видел.

– Можете не торопиться, – сказала она. – У меня есть другие дела... – Она показала на кучу вырезок. – Но вы мне не мешаете. – Ей было приятно его присутствие. Не так тоскливо.

Уэсли смотрел на папку, не решаясь открыть ее, а мисс Ларкин занялась работой – что-то резала, писала. Время от времени она поглядывала на него. Наконец он это заметил, что ее порядочно смутило. «Ничего, – думала она, ища оправдания самой себе, – пора ему привыкать ко взглядам девушек. Они за ним будут бегать табунами».

Он вынул из папки первую фотографию. Она увидела, что это фотография его отца в боксерских трусах. Отец готовился нанести удар, выражение лица у него было свирепое. «Здесь он совсем молодой, наверное, моих лет», – подумал Уэсли. На груди и руках отчетливо была видна каждая мыш-

ца. Противники, наверно, боялись его до смерти.

Мисс Ларкин тоже обратила внимание на эту фотографию. Ей красивый боксер показался хулиганом, от которого лучше держаться подальше. Она предпочитала мужчин с интеллигентной внешностью. Юноша же впился в фотографию, забыв обо всем, и мисс Ларкин принялась откровенно рассматривать его. Он удивительно похож на отца, только в нем нет ничего хулиганского. Ему, наверное, лет девятнадцать, можно пригласить его вниз в бар. В наши дни девятнадцатилетний юноша – уже вполне зрелый мужчина. Ей самой всего двадцать четыре, не такая уж большая разница в возрасте.

Фотография была вырезана из журнала «Ринг» вместе с небольшой заметкой, в которой говорилось: «Том Джордан, многообещающий боксер второго среднего веса, одержавший победы в четырнадцати поединках, из них восемь нокаутом, едет в Лондон, где выступит в Альбертхолле против Сэмми Уэльса, претендента на звание чемпиона Англии в среднем весе. Артур Шульц, менеджер Джордана, утверждает, что еще четыре-пять поединков – и Томми будет непобедим в своей категории».

На листке, прикрепленном к фотографии, было напечатано на машинке: «Поединок в Лондоне выигран нокаутом. Через три недели дерется в Париже с Рене Бадю. Нокаут в седьмом раунде. После этого сведения нерегулярны, выступает значительно хуже. Нанят спарринг-партнером для

Фредди Куэйлса из Лас-Вегаса, штат Невада. Куэйлс – основной претендент на звание чемпиона в среднем весе. Ссора между Куэйлсом и Джорданом. Репортер из Лас-Вегаса сообщил, что, по слухам, в номере отеля была драка из-за жены Куэйлса, впоследствии статистики в Голливуде. Найден свидетель, видевший Куэйлса в больнице сильно избитым. Куэйлс не сумел восстановить форму, покинул ринг, сейчас служит продавцом в магазине спортивных товаров в Денвере, штат Колорадо. Т. Джордан исчез из Лас-Вегаса. Был выдан ордер на его арест по обвинению в краже автомобиля. С тех пор нигде не появлялся».

Вот и все. В нескольких строчках изложена целая жизнь, а итог в шести словах: «С тех пор нигде не появлялся». «Очень даже появлялся – в Антибе», – с горечью подумал Уэсли. Он вынул ручку и на листке бумаги записал: «Артур Шульц, Фредди Куэйлс».

Потом снова принялся рассматривать фотографии отца: левая рука выдвинута вперед, правая прикрывает подбородок, плечи подняты, свирепое выражение на молодом лице; по словам человека сведущего, еще четыре-пять поединков – и он был бы непобедим. И нигде больше не появлялся.

Уэсли посмотрел на мисс Ларкин.

– Я бы, наверное, не узнал его, если бы он сейчас вот такой вошел сюда. – Он усмехнулся. – Хорошо, что при таких плечах он не был сторонником телесных наказаний для детей.

Мисс Ларкин поняла, что Уэсли гордится мускулистым

телом и задиристым нравом отца, которому тут немного больше, чем ему самому сейчас.

– Если хотите взять эту фотографию, – сказала она, – я дам вам большой конверт, чтобы она не помялась.

– Правда? – не поверил Уэсли. – Можно ее забрать?

– Конечно.

– Вот здорово-то! – обрадовался Уэсли. – А то у меня нет его фотографий. Было несколько, но более поздних... Тогда он уже выглядел по-другому. Нет, он выглядел неплохо, – поспешно добавил он, словно испугавшись, как бы мисс Ларкин не решила, что он дурно отзывается об отце или что отец превратился в толстого лысого старика. – Только по-другому. Наверное, из-за выражения лица. Нельзя же всю жизнь выглядеть на двадцать лет.

– Разумеется, – согласилась мисс Ларкин. Она каждое утро со страхом смотрела в зеркало в поисках морщинок вокруг глаз.

Уэсли снова полез в папку и вытащил листок с собранными мисс Ларкин биографическими данными членов семьи.

Он быстро просмотрел написанное. Все это уже известно: ранний успех дяди и скандал в колледже, два замужества тетки, карьера его отца в общих чертах. Одну строку он прочитал дважды: «Когда в тридцать пять лет Рудольф Джордах ушел от дел, он считался владельцем многомиллионного состояния». Мномомиллионного! Сколько бы раз его отцу пришлось выступить на ринге, сколько сезонов проплавать по

Средиземному морю, чтобы заработать хоть один миллион?

Он с любопытством посмотрел на сидевшую за столом хорошенькую девушку в очках. По воле случая именно ей довелось изучить историю его семьи. Интересно, что бы она ответила, если бы он спросил ее мнение о Джордах? Она писала, что история Рудольфа – типично американская история о том, как бедный юноша стал миллионером. Интересно, а про его отца она тоже скажет, что это типично американская история о том, как бедный юноша не сумел преуспеть в жизни?

Он фыркнул и чуть не засмеялся.

– Больше ничего нет. В этой папке все, – подняла на него глаза мисс Ларкин. – Не слишком-то много, к сожалению.

– Нет-нет, все очень хорошо, – заверил ее Уэсли. Ему не хотелось, чтобы эта милая молодая женщина сочла его неблагодарным. Он вернул ей папку и встал. – Большое вам спасибо. Мне, пожалуй, пора.

Мисс Ларкин тоже встала. Она смотрела на него странным взглядом, словно на что-то решааясь.

– Я тоже почти закончила на сегодня свои дела, – сказала она. – Может, сходим вместе в бар? – Она словно просила его, только он не мог понять о чем. – Позже у меня свидание... – Даже ему было ясно, что она лжет. – И целый час... мне некуда деваться.

– Меня не пустят в бар, – ответил Уэсли. – Мне еще нет восемнадцати.

– Правда? – вспыхнула она. – В таком случае спасибо за визит. Если придете сюда снова, вы знаете, где я сижу. А если я чем-нибудь могу вам помочь...

– Спасибо, мэ, – сказал он.

Она проводила его взглядом. Пиджак был ему явно узок в плечах. «Нет восемнадцати, – вспомнила она. – Ну и дура же я!»

Некоторое время она сидела, уставившись на разбросанные по столу бумажки. Ей почему-то стало казаться, что с ней происходит или произойдет что-то необычное. Она перечитала записку. Убийство, богатый брат, интеллигентная сестра, ввязавшийся в драку профессиональный боксер убит, убийца не найден. Красивый сын, еще совсем мальчик, со странным, трагическим взглядом, добивается – чего? Мести?

Она писала роман о девушке, выросшей в разбитой семье и очень похожей на нее – одинокой, наделенной воображением; о ее влюбленности в учителей, о первой любви, о первом разочаровании, о переезде из маленького провинциального городка в Нью-Йорк. Теперь она думала о своем творчестве с презрением. Все это уже тысячу раз написано.

А история этого мальчика – чем не роман? Между прочим, Драйзера навела на мысль об «Американской трагедии» записка в газете. Никого ни в драйзеровской семье, ни среди его знакомых не убивали, но все равно он написал великое произведение. А с ней в комнате всего несколько минут

назад сидел красивый мальчик с трудной судьбой, несущий на своих плечах – это было почти зримо – ношу раскаяния и печали и собирающийся с силами, думала она, сладко замирая, чтобы совершить акт мести. Гамлет в обличье американского мальчика. А почему бы и нет? Мечь – одна из старейших литературных традиций. Подставь другую щеку, сказано в Библии, но в ней же сказано и про око за око. Ее отец, неистовый ирландец, изрыгал страшные проклятия по адресу англичан, когда читал, что они до сих пор творят в Ирландии, но в их гостиной в годы ее детства висел портрет Парнелла.

«Мечь живет в наших душах, – думала она, – как в теле кровь». Мы любим делать вид, что слишком цивилизованны для этого в двадцатом веке, но человек из Вены, который всю свою жизнь посвятил выслеживанию нацистов, пользовался всеобщим уважением. Ее отец называл его последним героем Второй мировой войны.

Жаль, что она не догадалась спросить у мальчика, где он живет. Она бы разыскала его, изучила, описала в своем романе со всем его гневом, сомнениями молодости. «Конечно, это бездушно, – сказала она себе, – но либо ты писательница, либо нет». Если он когда-нибудь снова придет сюда, она постарается разузнать про него все-все.

Мисс Ларкин была радостно взволнована, словно нашла клад, и даже ощутила прилив вдохновения. Она осторожно сложила все бумаги обратно в папку и пошла в архив поста-

вить ее на место.

А потом с нетерпением стала ждать минуты, когда, очутившись дома, швырнет шестьдесят страниц написанного ею романа в огонь.

Глава 3

Когда в дверь позвонили, Рудольф сидел за пианино и пытался подобрать песенку «В погожий день». Миссис Бэртон, уже в пальто и шляпе, пошла открывать. Она обычно проводила у них день, а к вечеру отправлялась домой в Гарлем кормить собственную семью. Из кухни доносился смех Инид — она ужинала там с няней. Рудольф никого не ждал, а потому продолжал подбирать мелодию. Хорошо, что в доме есть пианино. Ему пришлось в голову купить инструмент, когда он услышал, как новая няня тихо напевает, убаюкивая Инид. Она сказала, что немного играет на фортепьяно, и Рудольф решил, что Инид пойдет только на пользу, если у них в доме зазвучит живая музыка. Может, у девочки есть способности, тогда тем более хорошо, если рядом окажется человек, который умеет играть, а не проигрыватель, делающий Баха и Бетховена обыденными и привычными, как электричество. Но через несколько дней он сам уселся за пианино и принялся подбирать мелодии. Он радовался любой возможности отвлечься и уже почти решил брать уроки музыки. Он услышал шаги миссис Бэртон.

– Мистер Джордах, пришел молодой человек, который говорит, что он ваш племянник. Впустить его?

С тех пор как Рудольф переехал на новую квартиру, занимавшую два верхних этажа небольшого особняка без швейцара, миссис Бэртон в страхе перед ворами и грабителями постоянно держала дверь на цепочке.

Рудольф встал.

– Пойду взгляну, – сказал он. В письме, пришедшем из Брюсселя неделю назад, Билли ничего не писал о приезде в Америку. Судя по письмам, племянник, по-видимому, стал приятным и неглупым молодым человеком; и в приливе родственных чувств Рудольф послал ему тысячу долларов, которую тот попросил. Может, у Билли случилась какая-нибудь неприятность по службе и он дезертировал? Тогда понятно, зачем ему понадобились деньги. Что же касается Уэсли, то после отъезда из Ниццы – почти девять месяцев назад – он как в воду канул.

Миссис Бэртон вышла вслед за ним в холл. За приоткрытой дверью на тускло освещенной площадке стоял Уэсли.

– Все в порядке, миссис Бэртон, – сказал Рудольф и открыл дверь. – Входи, Уэсли. – Он протянул ему руку, и Уэсли, чуть помедлив, пожал ее.

– Я вам сегодня больше не нужна? – спросила миссис Бэртон.

– Спасибо, нет.

– Тогда я ухожу. Всего хорошего, мистер Джордах.

– Всего хорошего, миссис Бэртон.

Она ушла, и Рудольф закрыл за ней дверь. Уэсли стоял молча – копия своего отца в отрочестве: такое же худое, бледное и безучастное лицо, настороженный и колючий взгляд. Он был в том самом костюме, в котором вышел из грасской тюрьмы, и костюм этот стал ему сейчас еще теснее, чем тогда. С тех пор Уэсли вроде даже вырос и раздался в плечах. «И подстригся», – с удовольствием отметил Рудольф.

– Рад тебя видеть, – сказал Рудольф, когда они прошли в гостиную. – Выпить хочешь?

– Пива, если можно, – ответил Уэсли.

– Располагайся поудобнее. – Рудольф пошел на кухню, где вместе с няней ужинала Инид. Няня, крупная и полная женщина лет сорока, удивительно мягко управлялась с девочкой.

– Инид, к нам приехал твой кузен Уэсли, – сказал Рудольф, вынимая из холодильника бутылку пива. Он хотел было после ужина позвать девочку в гостиную поздороваться с Уэсли, но потом решил, что не стоит. Не известно еще, зачем Уэсли приехал. Может, у него какие-нибудь душевные переживания или разочарования, как бывает в этом возрасте; тогда появление Инид только усложнит обстановку. Он поцеловал девочку в макушку, взял бутылку и стакан и вернулся в гостиную. Уэсли неловко топтался на том же месте, где Рудольф оставил его. Рудольф налил ему пива.

– Спасибо, – поблагодарил Уэсли. – А вы сами ничего не будете пить?

– Я выпью вина за ужином. Да ты садись.

Уэсли подождал, пока сел Рудольф, после этого уселся на стул лицом к нему и стал жадно пить.

– Ну, как поживаешь? – спросил Рудольф. – Каким ветром тебя занесло в Нью-Йорк?

– Я искал вас по старому адресу, – сказал Уэсли, оставив его вопрос без ответа. – Швейцар не хотел говорить мне, куда вы переехали. Не верил, что я ваш племянник. Пришлось показать ему мой библиотечный билет. – У него был обиженный тон, словно Рудольф переехал на четыре квартала к северу специально, чтобы Уэсли не мог его найти.

– Разве ты не получил моего письма? – спросил Рудольф. – Я сообщил тебе новый адрес, как только снял эту квартиру.

– Никаких писем не получал, – покачал головой Уэсли. – Нет, сэр, ни одного письма.

– В том числе и того, где я писал, что вопрос о наследстве почти улажен и что тебе причитается...

– Ничего не получил. – Уэсли отпил еще пива.

– Что же происходит с твоей почтой? – Рудольф старался говорить спокойно.

– Вероятно, мать считает, что мне незачем получать письма. Так я думаю.

– Ты уже поужинал?

– Нет.

– За ужином я расскажу тебе, о чем писал в письме.

– Я не ради разговоров о деньгах добирался на попутках из Индианаполиса в Нью-Йорк, дядя Руди, – тихо сказал Уэсли. – Я приехал... Считайте, что я приехал просто в гости.

– Мать знает, что ты в Нью-Йорке?

Уэсли покачал головой:

– Мы с матерью не часто разговариваем.

– Ты, случайно, не сбежал из дому?

– Нет. Сейчас пасхальные каникулы. Я оставил записку, что приеду к началу занятий.

– Слава Богу, – сухо сказал Рудольф. – Ты хорошо учишься?

– Ничего. По французскому лучше всех. – Он усмехнулся. – Уже научил ребят ругаться.

– Это им когда-нибудь пригодится, – улыбнулся Рудольф. И более серьезным тоном спросил: – А почему тебе пришлось добираться на попутных машинах?

– Из-за отсутствия денег, – ответил Уэсли.

– Твоя мать каждый месяц получает на твое содержание довольно приличную сумму, – сказал Рудольф. – Во всяком случае, на один автобусный билет до Нью-Йорка раз в год этих денег вполне хватит.

– Она мне не дает ни цента, – сказал Уэсли. – Но я не жалуюсь. Я после школы работаю. Мне хватает.

– Да? – усомнился Рудольф. – Это у тебя единственный костюм?

– Костюм? Да. Но у меня есть несколько свитеров и джинсов и еще одежда для школы и для работы. А зимой мне дают старый плащ сына мистера Крейлера – он солдат и сейчас во Вьетнаме, – так что я не мерзну.

– Придется, пожалуй, написать твоей матери, – заметил Рудольф. – Она не имеет права тратить твои деньги на себя.

– Не стоит поднимать шум, дядя Руди, – отозвался Уэсли и осторожно поставил стакан на пол. – И без того у нас хватает разговоров. Мать говорит, что отдаст мне все до последнего цента, если я буду ходить с ней и мистером Крейлером в церковь, как и подобает истинному христианину.

– Понятно, – заметил Рудольф. – Вот теперь картина начинает проясняться.

– Еще та картинка, а? – Уэсли снова усмехнулся. – Настоящая испанская инквизиция в Индианаполисе!

– Я, пожалуй, выпью, – сказал Рудольф. Он встал, подошел к бару, приготовил себе мартини. – Еще пива, Уэсли?

– Спасибо. – Уэсли поднял стакан с пола, встал, протянул его Рудольфу.

– Хочешь повидаться с Инид? Она на кухне. – Он заметил замешательство Уэсли. – Ее матери здесь нет. Я ведь писал тебе, что мы развелись. – Он раздраженно тряхнул головой. – Или ты и этого письма не получил?

– Нет.

– Черт побери! Теперь я буду писать тебе до востребования. Неужели тебя не удивляло, что тебе никто не пишет?

– Я как-то не задумывался.

– А ты сам писал Кролику или Кейт?

– Писал раза два, – ответил Уэсли. – Но ответа не получил и бросил писать. Вам что-нибудь про них известно?

– Конечно, – ответил Рудольф.

Каждый месяц Дуайер присылал ему отчет по расходам на «Клотильду»; он, разумеется, знал, что ее купил Рудольф. Согласно распоряжению судебных властей яхта была оценена – стоимость ее определили в сто тысяч долларов. Значит, Дуайер не ошибся. Но ни один покупатель не предложил ничего хотя бы приближавшегося к этой сумме. Дуайер отвел яхту на зиму в Сен-Тропез и поставил у причала.

– У них все в порядке. Кейт родила тебе брата. Точнее говоря, единокровного брата.

– Бедный парень! – вздохнул Уэсли, но все же несколько повеселел.

«Род продолжается», – подумал Рудольф.

– Будете писать Кейт, – сказал Уэсли, – напишите, что я как-нибудь смотаюсь в Англию и навещу ее. Получается, что только у моего отца из всей нашей семьи больше одного ребенка. А он мне говорил, что хотел бы иметь пятерых. Знаете, он здорово умел управляться с детьми. – Уэсли смущенно повертел в руках стакан. – Не люблю хвастаться, дядя Руди, но вы посмотрите, что отец сделал из меня. Я, конечно,

и сейчас ничего собой не представляю, но, пока он не вытащил меня из военной школы, я же был полным психом.

– Да, сейчас тебя психом не назовешь.

– Самое главное, – сказал Уэсли, – что я сам себя не чувствую психом. А это уже хорошо.

– Еще бы.

– Раз мы уже заговорили о детях – можно мне взглянуть на Инид?

– Конечно, – обрадовался Рудольф.

– Она по-прежнему много болтает?

– Да, – ответил Рудольф и повел его на кухню. – Даже больше, чем прежде.

Но на этот раз Инид застенчиво молчала, поэтому Уэсли сказал:

– Здравствуй, Инид! Я твой кузен Уэсли. Узнала меня?

Инид равнодушно посмотрела на него и отвернулась.

– Уже поздно, – принялась оправдываться няня. – В это время она начинает капризничать.

– Я как-нибудь зайду к вам утром, – сказал Уэсли. В маленькой кухне его по-взрослому низкий голос звучал громко и резко, и Инид закрыла уши руками.

– Мисс, ведите себя как следует, – сделала ей замечание няня.

– Это я, наверное, слишком громко говорю, – виновато заметил Уэсли, идя вслед за Рудольфом в гостиную. – На судне привыкаешь – приходится перекрикивать и ветер, и

море.

В гостиной Рудольф налил себе еще мартини, выжал в него ломтик лимона и вдруг почувствовал, как он рад, что Уэсли пришел к нему в гости и захотел повидаться с Инид. «Может быть, когда-нибудь в далеком будущем мы снова станем единой семьей. У меня почти нет личной жизни», – с грустью подумал он, и ему стало жаль себя. Надо держаться своей семьи. Он одинок, не связан брачными узами – эпизод с Жанной ушел в прошлое и почти забылся, дочь – под надежным присмотром, к тому же она еще в таком возрасте, когда он видит в ней всего лишь прелестную игрушку, так что, едва он начнет общаться со своими племянниками, они станут ему нужнее, чем он им. И все-таки пусть это случится поскорее.

– Какая бы причина ни привела тебя в Нью-Йорк, – сказал он взволнованно и приподнял стакан в знак приветствия, – я страшно рад тебя видеть.

– Спасибо. – Уэсли, немного смущенный, тоже поднял свой стакан.

– Надеюсь, больше в барах не дерешься, – улыбнулся Рудольф.

– Не беспокойтесь, – сдержанно отозвался Уэсли. – Я с этим покончил. Хотя, бывает, кулаки так и чешутся. В нашей школе много черных, и они часто дерутся с белыми, а белые – с ними. Меня, наверное, считают трусом. Ну и плевать – переживу. Я получил хороший урок. И потом, когда отец за-

бирал меня из военной школы, я дал ему обещание не драться. И нарушил это обещание только раз. Причем при особых обстоятельствах. – Уэсли мрачно смотрел в стакан, сейчас он казался старше своих лет. – Всего раз. Говорят, каждая собака имеет право один раз кого-нибудь укусить. В память об отце я должен держать свое обещание. Это самое малое, что я... – Он замолк, стиснул зубы. Рудольф испугался, что парнишка вот-вот расплчется.

– Конечно, должен, – поспешно сказал он. – А где ты остановился?

– В общежитии Христианской ассоциации молодых людей. Там совсем неплохо.

– Послушай, – сказал Рудольф, – завтра утром я увожу Инид в Монток к ее матери, а вернусь в воскресенье один. Хочешь прокатиться со мной, подышать морским воздухом?.. – Он замолчал, заметив встревоженный взгляд Уэсли.

– Спасибо, – поблагодарил его Уэсли. – С удовольствием, но в другой раз. Мне пора обратно в Индианаполис.

– Тебе не придется голосовать. Я дам тебе денег на самолет. – «Когда наконец я перестану предлагать людям деньги вместо того, что им на самом деле нужно?» – с отчаянием подумал он.

– Не стоит, – отказался Уэсли. – По правде говоря, мне даже нравится голосовать. Каких только людей не встретишь!

– Нет так нет, – обиженно сказал Рудольф, но осуждать

мальчика за нежелание встретиться с Джин и заново пережить в памяти все события он не мог. — Но если хочешь переночевать, — добавил он, — я могу устроить тебя здесь на диване. Комнаты для гостей у нас нет, но мешать тебе никто не будет. — Гостеприимство по-родственному, а не доллары.

— Спасибо, — отозвался Уэсли, стараясь не обидеть дядю, — я неплохо устроился в общежитии.

— В следующий раз, когда соберешься в Нью-Йорк, предупреди заранее. Тут рядом есть очень приличные отели, и тебе будет там удобно. Сходим в театр или еще куда-нибудь... — Он не договорил. Чего доброго, парень решит, что он подлизывается...

— Обязательно, — неуверенно согласился Уэсли. — В следующий раз. А в этот раз, дядя Руди, я хочу поговорить с вами об отце. — Он испытующе взгляделся в Рудольфа. — Мне не довелось близко знать отца. Я встретился с ним мальчишкой, может, я и сейчас мальчишка, но мне хочется узнать, что он был за человек... Понимаете, о чем я говорю?

— Пожалуй.

— Я составил список людей, знавших отца в разные периоды его жизни, и вы с тетей Гретхен стоите первыми в этом списке. А как же иначе?

— Да, конечно. Как же иначе. — Рудольф боялся вопросов, которые ему могут задать, боялся ответов, которые вынужден будет дать этому высокому серьезному юноше.

— Когда мы с ним познакомились, — продолжал Уэсли, — я

сразу стал смотреть на него как на героя, чуть ли не святого, потому что он так относился ко мне, к Кейт и Дуайеру и от каждого умел добиться всего, что нужно, ни разу не повысив голоса, и, что бы ни случилось, оставался хозяином положения. Но он ведь не всегда был такой. Я смотрел на него глазами ребенка. Я хочу понять его по-настоящему. Для своего же блага. Это поможет мне понять себя. Каким я хочу стать, что делать в жизни... Извините меня, я совсем запутался... — Он раздраженно передернул широкими плечами.

— Не так уж ты далек от истины, — ласково ответил Рудольф. — Я все тебе расскажу... все, что помню. Но сначала нам следует, по-моему, пойти поужинать. — Первая заповедь цивилизации: прошлое подождет.

— Против хорошего ужина я не возражаю, — поднимаясь, согласился Уэсли. — В пути я ел что попало, а дома меня кормят... — Он скорчил гримасу. — Мать помешана на растительной пище. Но я же не белка. Дядя Руди, — улыбнулся он, — я только и слышу о том, какой вы богатый. Может, вы угостите меня бифштексом?

— На это, пожалуй, моего богатства хватит, — засмеялся Рудольф. — Во всяком случае, несколько раз в году я могу позволить себе такую роскошь. Подожди, я только попрощаюсь с Инид и надену пиджак.

Когда он вытаскивал пиджак из стенного шкафа, раздался телефонный звонок. Он поднял трубку.

— Алло!

– Руди... – услышал он голос Гретхен. – Ты где ужинаешь? – От смущения она всегда становилась довольно резкой и прямолинейной. Они давно не разговаривали, и он меньше всего ожидал ее звонка в пятницу вечером.

– Видишь ли... – Он был в нерешительности. – У меня неожиданный гость. Уэсли. Он приехал из Индианаполиса на попутных машинах. Я веду его ужинать. Пойдешь с нами?

– Ему нужно о чем-то с тобой поговорить? – разочарованно спросила Гретхен.

– Да нет. Во всяком случае, никакого секретного разговора, насколько я знаю, не предвидится.

– Мне не хотелось бы мешать вам...

– Не говори глупостей, Гретхен. Может, тебе самой нужно о чем-то со мной поговорить? – В прошлый раз, когда они вместе ужинали, Гретхен была расстроена и дала ему понять, что это из-за голливудского режиссера, у которого она работает и с которым то сходится, то расходится. Как его зовут? Кинселла. Эванс Кинселла. Надменный голливудский сукин сын. Только один раз Гретхен повезло с мужчиной, и надо же ему было врезаться на машине в дерево. Она, наверное, и звонит-то из-за этого Кинселлы, но если ей уж так приспичило излить душу, то это можно сделать и после того, как они проводят Уэсли до общежития.

– Я позвонила, – сказала Гретхен, – потому что мне сегодня вечером нечего делать. Мой приятель меня обманул. Для разнообразия. – Она невесело рассмеялась. – Вот я и

вспомнила, что у меня есть родственники. Хорошо пови-
даться с родственниками, когда нет других занятий. А как
Уэсли?

– Ничего, – ответил Рудольф. – Вырос. И такой же серьез-
ный. Даже еще более серьезный.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Не страшнее, чем у нас с тобой, – весело ответил он.

– А как он отнесется к моему появлению?

– Прекрасно. Он сказал, что мы с тобой первые в списке
тех, кого он хочет видеть.

– Что это значит? – встревожилась она.

– После ужина я тебе все объясню. Парень просит биф-
штекс. – Он назвал ей ресторан, положил трубку и, надев
пиджак, спустился вниз. Уэсли стоял посреди гостиной и
осматривался по сторонам.

– Знаете, – усмехнулся он, – вот таким, по-моему, и дол-
жен быть дом истинного христианина.

По дороге к ресторану Рудольф заметил, что Уэсли ходит
точь-в-точь как отец: так же горбится, так же угрожающе по-
водит плечами. В детстве Рудольф думал, что Том нарочно
так ходит: пусть все знают, что перед ними вырвавшийся на
свободу опасный хищник, и держатся подальше. Повзрослев,
Рудольф увидел в этой походке способ самозащиты. Так брат
давал понять, чтобы его оставили в покое.

Узнав, что Гретхен тоже придет в ресторан, Уэсли обра-

довался:

– Здорово! Она – блеск, настоящая леди. Не то что эти дамочки, которых мы катали. Деньги у них прямо из ушей сыпались... – Он смешно затряс головой. – Они день и ночь разгуливали полуголые и на всех... плевать хотели. – После двух стаканов пива у него слегка развязался язык. – Знаете, я иногда не могу понять: вот некоторые женщины за всю свою жизнь пальцем не пошевелили, а держатся так, будто им принадлежит весь мир.

– Они репетируют перед зеркалом, – сказал Рудольф.

– Репетируют перед зеркалом! – расхохотался Уэсли. – Надо запомнить. А тетя Гретхен работает, правда?

– Еще как, – ответил Рудольф.

– В этом, по-моему, все и дело. Кто не работает, тот дерьмо. Извините за выражение, – спохватился он.

– Ничего.

– Отец и покрепче выражался, – сказал Уэсли. – Вот некоторые говорят так, будто у них в заднице якорь сидит. Он таких не любил. Он говорил, что крепкие словечки – это одно дело, а похабщина – совсем другое.

– Правильно он говорил. – «Интересно, – подумал Рудольф, который так и не преодолел детской неприязни к ругательствам и всегда тщательно следил за своей речью, – а я тоже вхожу в эту категорию людей с якорем в заднице?»

– Знаете, – продолжал Уэсли, – Кролик очень высокого мнения о вашей сестре. Он сказал мне, что вам следовало

бы жениться на ней.

– Тут возникли бы определенные затруднения, – возразил Рудольф, – поскольку мы брат и сестра, а я не египетский фараон.

– Как это? – не понял Уэсли.

– В Древнем Египте у фараонов было принято жениться на сестрах.

– Понятно, – отозвался Уэсли. – Я, знаете, не очень-то силен в науках.

– Ты еще молодой.

– Ага-а, – протянул Уэсли, задумавшись над своей молодостью.

«Нет, в мальчишке определенно есть хорошие задатки, а теперь Крейлеры получили законное право искоренять и губить их. Это же настоящее преступление! Завтра нужно будет еще раз спросить у Джонни Хита – он и его жена едут с нами в Монток, – нет ли какой-нибудь возможности вырвать мальчишку из рук матери».

– Кстати, об образовании, – сказал Рудольф, – ты собираешься в колледж?

– Мать говорит, это пустая трата денег, – пожал плечами Уэсли. – Я много читаю, но не то, что велят в школе. Я тут заинтересовался мормонами. Наверное, хотел узнать, почему мать и мистер Крейлер такие – потому, что они мормоны, или сами по себе. – Он усмехнулся. – Я думаю, они мерзкие по природе, а от религии вся дрянь из них так и полезла.

Но, – добавил он серьезнее, – религия эта необычная. Мормоны определенно были людьми храбрыми, они пошли наперекор всем Соединенным Штатам, пересекли в своих фургонах половину страны, поселились в пустыне, и пустыня, говорят, зацвела. Но эти их женщины! Смотрю я на свою мать и, клянусь вам, не понимаю, зачем люди женятся! Послушаешь ее десять минут – и всю жизнь просидишь холостяком. И вообще брак... – Он нахмурился. – Наша семья, например. Вы развелись. Тетя Гретхен развелась, мой отец тоже... В чем тут дело, а?

– Не ты первый об этом спрашиваешь, – сказал Рудольф. – Может быть, просто такое сейчас время. Мы меняемся, стараемся приспособиться друг к другу, притереться, и ничего не получается. Наверное, мы к этому не совсем готовы.

– У нас в школе есть одна девчонка, – снова нахмурился Уэсли, – хорошенькая, постарше меня. Мы... Ну, мы с ней дурачились в машине на заднем сиденье и у нее дома, когда родителей не было... Раза два... И она уже начала поговаривать о свадьбе. Вижу, ее на этом прямо заклинило. Ну, тогда я перестал с ней встречаться. А вы женитесь еще раз? – И он подозрительно уставился на Рудольфа, словно ожидая, что вот-вот услышит звон свадебных колоколов.

– Трудно сказать, – ответил Рудольф. – Пока не собираюсь.

– Смешная вещь – религия, – вдруг ни с того ни с сего сказал Уэсли; должно быть, разговор о браке смутил его, и

он решил поскорее переменить тему. — Я хочу верить в Бога, — серьезно продолжал он. — Кто-то же ведь все это создал, правда? Откуда мы здесь взялись, чем заняты, как все происходит — например, откуда берется воздух, которым мы дышим, вода, которую пьем, пища, которую едим? За последние месяцы я прочитал всю Библию от корки до корки. Ответов там нет — по крайней мере я их не нашел.

«Милый мой племянник, — хотелось сказать Рудольфу, — когда твоему дяде было шестнадцать лет, он тоже читал Библию в поисках ответов. И тоже не нашел их».

— Во что же верить? — спросил Уэсли. — Вот мормоны говорят, будто бы Джозеф Смит нашел эти медные пластинки и никому не показал. Вы верите? Неужели люди способны верить в такую чушь?

— Еще говорят, будто бы Моисей спустился с горы Синай и принес с собой десять заповедей, высеченных Богом на камне, — сказал Рудольф, обрадованный тем, что Уэсли не спросил его прямо, верит ли он в Бога. — И в течение тысячелетий многие люди верили в эту легенду.

— А вы верите?

— Нет.

— И в школе нас тоже учат таким вещам, от которых просто смех берет. Часами, например, талдычат, что между черными и белыми нет никакой разницы, но стоит только выйти за дверь и пройти один квартал — и оказывается, все совсем не так. Во Франции было по-другому. А может, я сам был

другим во Франции. Во Франции мне жилось весело, хотя с языком приходилось нелегко, а в Индианаполисе... — Он пожал плечами. — Большинство учителей, на мой взгляд, законченное дерьмо. Ребята на уроках орут, стреляют шариками из жеваной бумаги, бывает, и ножиками пыряются, а учителя только и делают, что их утихомиривают. Если в колледже то же самое, тогда ну его... — Он вопросительно посмотрел на Рудольфа. — А вы что думаете про колледж? Идти мне туда?

— Смотря чем ты хочешь потом заниматься, — осторожно ответил Рудольф, тронутый наивной словоохотливостью Уэсли и верой в то, что дядя не предаст его миру взрослых.

— Откуда я знаю? — сказал Уэсли. — То есть я знаю, чего хочу, но я пока не могу об этом никому рассказать. — Тон его вдруг стал холодным.

— Например, — продолжал Рудольф, не обращая внимания на эту перемену, — ты кое-что знаешь о море. Тебе оно нравится, правда?

— Нравилось, — невесело ответил Уэсли.

— Ты можешь пойти в торговый флот.

— Кролик говорит, собачья жизнь.

— Не обязательно. Неужели работа на «Клотильде» была для Кролика собачьей жизнью?

— Нет.

— И совсем это не собачья жизнь, если служишь офицером на приличном судне, если станешь капитаном...

— Пожалуй.

– Здесь, в Нью-Йорке, есть училище торгового флота. По окончании его сразу получаешь офицерское звание.

– Понятно, – задумчиво отозвался Уэсли. – Может, стоит об этом поразмыслить.

– А я тем временем наведу справки, – сказал Рудольф, – и напишу тебе, о чем узнаю. Только не забудь: теперь я буду писать до востребования.

В ожидании Гретхен Рудольф выпил martini и решил, что теперь самое время поговорить с Уэсли о наследстве.

– После уплаты всех налогов и гонорара адвокатам, – сказал Рудольф, – должно остаться немногим более ста тысяч долларов, которые подлежат дележу. – Уэсли и Кейт не знают, что это те деньги, которые он заплатил за «Клотильду». – Одна треть причитается самой Кейт, вторая треть – ей же как опекунше собственного ребенка... – Он умолчал о том, сколько времени спорили между собой адвокаты, прежде чем удалось достичь компромисса.

Крейлеры упорно боролись за то, чтобы Тереза как мать Уэсли была назначена администратором наследства. Их притязания имели некоторую юридическую силу, поскольку Кейт – британская подданная, постоянно проживающая в Англии. Пришлось напомнить Терезе, что она дважды была осуждена за проституцию и на этом основании Хит может возбудить против нее дело и не позволит ей – из соображений морали – стать опекуншей Уэсли, пусть даже

она его родная мать. Конечно, Рудольф никогда не допустил бы ничего подобного, чтобы не травмировать Уэсли, но все же угроза подействовала. Крейлеры сдались и согласились, чтобы администратором наследства назначили Рудольфа; теперь ему ежемесячно предстояло отвечать на длинный перечень язвительных вопросов о каждом истраченном центре. Кроме того, Крейлеры то и дело грозили подать на него в суд за неумышленно или умышленно допущенные нарушения закона при защите интересов Уэсли. Какой черт дернул Тома сделать предложение этой бабе?!

– Остается примерно одна треть... – Он умолк. – Уэсли, ты меня слушаешь?

– Конечно, – отозвался Уэсли. Прошел официант с блюдом, на котором еще шипел огромный кусок жареного мяса, и Уэсли проводил его голодным взглядом. «Что бы про него ни говорили, – подумал Рудольф, – избалованным его не назовешь».

– Я сказал, – продолжал Рудольф, – что тебе остается приблизительно тридцать три тысячи долларов, которые следует положить в банк. Проценты с этой суммы составят около тысячи девятисот долларов в год, которые твоя мать должна тратить на твое содержание. Когда тебе исполнится восемнадцать лет, ты вступишь во владение основным капиталом и сможешь им распорядиться по своему усмотрению. Я советую тебе его не трогать. Проценты будут по-прежнему небольшими, но они помогут тебе заплатить за обучение в

колледже, если ты захочешь учиться дальше. Это понятно?

Мальчишка опять не слушал его. Он с нескрываемым восхищением смотрел на яркую блондинку в норковом манто, появившуюся в сопровождении двух пузатых седых мужчин во фраках. Рудольф знал, что это любимый ресторан наиболее преуспевающих мафиози, а их спутницы вполне могут составить конкуренцию ресторанной кухне.

– Уэсли, – в отчаянии воскликнул Рудольф, – я веду разговор о деньгах!

– Знаю, – виновато отозвался Уэсли. – Но ведь тут есть на что посмотреть, а?

– Для этого и нужны деньги, Уэсли, – сказал Рудольф. Племянник должен уяснить истинную ценность денег. – Тысяча девятьсот долларов в год для тебя, возможно, не такая уж значительная сумма, но мне в твоём возрасте... – Он понял, что если закончит фразу, то напыщенно-назидательного тона не избежать. – Ладно, черт с ними, я напишу тебе обо всем в письме.

В эту минуту в зал вошла Гретхен. Он помахал ей, и когда она подошла к их столику, оба встали. Рудольфа она клюнула в щеку, а Уэсли обняла и крепко поцеловала.

– Очень рада тебя видеть, – сказала она, и голос ее, к удивлению Рудольфа, дрогнул. Когда он увидел ее рядом с мальчиком и заметил, как она всматривается в его лицо, борясь с непонятным волнением, ему вдруг стало ее жаль. Наверное, вспоминает собственного сына, потерянного ею, отвер-

гающего ее и под всякими предлогами не позволяющего навестить его в Брюсселе. – Ты чудно выглядишь, – добавила Гретхен, не выпуская мальчика из объятий. – Хотя новый костюмчик тебе не помешал бы.

И оба засмеялись.

– Если ты пробудешь в Нью-Йорке до понедельника, – продолжала Гретхен, разжав наконец объятия и усаживаясь, – мы сходим с тобой в «Сакс», посмотрим, нет ли там чего-нибудь подходящего.

– К сожалению, я завтра уезжаю, – ответил Уэсли.

– Неужели ты приехал всего на один день? – не поверила Гретхен.

– У него дела, – вмешался Рудольф. Ему не хотелось выслушивать гневные тирады Гретхен, которыми она, несомненно, разразится, если узнает о том, какое условие выдвинули Крейлеры относительно денег, принадлежащих Уэсли. – Ну, давайте заказывать, я ужасно проголодался.

За едой Уэсли приступил к расспросам об отце.

– Я сказал дяде Руди, – начал он, управившись с огромным куском мяса, – почему я хочу знать... должен знать, каким на самом деле был мой отец. Он сам много рассказал мне, а Кролик добавил... Но общего представления у меня пока нет. Отец рассказывал, как его боялись и ненавидели, когда он был еще подростком, а потом постарше, в какие переделки он попадал... Как его ненавидели и как он ненави-

дел других. И вас с дядей Руди в том числе... — Он угрюмо посмотрел сначала на Гретхен, а потом на Рудольфа. — Но когда вы приехали к нам, у него ненависти уже не было. Он... я должен вам это сказать, он вас любил. Он мне говорил, что почти всю жизнь был несчастлив, а потом — он сам это сказал — он научился забывать врагов... быть счастливым. Вот и я тоже хочу научиться быть счастливым. — Мальчишка плакал, не стыдясь слез, и в то же время поглощал один за другим громадные куски бифштекса с таким зверским аппетитом, будто несколько недель голодал.

— Все дело в Руди, — медленно сказала Гретхен, кладя на стол вилку и нож. — Ты уж извини, если я выскажусь, Руди.

— Пожалуйста. Говори что хочешь. Если я найду, что ты не права, я тебя поправлю. — Как-нибудь в другой раз он расскажет мальчишке, каким образом и когда его отец научился быть счастливым. Расскажет о том дне, когда Том узнал, что Рудольф втайне от него вложил в дело пять тысяч долларов, которые Том получил, шантажируя адвоката-клептомана в Бостоне. Том вернул «проклятые деньги», которые пришлось заплатить их отцу, чтобы вытащить Тома из тюрьмы, куда его засадили по обвинению в изнасиловании. Он швырнул стодолларовые купюры на кровать в отеле и сказал Рудольфу: «Я хочу вернуть долг моим поганым родственникам... вот и все. Спусти их в сортир. Просади на баб. Пожертвуй на благотворительность. Я их обратно не возьму». Эти пять тысяч благодаря умелому обращению преврати-

лись в шестьдесят — хотя в те годы Рудольф понятия не имел, где Том, жив он или умер, — и в конце концов помогли Тому купить яхту, которую он назвал «Клотильдой». «Твоего отца, — скажет Рудольф когда-нибудь, — сделали счастливым преступления, случай и деньги, и у него хватило ума всем этим воспользоваться». Конечно, это едва ли поможет Уэсли. К преступлению у парня нет ни малейшей склонности, случай пока обходит его стороной, а к деньгам он равнодушен.

— В нашей семье, — тем временем говорила Гретхен, — любимчиком был Руди. Поэтому вся любовь, на какую были способны наши родители, принадлежала ему. Я не говорю, что он ее не заслуживал: именно он помогал в лавке, он получал самые высокие оценки в школе, он был лучшим в спортивной команде, он должен был пойти в университет, никто в этом не сомневался. Но только он получал подарки, его поздравляли с днем рождения, ему подавали свежевывглаженную рубашку, когда он собирался куда-нибудь пойти, ему купили дорогую трубу, чтобы он играл в оркестре. Он один был надеждой нашей семьи. Что же касается нас с Томом... — Она пожала плечами. — Мы были париями. Мне в университет? Как бы не так! Сразу после школы меня послали работать, и почти все жалованье я должна была отдавать семье. Когда Рудольф отправлялся на свидание, мать давала ему карманные деньги. А когда у меня появился мужчина, она назвала меня шлюхой. Ну а Том... Родители всегда утверждали,

что он закончит тюрьмой. Разговаривая с ним – а делали они это как можно реже, – они не говорили, а рычали. Вот он, наверно, и сказал себе: «Раз так, я и буду таким». По правде говоря, я его даже боялась. Меня пугала его неуравновешенность. Я его избегала. Если шла по улице с кем-нибудь из приятелей, я делала вид, что не замечаю его. И когда он исчез из города, я обрадовалась. Много лет даже не вспоминала о нем. Теперь-то я понимаю, что была не права. Мы вдвоем должны были образовать коалицию, выступить единым фронтом против остальных. Но в ту пору я по молодости этого не понимала и боялась, что он потащит меня за собой. Снобизма во мне было хоть отбавляй – правда, меньше, чем в Руди, и я считала Тома хулиганом и невеждой. Я приехала в Нью-Йорк, какое-то время играла на сцене, потом писала для журналов и вечно тряслась при мысли, что он может разыскать меня и я потеряю всех своих друзей. И когда Руди однажды повел меня на его матч, я пришла в ужас от него и от твоей матери. Они казались мне пришельцами из другого мира. Из мира ужасов. Мне было стыдно, что они мои родственники. Может, тебе все это неприятно слышать, Уэсли...

– Да, неприятно, – кивнул Уэсли, – но я сам попросил вас. Мне не нужны сказки...

– Надеюсь, я не слишком обидела тебя, Руди, рассказом о нашем счастливом детстве? – повернулась к нему Гретхен.

– Нет, – ответил Рудольф. – «Правда всегда прекрас-

на...» — дальше ты сама помнишь. Я был тупым и самодовольным, — продолжал он, растравляя старые раны, — ты, Уэсли, по-моему, об этом уже догадался. Во всяком случае, если ты так считаешь, я на тебя не обижаюсь. Твой отец, конечно, вряд ли сказал бы так. Все, что я делал, заявил бы он, поразмыслив как следует, было сплошное притворство, ибо делал я это не для себя, а чтобы произвести впечатление на других, в основном на людей солидных и влиятельных. Сейчас, оглядываясь назад, я называю себя тупым и самодовольным, но тогда я вел себя подобным образом, чтобы вырваться из того мира, в котором, как в силках, бились наши отец и мать. — Он печально улыбнулся. — И самое смешное, что мне действительно удалось вырваться.

— Вы слишком суровы к себе, дядя Руди, — тихо сказал Уэсли. — Почему бы вам хоть раз в жизни не похвалить себя за что-нибудь? Отец сказал, что вы спасли ему жизнь.

— Серьезно? — удивился Рудольф. — Мне он этого ни разу не говорил.

— Он считал, что людей нельзя хвалить в лицо, — ответил Уэсли. — Меня он тоже, честно говоря, редко хвалил... — Он улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. Улыбка совершенно преобразила его худое задумчивое лицо — оно стало ребячливым и открытым. «Ему полезно улыбаться», — подумал Рудольф. — И Кролика, и даже Кейт тоже не очень-то нахваливал... Ну, Кейт он, конечно, хвалил за стряпню, да и то не столько хвалил, сколько подшучивал, потому что она ведь

англичанка. Иногда я замечал, даже в первое время, когда еще только начал его узнавать, как он стоит один и думает, что никто его не видит, и такой грустный, будто у него в жизни было много плохого, о чем он не в силах забыть. Но что вы спасли ему жизнь, он правда сказал.

– Я только отдал ему его же собственные деньги, – ответил Рудольф. – Надеюсь, ты понял, что Гретхен пыталась объяснить тебе, как и почему твой отец был таким в молодости. Таким его сделала семья.

– Понял, – ответил Уэсли.

– Все это верно, – продолжал Рудольф, – и в то же время не совсем. Я хочу сказать несколько слов в свое оправдание. Я не виноват в том, что оказался старшим сыном в семье, что мой отец был невежественным, неуправляемым человеком, да еще со страшным прошлым, в котором он тоже не был виноват. Не моя вина, что наша мать была истеричкой, помешанной на своем «благородном» происхождении. Не я виноват и в том, что Гретхен оказалась сентиментальной и эгоистичной дурочкой... Прости меня, – обратился он к Гретхен. – Все это я говорю не ради нас с тобой, а ради Уэсли.

– Я понимаю, – ответила Гретхен, склонившись над тарелкой так, что лица ее почти не было видно.

– В конце концов, – продолжал Рудольф, – мы все трое унаследовали одинаковые гены и воспитывались одинаково. Только что Гретхен призналась, что боялась твоего отца. А в действительности ее пугал не он, а то, что она видела в нем,

ибо то же самое она видела и в себе. И старалась от этого уйти. А я видел в нем нашего отца, человека жестокого, прикованного к ненавистному занятию, патологически боявшегося умереть в нищете – настолько, что он предпочел покончить жизнь самоубийством, лишь бы не оказаться лицом к лицу с такой возможностью. Я тоже старался уйти. Только навстречу деньгам, респектабельности.

Уэсли понимающе кивнул:

– Может, и хорошо, что сын Крейлера сейчас во Вьетнаме. Не то нам с ним каждый вечер пришлось бы ужинать вместе, и тогда...

– И до твоего отца были младшие сыновья в семьях еще хуже нашей, – продолжал Рудольф. – Однако они не старались погубить все, к чему прикасались. Не хотелось бы говорить этого, Уэсли, но до похорон нашей матери я твердо верил, что твой отец по природе своей разрушитель. И его главная радость в жизни – уничтожать, разрушать, губить все, в том числе и самого себя.

– В конце концов так оно и вышло, – горько заметил Уэсли.

– Его поступок той ночью в Канне, – сказал Рудольф, – достоин восхищения. С его точки зрения. И, честно говоря, с моей тоже. Не забывай этого.

– Я постараюсь не забыть, – ответил Уэсли. – Постараюсь. Только, по-моему, все, что он тогда сделал, было зря. Никому не нужно.

– Ну, кажется, – вздохнул Рудольф, – мы рассказали тебе все, что могли, и старались не кривить душой. Забавные случаи отложим до другого раза. Ты, наверное, устал. Я пришлю тебе список людей, с которыми стоит поговорить, они могут оказать тебе большую помощь, чем мы. А теперь доедай, и я отвезу тебя в общежитие.

– Не нужно, – довольно резко отказался Уэсли. – Я пройду через парк.

– Теперь вечером в Нью-Йорке никто через парк в одиночку не ходит, – возразила Гретхен.

– А я хожу. – Уэсли холодно посмотрел на нее.

«О Боже, – подумал Рудольф, глядя, как мальчишка управляет с последним куском бифштекса, – до чего же он похож на своего отца! И внешне, и говорит так же. Помогите ему, Господи!»

Глава 4

Рудольф, Инид и няня стояли на залитом утренним солнцем тротуаре и ждали Джонни Хита и его жену; Хиты тоже ехали в Монток и должны были захватить Рудольфа и Инид на своем «линкольне-континентале». У ног няни стоял чемодан. Она на целую неделю уезжала к себе в Нью-Джерси. «И почему это, – от нечего делать подумал Рудольф, – ни одна няня не живет в том же штате, где работает?»

Накануне вечером, распрощавшись с Уэсли, Рудольф

проводил Гретхен домой. Он предложил ей поехать с ним и с Хитами. Она сделала большие глаза, и он вспомнил, что у нее когда-то был роман с Хитом.

– А без свидетелей ты со своей бывшей женой уже встретиться не можешь? – спросила она.

Он не задумывался над этим прежде, но теперь, после ее слов, понял, что в них есть правда. Джин один раз приезжала к нему в сопровождении дородной массажистки, которую сделала своей компаньонкой еще в Рино. Встреча получилась неудачной, хотя Джин была совершенно трезвой, уравновешенной и тихой, даже когда играла с Инид. Она сказала, что купила себе домик в Монтоке и живет там скромно и незаметно. В Мексике она не задержалась. Климат там благоприятствует пьянству, это не для нее. Она теперь совсем не пьет и даже снова занялась фотографией. Правда, в журналы пока не обращалась. Снимает для себя. И руки у нее больше не дрожат. Если забыть о постоянном присутствии массажистки, Джин снова стала той женщиной, на которой он женился и которую так долго любил, – живой и юной, с блестящими волосами, нежным цветом лица, и Рудольф уже не знал, правильно ли поступил, согласившись на развод. Он жалел Джин, но ему было жаль и себя. Поэтому, когда несколько дней назад она попросила отпустить к ней Инид на неделю, он не стал отказывать.

Он боялся не за Инид, а за себя, боялся остаться наедине с Джин в уютном, по ее словам, домике, наполненном уют-

ным грохотом океана. Она сказала, что он может занять комнату для гостей, но он заказал себе номер в ближайшем мотеле. А подумав, решил пригласить и Хитов. Он боялся, что вечер, проведенный перед горящим камином в тишине, разрушаемой лишь рокотом волн, вызовет у него желание вернуться к семейному очагу. Нет, прошлое ворошить незачем. Отсюда и появление Хитов. Отсюда и вопрос Гретхен.

– Нет, свидетели мне не нужны, – ответил он. – Нам с Джонни есть о чем поговорить, а идти к нему в контору мне не хочется.

– Понятно, – не очень веря, отозвалась Гретхен и переменяла тему разговора: – Как тебе Уэсли?

– Думающий парень, – сказал Рудольф. – Склонен к самоанализу, пожалуй, даже слишком... А что с ним будет дальше, целиком зависит от того, сумеет ли он выдержать мать и ее мужа до своего восемнадцатилетия.

– А ты заметил, какой он красивый? – спросила Гретхен.

– Как-то не обратил внимания.

– Такие лица любят снимать в кино, – заметила Гретхен. – Высокие скулы, приятная улыбка, ласковый взгляд, и в то же время производит впечатление человека большой моральной силы.

– Ты, по-видимому, более наблюдательна, чем я, – только и сказал Рудольф.

– Или более ранима, – улыбнулась она.

– Когда ты позвонила, мне показалось, что ты хочешь со

мной о чем-то поговорить, – вспомнил он. – Что-нибудь случилось?

– Не больше, чем всегда. – Она снова улыбнулась. – Поговорим, когда ты вернешься.

Возле дома он поцеловал ее и подождал, пока она не вошла в охраняемый швейцаром ярко освещенный вестибюль – элегантная, эффектная, способная постоять за себя. «Но не всегда, – подумал он. – Не всегда».

Подъехал «линкольн-континенталь»; Джонни Хит сидел за рулем, его жена Илейн – рядом. Няня поцеловала Инид на прощание.

Илейн Хит вышла из машины, помогла усадить Инид на заднем сиденье и сама села рядом. Илейн была высокая, с красиво уложенными волосами, твердым и умным взглядом, как и подобает супруге владельца одной из наиболее преуспевающих контор на Уолл-стрит. Детей у Хитов не было.

Рудольф сел возле Джонни. Инид помахала рукой няне, оставшейся на тротуаре с чемоданом в руках, и они тронулись.

– Ну, вперед, к мысу Монток! – воскликнул Джонни. – Будем ловить омаров и устраивать оргии на берегу.

Лицо у него было круглое, с расплывшимися чертами, глаза – обманчиво кроткие, руки, лежавшие на руле, – белые, пухлые, а под спортивным пиджаком в крупную клетку уже намечался животик. Машину он вел умело и энергично. Другие водители вынуждены были уступать ему дорогу, подоб-

но тому как другие адвокаты пасовали перед его напористостью на заседаниях совета директоров или в зале суда. Рудольф теперь редко виделся с Джонни. После женитьбы Хита они почему-то разошлись, и всякий раз, когда им доводилось встречаться – а между встречами проходило несколько месяцев, – Рудольф без всякого сожаления неизменно констатировал: вот и я выглядел бы, наверное, так же.

Позади радостно щебетала Инид. Илейн что-то прошептала ей на ухо, и Инид засмеялась в ответ. На первый взгляд казалось, что Илейн едва ли решится обнять ребенка, побоится, что девочка помнет или испачкает ее красивый твидовый костюм. Но, оглянувшись, Рудольф увидел, что Инид растрепала превосходно уложенные волосы Илейн, а та только радостно улыбается. «Внешность обманчива», – подумал Рудольф, глядя на дорогу. Они ехали по мосту Трайборо – вдоль реки тянулся в лучах по-весеннему яркого солнца Нью-Йорк: небоскребы, стекло, дымящиеся трубы. В такие вот минуты, видя этот огромный до неправдоподобия город во всем его суровом величии, Рудольф снова испытывал былое, как в молодости, волнение, снова с удовлетворением сознавал, что он тоже житель Нью-Йорка.

Внизу на воде отважно сражалась с течением небольшая яхта. «Может, и я, – подумал он, – этим летом пойду на «Клотильде» к берегам Италии. Хоть польза будет от нее». Они ведь и тогда шли в Портофино, но так до него и не добрались. Не надо вспоминать прошлое. «Уговорю Жанну на

две недели удрать от мужа и детей, будем плыть со скоростью двенадцать узлов и пить местное вино из запотевшего на солнце графина где-нибудь в кафе на Лигурийском побережье. Нельзя раньше времени превращаться в старика. *Fantasia Italiana*»²⁶.

– Джонни, – вернулся он в настоящее, – о чем ты хотел со мной поговорить?

– У меня есть один клиент, – сказал Джонни. – Сам он, по правде говоря, умер, но вопрос о его наследстве еще не улажен. – «Джонни, – мысленно усмехнулся Рудольф, – зарабатывает на покойниках гораздо больше, чем все похоронные бюро города, вместе взятые. Ох уж эти адвокаты!» – Наследники, как водится, перегрызлись, – добавил Джонни, – но этим-то тебя не удивишь.

– Я уже сделался профессионалом, – отозвался Рудольф.

– Чтобы избежать тяжбы, – продолжал Джонни, – решено продать часть имущества по весьма сходной цене. Огромное ранчо в Неваде. Налог там весьма умеренный, ты и сам знаешь.

– Да, знаю, – сказал Рудольф.

– В Нью-Йорке дел у тебя нет, – продолжал Джонни. – Вид у тебя скверный и отнюдь не счастливый. Не представляю себе, чем ты занят целыми днями, черт побери!

– Играю на пианино, – ответил Рудольф.

– Что-то я не видел твоей фамилии на афишах у Карне-

²⁶ Итальянская фантазия (*ит.*).

ги-холла.

– Еще увидишь, – отозвался Рудольф.

– Ты погибаешь прямо на глазах, – продолжал Джонни. – Никуда не ходишь. Ни на одной вечеринке тебя не увидишь.

– А как в Неваде с вечеринками?

– Там веселятся вовсю, это один из наиболее процветающих штатов, – принялся убеждать его Джонни. – Миллионеры растут как грибы. Чтобы ты поверил, что я не шучу, я готов войти с тобой в долю – устрою закладные, помогу найти людей, которые занялись бы хозяйством. Не думай, старик, мною движет не альтруизм, мне нужно место, куда я мог бы время от времени прятаться. И с налогами на золотом Западе мне тоже будет легче. Ранчо это я сам не видел, но документы держал в руках. Оно весьма жизнеспособно. А если туда еще кое-что вложить по-умному, то даже более чем жизнеспособно. На нем стоит большой дом – если его немного подремонттировать, будет не дом, а мечта. И для детей лучшего места не найдешь: воздух чистый, про наркотики никто и не слышал, до ближайшего города сто миль. Политикой там занимаются люди надежные, так что все будет шито-крыто, и ты будешь там себя чувствовать как рыба в воде. Про Уитби они ничего не знают. Да и вообще ту историю все давно забыли, несмотря на дурацкую заметку в «Тайме». Через десять лет станешь сенатором. Ты меня слушаешь, Руди?

– Конечно.

На самом деле последние несколько секунд он слушал

вполуха. Когда Джонни сказал, что это превосходное место для детей, он заинтересовался. Он обязан заботиться об Инид, но есть еще и Уэсли, и Билли. Как-никак кровная родня. О них тоже надо подумать. Билли – парень неприкаянный, еще мальчиком, в школе, был циничным, лишенным честолюбия насмешником и отщепенцем. Уэсли, судя по всему, никакими талантами не блещет, а то образование, которое уготовано ему судьбой, вряд ли увеличит его шансы на почетное место в жизни. На современном же ранчо, где идет вечная борьба с засухой, наводнениями, с истощением почвы, где требуются умение и хватка, чтобы управлять машинами и работниками и иметь рынок сбыта, обоим найдется дело, а если они займутся делом, можно уже за них не беспокоиться. Рано или поздно у них самих появятся семьи. Да и он, между прочим, тоже может еще жениться – почему бы и нет? – и завести детей.

– Мечта патриарха, – произнес он вслух.

– Что? – недоуменно спросил Джонни.

– Ничего. Это я сам с собой. Вообразил себя окруженным детьми и внуками.

– Не думай, что ты будешь отрезан от цивилизации, – сказал Джонни, по ошибке приняв тон Рудольфа за иронический. – На ранчо есть взлетно-посадочная полоса. Захочешь, купишь себе самолет.

– Американская мечта, – заметил Рудольф. – Собственная взлетно-посадочная полоса.

– А что тут плохого? – рассердился Джонни. – Что плохого, если человек хочет быть мобильным? Сел в самолет – и через час ты уже в Рино или в Сан-Франциско. Тут масса преимуществ, причем это совсем не уход на покой. Это включение в активную деятельность, только в новую...

– Я подумаю, – ответил Рудольф.

– Знаешь что? Давай-ка мы с тобой слетаем туда на следующей неделе и посмотрим, – предложил Джонни. – Вреда от этого не будет, а у меня, кроме того, появится уважительная причина не показываться в эту проклятую контору. Даже если ранчо никуда не годится, мы по крайней мере проветримся. Можешь захватить с собой пианино.

«Очень остроумно», – подумал Рудольф. Он знал, что Джонни считает его уход от дел глупым капризом, ранним проявлением старческого маразма. Сам Джонни отправится на покой только ногами вперед. Они вместе выбрались наверх, вместе заработали кучу денег, ни разу не подвели друг друга, с полуслова друг друга понимали, и Рудольф знал, что Джонни считает своей обязанностью расшевелить его.

– Ладно, – согласился Рудольф. – Я всю жизнь мечтал скакать верхом по пустыне.

– Это не пустыня, – огрызнулся Джонни. – Это ранчо. Оно расположено у подножия гор. По его территории бежит ручей, где водится форель.

– Давай съездим на этой неделе, – сказал Рудольф. – Денька на два, пока Инид будет у Джин. Ты сможешь?

– Я беру билеты, – ответил Джонни.

Они ехали мимо бескончаемых кладбищ Лонг-Айленда, куда ньюйоркцы поколение за поколением укладывают на вечный покой своих близких. Рудольф закрыл глаза и предался мечтам о холмах и горах серебряного штата Невада.

Обычно Гретхен любила работать в монтажной по субботам, когда в безлюдном молчаливом здании они были вдвоем – она и ее помощница Ида Коэн. Но сегодня Ида видела, что Гретхен явно не в своей тарелке. Она без конца прокручивала пленку, резко щелкала ножницами, насвистывая что-то мрачное или горько вздыхая. Ида знала, почему Гретхен с утра в плохом настроении. Эванс Кинселла, их режиссер, снова принялся за старое: снимал как Бог на душу положит, часто являлся на площадку с похмелья и позволял актерам валять дурака в надежде, что Гретхен чудом сумеет отыскать рациональное зерно в ворохе пленки, которую он ей швырнул. Да и в пятницу Ида была в монтажной, когда Кинселла позвонил и сказал, что не может пойти с Гретхен в ресторан, как обещал.

Ида, всей душой преданная подруге, презирала Кинселлу с такой страстью, какую у нее вызывало только Движение за освобождение женщин: она добросовестно посещала все собрания и выступала на них с пламенными, хотя и не совсем логичными речами.

Ида, некрасивая сорокапятилетняя женщина, у которой

не было ни мужа, ни любовника, способных сделать ее жизнь невыносимой, считала, что красивая и талантливая Гретхен позволяет мужчинам эксплуатировать себя. Ида уговорила Гретхен пойти с нею на два собрания, но Гретхен быстро надоели истерические вопли ораторов, и она ушла, сказав: «Когда пойдете на баррикады, можете рассчитывать на меня. Не раньше».

«Но нам нужны такие женщины, как ты», – вымолвила Ида.

«Может быть, – отозвалась Гретхен. – Зато мне они не нужны».

И Ида, потеряв надежду, горестно вздохнула. «Это непростительное политическое равнодушие», – сказала тогда она Гретхен.

Гретхен в то утро беспокоило не только качество фильма, над которым она работала. Несколько дней назад Кинселла подбросил ей очередной сценарий, попросив прочитать и высказать свое мнение. Имя молодого автора ничего не говорило им обоим, но его литературный агент убедил Кинселлу познакомиться с текстом. Гретхен прочла сценарий и пришла в полный восторг, о чем и сказала Кинселле, когда он позвонил ей в пятницу. «В восторг? – переспросил он. – А по-моему, обычное дерьмо. Отдай его моей секретарше, пусть вернет». И повесил трубку. До двух ночи Гретхен перечитывала сценарий. Он был написан мужчиной, но рассказывалось в нем об энергичной женщине из рабочей сре-

ды, она жила в маленьком унылом городишке среди утративших всякую надежду людей, но единственная из всех своих сверстников сумела благодаря уму и смелости выбраться из этого окружения и стать такой, как ей хотелось.

Гретхен верила, что из этого сценария можно сделать фильм, который внесет живую струю в поток появившихся за последнее время фильмов; в противовес голливудским сказкам со счастливым концом, так долго державшимся на экране, это были фильмы о людях, живущих бесцельно и бездумно, иногда восстающих против своей участи, но затем вновь теряющих надежду и погружающихся в апатию; посмотрев такое, зритель и повеситься может. «Если старые голливудские фильмы с их надуманным слащавым оптимизмом были насквозь пропитаны фальшью, – размышляла Гретхен, – то не менее лживы и сегодняшние равнодушные панихиды». Герои возникают ежедневно. Если верно, что они не рождаются вместе со своим классом, то они и не гибнут вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.